ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

·НАУКА·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Ответственный редактор
доктор философских наук
В. В. ДЕНИСОВ

МОСКВА «НАУКА» 1987

Коллективный труд раскрывает гносеологическую и методологическую функции исторического материализма в социальном познании, анализирует теоретический и эмпирический уровни в обществознании, соотношение его научных и обыденных форм, роль исторического материализма в теоретическом обосновании планов социалистического строительства.

Рецензенты:
И. Д. АНДРЕЕВ, В. А. ВАЗЮЛИН, Л. И. НОВИКОВА

И $\frac{0302020200\text{-}358}{042(02)\text{-}87}$ 3-1987-I

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

В настоящей коллективной монографии рассматривается теоретико-методологическое значение исторического материализма, его законов и категорий для научного анализа новых общественных явлений и тенденций, познания и преобразования социальной действительности. Характерной особенностью настоящей монографии является ее обращенность прежде всего к малоисследованным и дискуссионным методологическим вопросам, имеющим вместе с тем принципиально важное значение для дальнейшей разработки социальной теории и научно-адекватного отражения общественной практики.

Характер современной познавательной ситуации обусловлен как закономерностями и требованиями общественной практики, так и уровнем и логикой развития самой социальной теории. В частности, в связи с дальнейшим усложнением и развитием объекта социального познания, происходящими процессами дифференциации и интеграции различных научных дисциплин, усилением междисциплинарных контактов и комплексных исследований неизмеримо возрастает методологическая роль и влияние марксистской философии на всю систему общественных наук и научного знания в целом.

Известно, что объект социального познания обладает определенной спецификой. А именно в процессе социального познания в сознании познающих индивидов, занимающих ту или иную социально-классовую позицию, происходит своеобразное преломление объективной действительности, объективно существующих содержания и формы познаваемого явления, поэтому формирующийся в сознании познающего субъекта образ содержит как объективные, так и субъективные моменты. Это наличие классовой нагрузки в социальном познании и ее влияние на содержание получаемого знания и есть реальность, определяющая его специфику. Но если при познании социальной действительности объект берется в форме чувственно-практической деятельности, т. е. в определенной

степени субъективно, то как возможно научно-объективное знание об общественной жизни? Дать ответ на этот вопрос и разрешить одну из сложнейших проблем социального познания, на которой традиционно спекулируют буржуазные теоретики, можно только последовательно, творчески применяя к анализу общественной жизни весь арсенал марксистских методологических средств. Марксистские методологические принципы социального познания вытекают из объективных закономерностей самого общества, поэтому они обладают непреходящей действенностью, конкретизируясь и развиваясь по мере развития как научного знания, так и самой социальной действительности.

Обнаружение специфики общественной жизни и ее многообразных проявлений, определение соответствующих этой специфике методологических средств теоретического анализа, познания и преобразования социальной действительности занимают в свете сказанного ведущее место в марксистско-ленинской социально-философской теории. Принципы материализма, диалектического, конкретно-исторического и партийно-классового подходов к исследованию и объяснению общественных феноменов выступают в качестве основополагающих для научного исследования, требуют выявления прежде всего «земных основ» и конкретно-исторических предпосылок, классовых ориентиров и ценностных ориентаций как детерминант теоретического отражения социальной реальности и познавательного процесса в обществознании.

Дальнейшая творческая разработка гносеологических и методологических аспектов социального познания во многом зависит от правильного понимания места исторического материализма в системе философского знания, от определения характера взаимодействия диалектического и исторического материализма. Общепризнанным стало положение о единстве диалектического и исторического материализма в рамках марксистско-ленинской философии, но это единство иногда истолковывается по-разному. Как отмечается в одной из обзорных работ по историческому материализму, в литературе все еще имеют место попытки как противопоставления исторического материализма диалектическому, так и их неоправданного отождествления [1]. Несмотря на ряд уже опубликованных

[1] См.: *Плетников Ю. К., Шевченко В. Н.* Исследования в области исторического материализма//Вопр. философии. 1981. № 1. С. 26.

трудов по данной теме [2], раскрывающих ее некоторые важные аспекты, отмеченные разногласия сохраняются и в настоящее время. Поэтому остается актуальной задача дальнейшего анализа этой столь существенной для понимания природы философского знания проблемы.

Особую сложность и остроту данная проблема обретает при рассмотрении методологической функции марксистско-ленинской философии, ее роли в развитии специально-научного знания. Формулируя основные принципы научно-теоретического познания в области как естественных, так и общественных наук, философия марксизма вынуждена учитывать особенность, специфику каждой из этих областей, не теряя при этом из виду существующей между ними связи. Ведь познание природы, с одной стороны, и познание общества — с другой, будучи в любом случае научным познанием, весьма различаются между собой как по предмету, так и по способу своего исследования. В методологическом плане оба эти вида познания одновременно в чем-то едины, а в чем-то различны. В качестве методологии научного познания в целом философия должна выявить и то общее, что характеризует любой вид научного познания, и то особенное, что свойственно каждому из них. Правильное осознание этой методологической функции философии позволяет, на наш взгляд, понять действительное соотношение диалектического и исторического материализма применительно к сфере общественного познания.

Известно, что разработка основных философских проблем обществознания, раскрывающих как природу общественного развития, так и специфику общественного познания (в отличие от естественнонаучного познания и технических дисциплин), сосредоточивается в марксистской философии прежде всего в области исторического материализма. Именно исторический материализм выполняет здесь функцию теории и метода. Но следует ли из этого, что значение диалектического материализма для общественных наук отходит на второй план, оказывается менее существенным по сравнению с историческим материализмом? Подобный взгляд может привести (и часто приводит) к неправильному мнению, согласно которому область общественного познания является исключитель-

---

[2] См., напр.: *Панцхава И. Д., Пахомов Б. Я.* Единство диалектического и исторического материализма//Исторический материализм как наука. М., 1974. С. 19—34; Единство диалектического и исторического материализма. Л., 1978.

ной компетенцией исторического материализма, тогда как за диалектическим материализмом остается лишь область естественнонаучного познания.

Сложившееся в практике научных исследований разделение функций между диалектическим и историческим материализмом (часто вопреки высказываемым теоретическим положениям) во многом способствовало их обособлению в составе философского знания, их оформлению в качестве фактически самостоятельных и существующих параллельно друг с другом философских дисциплин. Не секрет, что и сейчас большая часть работ по диалектическому материализму пишется на материале прежде всего естественных наук, оставляя за своими пределами специфические методологические проблемы политической экономии, истории, социологии, этнографии и т. д. С другой стороны, работы по историческому материализму недостаточно учитывают результаты исследований в области логики и методологии естественных наук, осуществляемых в рамках диалектического материализма.

Никто, конечно, не сомневается в общеметодологической функции диалектического материализма (хотя на практике, как уже сказано, ее анализ часто ограничивается областью естественнонаучного знания). Однако в области общественных наук признание такой функции за диалектическим материализмом наталкивается на вопрос о том, как она соотносится с методологической функцией исторического материализма. Ведь никто не решится утверждать, что в области общественных наук имеют силу два разных метода, один из которых представлен диалектическим, а другой — историческим материализмом. Здесь и вырисовывается та проблема, которая беспокоит многих исследователей: если диалектический материализм представляет собой всеобщий метод познания природной и социальной действительности, то в каком отношении к нему находится исторический материализм, понятый как методология общественных наук? Речь идет, стало быть, о соотношении диалектического и исторического материализма, взятом под углом зрения их методологического значения для познания общественной жизни людей. Из признания же необходимости как диалектического, так и исторического материализма для общественных наук не должен, очевидно, следовать вывод о наличии двух разных методов в общественном познании, как и вывод об их абсолютном тождестве, исключающем какое-либо различие между ними.

Следует отметить, что разрабатываемый в марксистской философии диалектико-материалистический метод научного познания заключает в себе единую методологическую базу для развития естественных и общественных наук. Данный метод позволяет выявить глубочайшее сходство научно-познавательной деятельности, в какой бы конкретной области знания она ни осуществлялась. Познание общества не менее, чем познание природы, обладает свойствами и признаками диалектико-материалистического познания и, следовательно, едино с последним в этом своем главном качестве. Диалектический материализм как логика и теория научного познания и раскрывает то общее, что характеризует любой его конкретный вид, что определяет саму сущность научно-познавательной деятельности независимо от какой-либо особенной формы ее проявления. В этом смысле он выполняет по отношению к научному знанию интегративную, объединяющую функцию, преодолевая кажущуюся на первый взгляд несовместимость, противоположность естественнонаучного и общественного познания. В этой именно противоположности, разрывающей познание на две взаимоисключающие сферы наук о природе и наук о человеке, или гуманитарных наук, движется развитие всей логики и теории познания в буржуазной философии, как они разрабатываются со времен И. Канта и до наших дней. Именно диалектический материализм дает возможность усмотреть внутреннее единство, общность этих различных сфер человеческого познания, объясняя его как отражение материального единства мира, находящегося в процессе непрерывного движения и развития.

Вместе с тем познание природы и познание общества при всей близости своих методологических установок, фиксируемых в рамках диалектического материализма, обладают и рядом существенных различий, определяемых спецификой их объекта. Учет этих различий порождает и особый круг проблем, решаемых в рамках методологии, с одной стороны, естественных, с другой — общественных наук. Разработка диалектико-материалистического метода применительно к познанию общества и составляет, на наш взгляд, собственную задачу исторического материализма.

В качестве методологии общественных наук исторический материализм есть, следовательно, действие принципов диалектико-материалистической логики и теории познания в области исследования общественных явлений и

процессов. С этой точки зрения, исторический материализм есть естественное продолжение диалектического материализма на уровне социально-исторического познания, его социально-философская форма проявления и выражения. Равным образом диалектический материализм есть последовательное проведение принципов материалистического понимания истории в гносеологию. Такие фундаментальные положения диалектического материализма, как роль практики в познании, материальное единство мира, не могли бы возникнуть до и без материалистического понимания истории. Поэтому, говоря о том, что исторический материализм есть действие диалектического метода в области общественных процессов, нельзя понимать это как перенесение уже готовых, предшествующих историческому материализму подходов в новую область. Отношение диалектического и исторического материализма не может быть установлено хронологически как отношение возникшего вначале (диалектического материализма) к возникшему потом (историческому материализму). Такое понимание не соответствовало бы ни истории марксизма, ни его логике. Их отношение есть отношение общего и особенного, где при известной противоположности наблюдается принципиальное сходство и взаимодействие. Если предметом диалектического материализма выступают наиболее общие законы природы, общества и мышления, то исторический материализм сосредоточивается на наиболее общих законах развития и функционирования общества, и в той мере, в какой мышление выступает как социальный процесс, а природа — как человечески освоенная, он проникает в анализ наиболее общих законов этих сфер.

В составе философского знания исторический материализм относится к диалектическому как особенное к всеобщему, однако как такое особенное, которое не только предполагает всеобщее, но и делает его возможным, представляет необходимую форму его проявления. Как без диалектического материализма нет и не может быть исторического, так и без последнего диалектический материализм не мог бы существовать. Диалектический материализм стал возможным, как хорошо известно, лишь при обращении классиков марксизма к социально-исторической практике людей, в результате ее материалистического истолкования, повлекшего за собой формирование исторического материализма. Без материалистического понимания истории не было бы и единой материалисти-

ческой картины мира, не было бы, следовательно, и диалектического материализма. И только исторический материализм позволил К. Марксу и Ф. Энгельсу окончательно решить в пользу материализма основной вопрос философии, утвердить материализм в качестве единственно верного принципа научного познания в целом.

Такая взаимная зависимость диалектического и исторического материализма говорит о том, что последний представляет собой не только особенную, но и высшую форму проявления первого, в которой законы и принципы диалектико-материалистического мышления находят свое полное развитие и обоснование. Короче, нельзя понять до конца ни одной категории диалектического материализма до тех пор, пока она не будет раскрыта в контексте историко-материалистического понимания, т. е. применительно к обществу и человеку [3].

Усматривая в историческом материализме такую философскую концепцию общественного развития, которая строится на принципах его диалектико-материалистического понимания, на применении законов и категорий материалистической диалектики к познанию истории, мы вовсе не хотим отождествить его теоретико-методологическое содержание и значение с соответствующей ролью диалектического материализма. И по составу своих категорий, и по формулируемым законам, и по решаемым задачам исторический материализм существенно отличается от диалектического. Категории исторического материализма, раскрывая специфику, особенности рассматриваемого объекта — общественной жизни людей и их исторического развития, являются не просто переформулировкой, воспроизведением категорий диалектического материализма (и, разумеется, не просто иллюстрацией, частным случаем этих категорий), а результатом их применения

[3] Работы Э. В. Ильенкова представляют собой один из примеров такого применения диалектического материализма к экономической теории марксизма. В них было, во-первых, выявлено социальное содержание категорий «абстрактное», «конкретное», «всеобщее», «особенное» и др. и, во-вторых, раскрыто воспроизводство в логических формах мышления исторически меняющихся форм деятельности. Здесь система категорий диалектики была не просто «приложена» к изменяющемуся социальному миру, а сама предстала в соответствующих ему изменениях и исторической конкретности. Абстрактное и конкретное, например, оказались не раз и навсегда данными формами мысли, а такими, которые соответствовали мере абстрагирования и конкретности, присущих самой конкретно-исторической (капиталистической) действительности.

к качественно новому материалу. Будучи следствием диалектико-материалистического подхода к познанию истории, исторический материализм представляет свою собственную систему философских понятий и категорий, которая способна служить методологической основой для решения более частных проблем общественных наук. Вот почему взаимосвязь, единство диалектического и исторического материализма не могут быть истолкованы как их тождество, абсолютное совпадение.

Представление о том, что единство марксистско-ленинской философии означает по существу тождественность диалектического и исторического материализма, еще имеет место в нашей литературе. Подобная позиция обычно обосновывается следующими положениями: во-первых, тем, что диалектико-материалистическое понимание и природы и общества разрабатывалось К. Марксом и Ф. Энгельсом одновременно, хотя и при некотором опережении социально-философских проблем; во-вторых, тем, что основоположники марксизма употребляли термин «диалектический материализм» по отношению к философскому объяснению не только природы, но и общественной жизни; в-третьих, тем, что без понимания общества, общественной природы человека и человеческого познания не может быть и научного понимания всей остальной природы, всего мира в целом; и, наконец, в-четвертых, поскольку принципы диалектического материализма всеобщи, они могут быть применены к любому объекту, а значит, и к обществу. Рассмотрим коротко каждый из этих аргументов.

Факт одновременности разработки проблем диалектико-материалистического понимания природы и общества классиками марксизма сам по себе не может служить доказательством тождественности диалектического и исторического материализма хотя бы потому, что речь в данном случае идет о разных вещах, а именно о том, что не следует смешивать исторический процесс формирования теории со структурой теории. Последняя обусловлена характером решаемых ею задач, особенностью ее содержания, т. е. чисто концептуальным составом выраженного в ней знания, а не просто ее происхождением. Проблема взаимосвязи диалектического и исторического материализма имеет, стало быть, отношение к природе заключенного в них знания, а не к истории его становления.

Не является убедительным аргументом и то обстоятельство, что основоположники марксизма называли диа-

лектическим материализмом все свое философское учение. Следует учитывать, что термин «диалектический материализм» употреблялся ими в двух значениях: во-первых, для обозначения созданной ими философии во всем ее объеме и составе (в этом случае исторический материализм также является диалектическим материализмом); во-вторых, для обозначения лишь той ее структурной части, которая характеризует наиболее общий уровень рассмотрения действительности в отличие от диалектико-материалистического понимания истории и общества, обозначаемого термином «исторический материализм». Именно в этом втором случае возникает вопрос о соотношении диалектического и исторического материализма. Исторический материализм выступает здесь как такая часть диалектико-материалистической философии, которая охватывает собой материалистическое и одновременно диалектическое объяснение общественной жизни людей. В таком значении термин «исторический материализм» употреблялся Ф. Энгельсом [4]. В этом же смысле его употреблял Г. В. Плеханов, писавший, что «материалистическое миросозерцание Маркса—Энгельса охватывало и природу, и историю: и в том и в другом случае оно было „существенно диалектическим". Но, поскольку диалектический материализм касался истории, Энгельс называл его иногда историческим. Этот эпитет не характеризует материализм, а лишь обозначает одну из тех областей, к объяснению которых он применяется» [5]. В смысле «материалистического понимания истории» понятие «исторический материализм» нередко использовалось и В. И. Лениным [6].

Общественный характер познания, в том числе и познания природы, также не может служить аргументом в пользу отождествления диалектического и исторического материализма. Несомненно, что разработка общефилософских законов, категорий, принципов познания, образующих содержание диалектического материализма, необходимо включает в себя социальный аспект, требует определенного обобщения данных не только естественных, но и общественных наук. Разве можно, например, раскрыть содержание категории «материя» без анализа такой ее

---

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 26, 278; Т. 22. С. 306.

[5] *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произведения: В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 280.

[6] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 44.

формы движения, как социальная? И при анализе сознания в его отношении к бытию важно учитывать социальную обусловленность такого отношения. Но сколь ни важна роль исторического материализма в разработке этих и других общефилософских категорий, мы тем не менее остаемся здесь на почве диалектического материализма, поскольку речь идет в конечном счете о понимании наиболее универсальных, всеобщих принципов бытия и мышления.

И наконец, принципы и законы диалектического материализма применимы в силу их всеобщности к общественной жизни, однако до тех пор, пока они не трансформируются историческим материализмом согласно особенностям своего объекта исследования — общества, их применение остается слишком абстрактным и приводит в лучшем случае лишь к иллюстрациям основных положений диалектики материалом общественной жизни. Продуктивное, творческое, эвристически более значимое применение диалектический материализм находит тогда, когда его положения конкретизируются согласно логике исследуемого объекта — общества, т. е. преобразуются на этом уровне конкретности историческим материализмом. Это не только позволяет историческому материализму выполнять функции социально-философской теории, но и обеспечивает ему статус общенаучной теории для таких областей научного знания, как социология, история, культурология. Таким образом, диалектический материализм выстраивается в особую систему категорий, принципов, теорий, которые и характеризуют его как материализм исторический и формируют эту относительно самостоятельную область философского знания.

Значение исторического материализма отнюдь не исчерпывается его участием в выработке общефилософских понятий и категорий. Он обладает и своей особой познавательной функцией, своей относительной самостоятельностью в составе философского знания о мире. Предметом его специального изучения является не мир в целом, взятый в процессе его диалектического развития, а «история людей», материальное единство и целостность общественно-исторического процесса. Система его категорий и понятий целиком приспособлена для решения этой специфической задачи, которая далеко не совпадает с целями всего философского познания в целом. Поэтому они и не обладают столь же универсальным характером, как категории и понятия диалектического материализма.

Достаточно привести в качестве примера такие категории исторического материализма, как «общественное бытие» и «общественное сознание», «общественно-экономическая формация», «базис и надстройка», «классы», «государство», «революция» и т. д., чтобы убедиться в этом. Как ни важны эти категории для материалистического понимания истории, их нельзя поставить в один ряд с общефилософскими категориями диалектического материализма.

С другой стороны, не менее существенна и прямая зависимость исторического материализма от диалектического, его опосредование общефилософской теорией. Единство исторического материализма с диалектическим обеспечивается прямым соответствием более конкретного уровня философской теории ее всеобщему уровню. Это обнаруживается и при решении основного вопроса философии применительно к обществу, и при построении философской теории общества и исторического процесса, и при анализе законов и категорий исторического материализма, и при исследовании основных принципов и методов познания общественных явлений. Разработка этих проблем под углом зрения общефилософской теории, представленной в марксизме диалектическим материализмом, обеспечивает единство марксистско-ленинской философии и диалектико-материалистический характер самой общественно-исторической теории.

Единство диалектического и исторического материализма состоит, таким образом, не в их абсолютном совпадении, отождествлении и не в простом «суммировании» двух разнородных и самостоятельных «частей» философского познания, а в сложной соотнесенности *двух* различных *уровней философского обобщения,* один из которых представляет собой наиболее общий, а другой — более конкретный уровень такого обобщения.

Значительное место в книге отведено анализу принципов и категорий исторического материализма под углом зрения его методологической функции в отношении социальной практики, созидательно-преобразующей деятельности людей. Авторы концентрируют основное внимание на проблемных и дискуссионных аспектах вопроса о сущности и роли одной из двух основных сторон практики, а именно общественно-исторической деятельности людей, направленной на преобразование общественных отношений. Исследуются гносеологическая роль общественно-исторической деятельности, структурные элемен-

ты практики, методологические вопросы преобразования общественных явлений, раскрывается механизм социально-преобразующей деятельности в различных его функциях и проявлениях. Содержится ряд принципиально новых положений, имеющих существенное значение для конкретизации некоторых проблем исторического материализма. Показывается, в частности, что теоретическое расчленение практики на два основных вида — производственную и общественно-историческую — сыграло большую роль в формировании и обосновании материалистического понимания истории и явилось методологической основой выявления органической связи между теми процессами, которые происходят с естественноисторической необходимостью в «базисе», и сознательной деятельностью исторического субъекта в сфере «надстройки».

Разработка методологической проблематики имеет особо важное значение для исследования процессов развития социализма на современном этапе, в свете задач интенсивного и ускоренного развития всех сфер общественной жизни, сформулированных и поставленных в документах XXVII съезда КПСС. «Сегодня в фокусе теоретической мысли...— говорится в Политическом докладе ЦК КПСС,— сложный комплекс проблем, вытекающих из современного, переломного характера развития нашего общества, мира в целом. Многогранные задачи ускорения, его взаимосвязанные аспекты — политические, экономические, научно-технические, социальные, культурно-духовные и психологические — нуждаются в дальнейшем глубоком и всеобъемлющем анализе» [7].

Известно, что любая попытка превратить теорию познания и преобразования социальной действительности в набор застывших схем и рецептов, искусственно ограничить познавательный процесс раз и навсегда заданным арсеналом методологических средств и приемов, абсолютизировать какой-либо один из них противоречит сущности и духу марксизма-ленинизма. Его жизненная сила и научная истинность — в постоянной способности к развитию, обогащению опытом революционной борьбы и социальных преобразований, к творческому обобщению новых фактов и явлений. «Съезд подчеркивает,— говорится в принятой XXVII съездом КПСС Резолюции,— что совершенствование социализма происходит тем

[7] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 84—85.

успешнее, чем точнее в политике учитываются объективные закономерности общественного развития, чем активнее роль марксистско-ленинской теории в осмыслении живой практики»[8].

Методология научного познания представляет сферу острой идейной борьбы, является объектом идеалистических и метафизических спекуляций буржуазных идеологов. Вместе с тем в буржуазной социально-философской мысли в последние годы наблюдается повышенный интерес к методологической проблематике, к модернизации старых и поиску новых познавательных средств. На этом пути буржуазные теоретики ищут выход из тупикового состояния, в котором находится буржуазное обществознание. В книге подвергаются критическому анализу некоторые наиболее распространенные на Западе немарксистские методологические позиции, дается анализ тенденций развития буржуазной методологии. В центре внимания две основные методологические ориентации буржуазного обществознания — натурализм, представленный в настоящее время постпозитивистскими направлениями, и культур-центризм (субъективизм), характерный для антипозитивистски настроенных представителей западной методологии. Резкая поляризация этих подходов и неспособность буржуазной методологии обществознания преодолеть указанные крайности создают ситуацию кризиса, который проанализирован в данной монографии.

Авторы настоящего труда не рассчитывают, что им удалось окончательно прояснить все дискуссионные проблемы рассматриваемой темы. Для этого потребуется серия трудов, специально посвященных методологическим вопросам социального познания, в которых наряду с философами необходимо участие представителей других общественных наук. Не претендуя на рассмотрение всех аспектов данной темы, авторский коллектив выражает надежду, что проведенное им исследование актуальных методологических вопросов представляет интерес и окажется полезным для ученых-обществоведов, всех специалистов этой области научного знания. Полученные новые результаты и сформулированные в книге выводы могут, как это представляется, служить предпосылкой и стимулом дальнейшего, более углубленного анализа марксистско-ленинской теории и методологии социального познания. Хотелось бы также выразить надежду, что наметив-

---

[8] Там же. С. 118.

шийся широкий и содержательно перспективный интерес как самих философов, так и всех обществоведов к методологическим проблемам социального познания, появление здесь первых обобщающих работ положат начало серьезному и фундаментальному исследованию данной темы.

Отдельные главы книги написаны следующими авторами:

Вместо введения — доктором философских наук В. В. Денисовым, кандидатом философских наук Е. Н. Лысманкиным, доктором философских наук В. М. Межуевым, доктором философских наук В. Г. Федотовой;

гл. 1, 6 — Е. Н. Лысманкиным;

гл. 2 — В. В. Денисовым;

гл. 3, 4, 8, 9, 12 — В. Г. Федотовой;

гл. 5 — кандидатом философских наук Н. Н. Козловой;

гл. 7, 13 — доктором философских наук Г. С. Арефьевой;

гл. 10 — В. М. Межуевым;

гл. 11 — кандидатом философских наук В. Б. Власовой;

гл. 14 — доктором философских наук Б. С. Украинцевым;

гл. 15 — доктором философских наук А. П. Бутенко, кандидатом экономических наук Н. Л. Лушиной.

Книга подготовлена в секторе философских и методологических проблем общественных наук Института философии Академии наук СССР. Научно-организационная работа при подготовке книги проведена к.ф.н. Н. Н. Козловой (ученый секретарь). Научно-вспомогательную работу выполнили младшие научные сотрудники А. А. Рябинкина и Н. Н. Лебедева.

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СООТНОШЕНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО В ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

§ 1. Различие и единство онтологии и гносеологии в марксистско-ленинской философии

До сравнительно недавнего времени в нашей философской литературе основное внимание уделялось анализу сущности общества, его структуре, функционированию, диалектике развития социальных типов (формаций) и т. п. Однако то обстоятельство, что в последние годы внимание обществоведов стали все больше привлекать познавательные проблемы, вопросы теории и методологии исследования общественных процессов, потребовало дальнейшего философского обеспечения общественных наук. Это стимулировало разработку исторического материализма как философской теории социального познания, что, в свою очередь, определило необходимость выяснения соотношения онтологических и гносеологических проблем в историческом материализме.

Данный вопрос еще недостаточно глубоко разработан даже на общефилософском уровне. Сложились разные точки зрения, которые требуют дальнейшего обоснования. Почему же так важно в диалектико-материалистической философии четко разграничить онтологический и гносеологический аспекты?

Во-первых, в рамках онтологии и гносеологии решаются разные познавательные задачи. В первом случае анализируется сущность бытия, во втором — содержание человеческого познания. Смешение этих познавательных задач может привести к ошибочным теоретическим результатам. Во-вторых, в системе онтологического и гносеологического знания по-разному соотносятся категории «материя» и «сознание» (в историческом материализме «общественное бытие» и «общественное ознание» . ра-

боте «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин отмечал, что в пределах гносеологии материя и сознание абсолютно противопоставляются друг другу, тогда как за ее пределами такое противопоставление может быть только относительным. Так, в онтологическом плане сознание рассматривается как свойство особым образом организованной материи, от нее неотделимое, в гносеологическом же — материя есть то, что противоположно сознанию, существует независимо от него. Мы четко отличаем объективную реальность от знания о ней, по выражению Л. Фейербаха, оригинал от копии.

В онтологическом плане материя — это *«сокращения,*— как выражался Энгельс,— в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей»[1]. Ф. Энгельс дает пример онтологического подхода к характеристике материи в природном ее понимании, исходя из уровня естествознания своего времени. Перечисляя же формы движения материи (это также онтологический аспект), он наряду с механической, физической, химической, органической формами называет и социальную, включающую и мышление.

Гносеологическое определение материи раскрывает В. И. Ленин. В этом случае материя предстает как объективная, существующая независимо от сознания реальность, которая отражается, копируется, фотографируется им.

Онтология и гносеология различаются между собой, но не являются чем-то изолированным друг от друга. С диалектической точки зрения равно ошибочно как их отождествление, так и противопоставление, ведущее к отрицанию их внутренней органической связи. Единство онтологии и гносеологии вытекает из тождества законов бытия и мышления, законов объективной и субъективной диалектики. По выражению Ф. Энгельса, диалектика понятий является отражением диалектического движения действительного мира[2]. Единство онтологии и гносеологии выражается и в том, что категории материалистической диалектики имеют онтологическое содержание и одновременно выполняют гносеологические функции[3]. Вместе с тем это обстоятельство не может служить основанием для устранения четкой границы между онто-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 550.
[2] См.: Там же. Т. 21. С. 302.
[3] См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 459.

логией и гносеологией. Так, когда обосновывается объективная природа категорий, то решается гносеологическая проблема, когда же с помощью категорий раскрывается реальная картина бытия, формируется позитивное знание о нем — решается проблема онтологическая.

В дальнейшем изложении мы вынуждены будем обращаться не только к социально-философскому, но и к общефилософскому пониманию соотношения онтологии и гносеологии, поскольку некоторые стороны последней проблемы, на наш взгляд, нуждаются в уточнении. Вместе с тем общефилософский уровень представляет для нас интерес не как специальный предмет исследования, а только как необходимая предпосылка анализа аналогичной темы в историческом материализме. Как отмечал В. И. Ленин, без ясности в общих вопросах нельзя разобраться и в частных.

§ 2. Онтологический статус проблемы материального единства мира

Для выявления онтологических вопросов в диалектическом и историческом материализме ключевое значение имеет обоснование материального единства мира. Как показал Ф. Энгельс, а вслед за ним В. И. Ленин, единство мира состоит в его материальности. Единственно сущим признается материя с ее различными свойствами. Сознание в этом случае предстает как свойство особым образом организованной материи, которое от нее неотделимо. Всякий отрыв сознания от материи ведет к дуализму, или идеалистическому раздвоению мира на духовный (сверхприродный) и природный. Но вместе с тем сознание, разумеется, нельзя отождествлять с материей, с физиологической деятельностью мозга, как это делают вульгарные материалисты.

Думается, что есть основания согласиться с критикой взглядов тех авторов, которые пытались истолковать материальное единство мира в духе полного тождества материи и сознания, допуская противопоставление материи сознанию только в пределах гносеологии, а за ее пределами (в ходе естественнонаучного исследования) считая недопустимым даже относительное различие между ними. Такой взгляд отстаивался еще в 30-х годах. Так, некоторые авторы писали: «Мы отличаем материю от сознания, противопоставляем их одно другому, но это противопоставление условно и имеет смысл только в пределах

„гносеологической“ постановки вопроса, поскольку мы в самой материи находим особое свойство ее как свойство высокоорганизованной материи — сознание... Если бы мы стали противопоставлять материю духу с естественнонаучной точки зрения, то это означало бы измену материалистическому монизму, переход на дуалистические позиции. Есть только материя и ее проявления. Субъект также материален. Познающий человек сам есть одно из проявлений материи» [4].

Аналогичные взгляды отстаиваются до сих пор. Приводятся новые аргументы для обоснования этого положения. Утверждается, что за пределами гносеологических исследований различие материи и сознания теряет смысл, поскольку идеальное не существует как субстанция, противоположная материи. Вне гносеологических исследований мы сталкиваемся лишь с материальными явлениями [5]. Подобное мнение высказывается и Ю. Ф. Бухаловым: «Точка зрения, согласно которой психическое, сознание в гносеологическом аспекте — идеальны, а в естественно-научном — материальны, по нашему мнению, представляется по существу близкой к истине» [6].

Авторы, доказывающие, что идеальное и материальное можно противопоставлять в пределах гносеологии, исходят из стремления обосновать материальное единство мира. И в этом смысле бесспорным является положение материалистического монизма, что существует только материальная субстанция и ее свойства. Но, обосновывая материалистический монизм, сторонники исключительно гносеологического аспекта рассмотрения идеальности сознания допускают, на наш взгляд, некоторую подмену понятий. Положение, что существует только материя и ее свойства (в том числе и сознание как свойство особым образом организованной материи), заменяется другим: есть только материя и ее проявления. Очевидно, что данные положения не тождественны. Второе означает, что материя — это абсолют, что она не есть некоторая однородность и проявляется в различных качественных состояниях. Когда же утверждается существование материи и ее свойств, то речь идет не о ее проявлениях, а о ее основных характеристиках, способе ее существования,

---

[4] Диалектический и исторический материализм. М., 1934. Ч. I. С. 107.
[5] См.: *Пономарев А. Я.* Психика и интуиция. М., 1967. С. 64.
[6] *Бухалов Ю. Ф.* Некоторые замечания о природе психического// Филос. науки. 1968. № 3. С. 10.

атрибутах, присущих всем или некоторым формам движущейся материи.

Таким образом, если отождествить материалистический монизм с положением, что существует только материя и ее проявления, то здесь уже в самой посылке будет заключен вывод, что сознание неотличимо от материи, тождественно ей, в противном случае мы вынуждены признать дуализм материи и сознания. Думается, что именно положение о существовании материи и ее свойств правильно выражает сущность материального единства мира, ибо, оставаясь в рамках материалистического монизма, оно позволяет избежать абсолютного тождества и увидеть различие материи и сознания — различие субстанции и свойства; важно только помнить о неотделимости свойств от материи и об определяющем характере ее по отношению к этим свойствам.

Гносеологическому подходу, на наш взгляд, следует противополагать онтологический, под которым имеется в виду учение о материи как о сущности бытия. В этом случае естественнонаучный подход действительно уместно упомянуть, но только как часть более общего направления исследования. Мы уже отмечали, в чем будет состоять различие этих двух аспектов исследования. Огрубляя суть дела, можно сказать так: онтологический аспект связан с познанием материи как субстанции и ее свойств, законов функционирования и развития, а гносеологический предполагает изучение сущности человеческого познания. Эти два разных подхода действительно необходимо различать, помня об их внутренней взаимосвязи. Смешивать их, с нашей точки зрения, было бы ошибкой.

Разумеется, теоретическое осмысление природы и общества не отгорожено «китайской стеной» от гносеологических проблем. С одной стороны, научное познание материальной субстанции с ее неотъемлемыми свойствами, в качественно различных формах ее проявления неизбежно перекрещивается с гносеологической проблематикой. Анализ фактического материала и теоретические обобщения заставляют ученого вторгаться в гносеологическую проблематику, обосновывать адекватность выражения исследуемых процессов и законов в логике понятий определенной отрасли научного знания. С другой стороны, теория познания не может разрабатываться умозрительно, в отрыве от реального познания природы и общественной жизни. Основные положения гносеологии являются продуктом анализа и обобщения всей истории

развития познания человеком объективной действительности. Однако было бы ошибкой не видеть за этим взаимодействием двух различных по своим задачам и целям направлений в человеческом познании, именуемых «онтологическим» и «гносеологическим».

Убедительное обоснование внутреннего единства онтологии и гносеологии в марксистско-ленинской философии дал К. Р. Мегрелидзе, подчеркивавший, что в истории философии каждая гносеологическая система тесно связана с определенными онтологическими воззрениями и вытекает из них, точно так же, как и всякая теория понятий в конечном счете всегда упирается в онтологические вопросы [7].

Обрисованная выше ситуация в немалой степени является следствием того, что проблему материального единства мира порой ограничивают только природным бытием. В вводной части уже отмечалась имеющаяся, на наш взгляд, ограниченность в разработке диалектического материализма, являющаяся следствием отсутствия его внутренней связи с социальным аспектом. Мы попытаемся конкретизировать этот вывод и показать важность обоснования материального единства мира с учетом социальной формы движения материи, играющей особую роль в понимании факторов, формирующих сознание.

Единство мира, понимаемое в диалектико-материалистическом плане, на наш взгляд, существенно отличается от метафизического. Это качественное отличие определяется главным образом следующими моментами. Материя рассматривается как саморазвивающаяся. Она не совокупность замкнутых, абсолютно независимых видов бытия. Различные формы материи не только сами рассматриваются в неразрывном единстве с движением, но все они связаны единой закономерностью поступательного развития от низших форм к высшим. «Всеобщий принцип развития,— отмечал В. И. Ленин,— надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.» [8]

Открытие социальной формы движения материи поставило вопрос о ее месте в едином материальном мире. Эта проблема не возникала в домарксовом материализме. Она появляется вместе с созданием марксистской философии. Своеобразие и сложность ее состоит в том,

---

[7] См.: *Мегрелидзе К. Р.* Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973. С. 222.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 229.

что социальная форма, с одной стороны, едина с природными формами, генетически развивается из них, но, с другой, не сводится ни к веществу, ни к полю, ни к каким другим структурам природного типа. Социальная форма движения материи, являющаяся закономерным результатом развития предшествующих форм движения, необходимым продуктом саморазвития природной субстанции, вместе с тем отличается от всех предшествующих форм движения особой сложностью вследствие того, что в снятом виде включает в себя все другие формы движения. Кроме того, атрибутом этой формы является сознание как качественно особая форма отражения действительности. Природный материал, втянутый в социальную форму движения, влияет на нее, таким образом, не своими природными свойствами, а теми новыми (общественными) функциями, которые он приобретает в условиях социального общения индивидов.

В решении проблемы материального единства мира К. Маркс и Ф. Энгельс опирались на выводы из критически осмысленной философии Л. Фейербаха. Достоинством антропологического принципа Л. Фейербаха они считали его антиидеалистическую направленность и высоко ценили положение о том, что мышление неотделимо от человеческого тела, что сознание существует не само по себе, а вместе с мыслящими индивидами, которые вступают между собой в общение. «Исходной позицией *прежней философии*,— писал Л. Фейербах,— являлось следующее положение: *я — абстрактное, только мыслящее существо; тело не имеет отношения к моей сущности*; что касается *новой* философии, то она исходит из положения: *я — подлинное, чувственное существо*; *тело входит в мою сущность; тело в полноте своего состава и есть мое Я, составляет мою сущность*» [9].

Но если ограничиться только таким выводом, то еще не будет высказано главное в смысле понимания природы человека и человеческого сознания. Дело в том, что человек — это не просто биологический вид, существующий наряду с другими биологическими видами в природе. Это не просто часть природы, как полагал Л. Фейербах. Человечество, как определенная биологическая популяция, способно продолжать себя как род, воспроизводить себя биологически только в условиях социального обще-

---

[9] *Фейербах Л.* Избр. филос. произведения.: В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 186.

ния, в условиях развития материальных и иных форм человеческой жизнедеятельности. Вне социального общения человек утрачивает все то, что выделяет его из царства природы и делает именно человеком. И наоборот — труд, человеческая деятельность, система общественных отношений, в которые вступает человек, формируют человеческое сознание, обусловливают характер воздействия людей на природу и на саму общественную жизнь.

Важнейшим элементом социальной формы движения являются, таким образом, люди, а также общественные отношения и связи, которые не содержат ни грана природного материала. Вместе с тем они обладают некоторым общим с этим природным материалом свойством, благодаря которому могут быть включены в материю. Этим свойством является их порождающая, определяющая по отношению к общественному сознанию функция — материальная жизнь. К. Маркс писал, имея в виду капитализм: «Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное, есть реальная основа того, чтó философы представляли себе в виде «субстанции» и в виде «сущности человека»...» [10]. Именно на социальном уровне биологическая способность к отражению действительности развивается в сознание, которое определяется не только природой, но и материальным производством.

Однако этим диалектико-материалистическое понимание единства мира не ограничивается. Есть еще одна важная черта. Включенность сознания в материальный мир превращает его в активную силу, способную через человеческую практику преобразовать материю в соответствии с ее внутренними законами. В результате трудовой, производственной практики формируется так называемая «вторая природа», т. е. природная материя, преобразованная людьми в соответствии с ее законами, опредмеченные мысли человечества. Эта «вторая» — социальная — природа формируется в ходе общественно-исторической практики и предстает в виде системы общественных учреждений, идеологических отношений и т. д.

В определяющей роли материи по отношению к сознанию и в обратном, преобразующем воздействии последнего через производственно-трудовую и общественно-исто-

---

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 37.

рическую практику (см. гл. седьмую и тринадцатую) раскрывается понимание сущности действительности. Признание материального единства мира связано, таким образом, с относительным различием материи и сознания и выводится из доказательства неотделимости сознания от особым образом организованной материи, а также из единства природного и социального бытия, включенности социального бытия в единую систему материального мира. Таким предстает материальное единство мира, обоснованное естественными и общественными науками. Так связывается в единый естественноисторический процесс развитие природы и человеческой истории, представляющей собой сознательную практическую деятельность людей, преобразующую объективную действительность в соответствии с ее законами. В этом заключена основа онтологической проблематики диалектико-материалистической философии.

§ 3. Различие и единство онтологии и гносеологии в историческом материализме

Включенность сознания в социальную форму движения материи предполагает также выяснение взаимодействия материального фактора и сознания внутри этой формы. Данное взаимодействие имеет двоякий характер — онтологический и гносеологический.

В литературе по историческому материализму термин «онтология» до сих пор почти не употреблялся, хотя вопрос о необходимости различения онтологических и гносеологических аспектов косвенным образом ставился рядом исследователей. Это нашло выражение, например, в попытке выделить социологический и гносеологический аспекты в философской науке об обществе.

Под социологическим аспектом имелись при этом в виду взгляды, раскрывающие сущность общества и исторического процесса, а под гносеологическим — теория социального познания. Такое различение применялось и при анализе отдельных сторон общественной жизни. Так, исследование общественного сознания привело к выводу, что оно выполняет две функции в процессе общественной жизни — гносеологическую и социологическую. Отсюда вытекали два подхода к его исследованию. Гносеологический подход, по мнению ряда ученых, связан с отражательной функцией сознания, а социологический раскрывает роль общественного сознания в практической дея-

тельности людей[11]. В этой связи А. К. Уледов разграничивает понятия «сознание общества» и «общественное сознание», рассматривая первое как социолого-гносеологическую категорию[12], второе как гносеологическую. Если гносеологическая категория «общественное сознание» выработана для обозначения духовной реальности, являющейся отражением общественного бытия, вторичным, производным от него явлением, то социолого-гносеологическая категория «сознание общества» выработана для обозначения духовной реальности в ее включенности в бытие, в жизнедеятельность людей[13]. Таким образом, социологический и гносеологический подходы различаются в силу характера функционального взаимодействия общественного сознания и общественного бытия.

То, что именуется в нашей литературе социологическим аспектом, целесообразно, по нашему мнению, обозначать термином «онтологический» аналогично тому, как это делается в диалектическом материализме, т. е. на общефилософском уровне. Это позволит добиться необходимого единообразия в терминологическом употреблении и, в свою очередь, поможет осмыслить общность в решении одноплановых проблем, возникающих в диалектическом и историческом материализме. Так, если онтологический аспект на общефилософском уровне предполагает относительную противоположность материи и сознания, то и в историческом материализме дело обстоит подобным же образом.

Признавая единство и относительную противоположность общественного бытия и общественного сознания в онтологическом аспекте, необходимо уточнить категориальный аппарат, позволяющий описать их взаимодействие. При этом, само собой разумеется, определяется и круг проблем, относящихся к числу онтологических в историческом материализме.

Многие исследователи считают, что понятия «общественное бытие» и «общественное сознание» неприменимы

---

[11] См.: *Келле В. Ж.* Структура и некоторые особенности развития общественного сознания: Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1964; *Уледов А. К.* Структура общественного сознания. М., 1968; *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971.

[12] Думается, что точнее было бы говорить о социологической категории.

[13] См.: *Уледов А. К.* Духовная жизнь общества. М., 1980; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981. Т 1.

в онтологическом (социологическом) плане, традиционно относя их к числу гносеологических. А. К. Уледов, например, полагает, что в социологическом плане наиболее адекватными являются категории «материальная жизнь общества» и «духовная жизнь общества». Поскольку вопрос остается дискуссионным, нам хотелось бы высказать некоторые соображения по этому поводу.

Исторический материализм, как уже отмечалось, есть более конкретный уровень общефилософской теории, следовательно, «общественное бытие» и «общественное сознание» необходимо соотнести с категориями общефилософского уровня — «бытие» и «сознание». Понятие «бытие», как известно, употреблялось классиками марксизма-ленинизма в двух смыслах — как существование и как синоним материи в ее противоположности сознанию. Понятие «бытие» как существование анализируется Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге», где он пишет, что бытие есть предпосылка материалистического или идеалистического понимания сущности действительности. А в «Людвиге Фейербахе...» он определяет бытие как первичное по отношению к сознанию, т. е. рассматривает его как синоним материи.

Понятие «бытие» как существование не находит более конкретного аналога в понятии «общественное бытие», аналогом в этом случае может быть лишь «бытие общества», т. е. существование общества. Категория «общественное бытие» поэтому может быть конкретизацией только понятия «материя». Понятие материи, как уже отмечалось, в общефилософском плане предстает в двух аспектах. В онтологическом «материя» рассматривается как субстанция со всеми присущими ей атрибутами, в гносеологическом — как объективная реальность, существующая вне и независимо от сознания.

Представляется, что есть основания поставить вопрос о возможности употребления понятия «общественное бытие» как материальной субстанции в рамках социальной формы движения, находящейся в единстве с ее неотъемлемыми свойствами, и в первую очередь с общественным сознанием. Вопрос о свойствах материальной субстанции общественной жизни разработан у нас еще недостаточно. Так, в философской литературе только ставятся вопросы о специфике социальных пространства и времени, общественного развития и т. д.

Для дальнейшего понимания своеобразия социальной формы движения материи, а также для разграничения

онтологического и гносеологического аспектов в историческом материализме большое значение имеет вывод Ю. К. Плетникова, сделанный им на основе анализа работ классиков марксизма-ленинизма. Он показал, что как в общефилософском плане, так и в историческом материализме понятие «объективное» не является гносеологическим. В последнем смысле употребляется понятие «объективная реальность». Этот вывод имеет, на наш взгляд, принципиальное значение, особенно для философского анализа общественной жизни.

Понятие «объективное», отмечает Ю. К. Плетников, по своему объему шире, чем понятие «объективная реальность». Объективное «отражает не абсолютную, а относительную противоположность материи и сознания, вскрывает взаимодействие первичного и вторичного — материального и идеального» [14]. «Объективная реальность» выражает абсолютную противоположность материи и сознания. Это не все, что существует независимо от сознания, но только то, что существует вне сознания и, применительно к обществу, генетически не может быть вторичным по отношению к нему.

Разграничение понятий объективного и объективной реальности имеет прямое отношение к проблеме выделения онтологического и гносеологического аспектов в историческом материализме. Так, раскрытие объективной логики истории, объективности материальных общественных отношений, определяющих развитие общественной жизни, является онтологической проблемой. Онтологической проблемой будет и объяснение природы общественных законов, которые формируются как неосознаваемый результат сознательных действий людей, осуществляемых в ходе природопреобразующей, производственной практики [15].

Такое своеобразное сочетание сознательной деятельности и ее объективного результата выражает относительную противоположность общественного бытия и общественного сознания, включенного в практическую деятельность по преобразованию природы. Следует отметить, что

---

[14] *Плетников Ю. К.* Указ. соч. С. 168.

[15] В онтологическом ключе Ю. К. Плетников дает определение общественному бытию, которое, как он отмечает, «характеризует первичную сторону общественной жизни в плане сочетания элементов общественного тела и материальных... отношений, непосредственно охватывающих эти элементы и объединяющих их в единое целое» (*Плетников Ю. К.* Указ соч. С. 154).

объективная логика развития общественного бытия рождается главным образом из того факта, что сознательная деятельность в рамках материального производства не включает в себя целевую установку на формирование или изменение общественного бытия того или иного типа. Здесь нет прямой, непосредственной связи между сознательной деятельностью и общественным бытием. Люди, включенные в непосредственный процесс материального производства, сознательно изменяют орудия производства, производительные силы, но экономические и особенно социальные последствия их действий в сфере материального производства на этом уровне не всегда могут быть ими учтены. Для того чтобы понять зависимость между сознательной производственной деятельностью людей и объективным результатом (общественным бытием), необходимо выйти за пределы материально-производственной сферы и «подняться» в надстройку. Взаимодействие между базисом и надстройкой общества, активное преобразующее воздействие общественно-исторической практики на общественное бытие также предполагают относительную противоположность бытия и сознания и относятся к числу онтологических проблем. Вместе с тем надстройка включает в себя такие формы сознания (политическое, правовое, нравственное, философское и т. д.), в которых отражается общественная жизнь.

С этого начинается собственно социальное познание и появляется гносеологическое отношение общественного сознания к общественному бытию. Общественное бытие в этом случае рассматривается как объективная реальность, абсолютно противоположная общественному сознанию. Только в этом случае возникает отношение «оригинал—копия». Внутри сферы материального производства такого взаимодействия между сознанием и общественным бытием не возникает. Отношение «оригинал—копия» в последнем случае формируется в рамках взаимодействия сознания и природы, обусловленного производственной практикой.

В заключение очертим, не претендуя на полноту, круг онтологических и гносеологических проблем в историческом материализме.

Так, к числу онтологических можно отнести анализ социальной формы движения, вопрос о структуре общественной жизни, об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, базиса по отношению к надстройке, а также проблему материально-

го производства и социально-исторической практики как социально-преобразующей деятельности людей. В онтологическом аспекте раскрывает исторический процесс учение об общественно-экономической формации. Короче говоря, все знания, в которых объясняются содержание общественной жизни, ее сущность, законы возникновения, функционирования и гибели исторически-определенных типов общества, механизм социальной деятельности по укреплению общественных порядков, революционно-преобразующая общественно-историческая практика людей, соотношение субъективного и объективного факторов в истории и т. п.,— все это проблемы онтологического характера в рамках исторического материализма.

Гносеологический аспект составляют проблемы взаимодействия общественного бытия и общественного сознания в процессе социального познания, выделения объекта и субъекта познания, специфики и форм социального отражения, уровней познания, истины и заблуждения, методологии социального познания, методологической функции теории, общественно-исторической практики как основы познания и критерия истины.

Важной гносеологической проблемой, которая приобретает особое значение в условиях социалистического общества и требует специального исследования, является определение возможности научного отражения общественной жизни специфическими средствами отдельных форм общественного сознания. Этот вопрос возник вместе с марксистской гносеологией, которая выработала четкий критерий разграничения научного и иллюзорного знания. Принципиальный подход к его решению раскрыт основоположниками марксизма-ленинизма. Доказано, что чем непосредственнее та или иная форма общественного сознания соприкасается с экономическим основанием общества, тем шире ее возможности, при наличии соответствующих социальных условий, в деле научного отражения общественной жизни. Вместе с тем здесь еще сохранилось широкое поле для исследований, которые можно осуществить только в рамках теории социального познания.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДИАЛЕКТИКА ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В ПОЗНАНИИ ОБЩЕСТВА

Выяснив круг гносеологической проблематики в историческом материализме, обратимся теперь к рассмотрению некоторых специфических принципов и особенностей познавательного процесса в сфере обществознания.

§ 1. О специфике социального познания

В связи с возрастанием значения теории и методологии социального познания в общенаучном «потоке» человеческого знания, в овладении законами общественного бытия людей и его преобразования особенно актуальным становится выявление в познавательном процессе тех специфических качественных характеристик, которые присущи социальному познанию.

Основополагающими принципами при исследовании вопроса о специфике социального познания выступают марксистские положения о социально-исторической детерминации общественного сознания общественным бытием, об особенностях диалектики субъекта и объекта в социальном познании, о диалектическом единстве его теоретико-познавательных и социально-идеологических функций, роли общественных идей в историческом процессе и их партийности, об общественной практике как объективной основе и критерии истинности получаемого здесь знания.

Материальное единство мира, диалектический характер всех форм движения материи определяют принципиальную общность основных закономерностей познавательного процесса в различных областях научного знания [1].

---

[1] Поскольку этот вопрос представляет собой специальную тему исследования, ограничимся здесь лишь ссылкой на некоторые работы, рассматривающие данный аспект проблемы: *Махов А. С.* Ленинская методология социального познания. М., 1974; *Андреев И. Д.* Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977; Диалектика как методология научного познания. М., 1978; Социальная природа познания. М., 1979; Методологические проблемы общественных наук. М., 1979; Методологические проблемы обществознания. Киев, 1980; *Хотякова В. А.* Научное обществознание как система: (Историко-материалистический анализ): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1981; Материалистическая диалектика как общая теория разви-

Диалектико-материалистическое понимание истории как естественноисторического процесса означает согласно марксизму, во-первых, включенность общественной жизни в систему естественной, универсальной и всеобъемлющей взаимосвязи материального мира и, во-вторых, несводимость общественных явлений и процессов к природным, качественное различие законов их развития. Это марксистское положение служит исходной методологической установкой, раскрывающей сущность диалектики общественной жизни и определяющей специфику социального познания.

Какова же главная особенность социального познания, определяющая все остальные его отличительные признаки и специфические закономерности отражения действительности?

Социальное познание, являясь теоретическим отражением деятельности людей, направленной на создание ими условий своей общественной жизни, воспроизводит законы и логику развития объективной исторической реальности, сущность и специфику этого развития. «С чего начинает история,— отмечает Ф. Энгельс,— с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс...» [2]

Специфика познавательного процесса в области обществознания определяется прежде всего качественными особенностями социальной формы движения материи, самой природы общественной жизни, законов ее функционирования и развития. Поскольку общество представляет собой более высокую и сложную ступень развития материи, постольку ему присущ и качественно особый тип детерминации — социальная детерминация. Хотя ход истории и подчиняется внутренним общим законам, историческая необходимость пролагает себе путь через множество отклонений и зигзагов, подчас даже «обратных» движений. Здесь различные альтернативы переплетаются с нереализованными возможностями, логика историче-

---

тия. М., 1982; *Ильичев Л. Ф.* Исторический материализм: Проблемы методологии. М., 1983; Диалектика и практика. М., 1984; *Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В.* Методологические проблемы исторического познания М., 1981.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.

ской необходимости — со случайностями разного вида, поступательный ход прогрессивного развития — с «гигантскими иногда скачками назад». Поэтому общественные отношения, выражая разносторонние связи между людьми в обществе, имеют качественно иной, более противоречивый и многообразный характер, нежели связи в природе. «Человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны *определения* человеческой *сущности...*»[3] Сложность выявления и познания социальных законов обусловлена не в последнюю очередь тем, что они обычно проявляются не просто в опосредованном виде (это имеет место и в природе), а, как правило, в завуалированном и диалектически противоречивом виде, в качестве определенных социальных тенденций.

Процесс познания социальной действительности требует всестороннего учета многообразного и противоречивого характера всей совокупности общественных феноменов, как в их конкретной связи, так и в исторических изменениях. Поскольку любому социальному явлению присуще одновременно общее, особенное и единичное, постольку для его теоретического осмысления и адекватного отражения необходимо в процессе познания использовать категории и методы самого различного порядка. Любая метафизическая односторонность и догматическая прямолинейность приводят здесь к искаженному отражению действительности.

Диалектический тезис о том, что стремление человека к максимально полному познанию объективной реальности противостоит факту ее непрерывного развития, несомненно, в наибольшей степени относится именно к социальной действительности. Она неизмеримо динамичнее, чем любая природная среда. Если изменения природного мира, фиксируемые в форме заметных скачков, происходят крайне медленно и занимают отрезки времени, исчисляемые многими миллионами лет, то история общества развивается совершенно другими темпами. Если, например, первобытнообщинный строй господствовал несколько десятков тысяч лет, то рабовладельческая эпоха длилась уже только около пяти тысяч лет, феодальная — менее двух тысяч лет, а капиталистический строй существует всего несколько сот лет и уже вытесняется новой, более высокой коммунистической общественно-экономической формацией.

---

[3] Там же. Т. 42. С. 120. Примеч.

2 Заказ № 2686

К специфическим чертам социального познания можно отнести и те значительные трудности, которые связаны с проверкой реальной научной значимости полученных знаний в ходе их практического применения, апробирования их истинности в конкретно-исторических условиях социальной действительности. Дело в том, что социальные процессы носят конкретно-событийный характер и включают действия как больших масс людей, так и отдельных личностей. Именно это обусловливает их неповторимость, индивидуальность форм проявления действующих здесь закономерностей. С этим связана и значительная сложность выявления соотношения общего и единичного, воспроизведение и отражение этого соотношения в социальном познании.

Однако хотя каждому историческому событию действительно присущи свои индивидуальные черты, определяющие его уникальность, последняя имеет не абсолютный, а относительный характер. Обладая конкретным своеобразием, всякое историческое событие вместе с тем имеет в своем сущностном содержании такие общие свойства и сходные черты, которые при определенных условиях воспроизводятся в аналогичных явлениях, относящихся либо к другим этапам исторического развития, либо к другим обществам, находящимся на аналогичном этапе истории. Например, основные закономерности первой в истории социалистической революции 1917 г. в России стали общими закономерностями всех последующих социалистических революций. При этом в ходе исторического развития всякое такое «повторение» каждый раз неизбежно приобретает своеобразный, как по содержанию, так и по форме, облик, что обусловлено новыми конкретно-историческими условиями, уровнем общественного развития данной страны и ее национальными особенностями, общим поступательным ходом общественного прогресса.

Для понимания особенностей социального познания крайне важно выявление диалектического единства объективного и субъективного, его методологического значения для анализа общественно-исторического процесса. Многие искажения и ошибки, допускаемые в общественных науках, проистекают именно из-за игнорирования наличия взаимодействия объективной и субъективной сторон как в самой социальной действительности, так и при ее теоретическом отражении. Поскольку общественная деятельность людей всегда носит целеполагающий характер, постольку субъективное наряду с объективным

является неотъемлемой стороной исторического процесса, представляющего собой их диалектическое взаимодействие. Общественно-исторический процесс не существует вне и помимо деятельности человека, преследующего свои цели. И вместе с тем человек сам является продуктом истории, определенных общественных условий и отношений. История человечества выступает как «история развития сил самих индивидов» [4]. Таким же методологически принципиально важным является ленинское положение о двух формах объективного процесса: во-первых, о стихийно происходящих природных процессах и, во-вторых, о целеполагающей деятельности человека [5].

Это означает, что в процессе познания социального объекта происходит неизбежно познание и самого субъекта, самопознание человеком своей собственной исторической деятельности и тех общественных отношений, носителем которых он является. Тем самым социальное познание выступает в первую очередь как познание субъектно-объектных отношений.

Выражая мысль о диалектике субъекта и объекта социального познания, В. И. Ленин писал: «...надо взять во внимание и общие посылки бытия *конкретного* субъекта (=*жизнь человека*) в объективной обстановке» [6]. Таким образом, через познание социального мира человек познает смысл и цели своего собственного существования. Поэтому познавательное отношение человека к социальной действительности можно рассматривать как фокус познавательного отношения к действительности вообще. Отсюда и марксистский вывод о том, что если естествознание есть «основа всякого знания», то социальное познание — «его вершина».

Поскольку человек как субъект познавательного процесса обладает определенными социально-классовыми интересами и ориентациями, постольку в процессе социального познания происходит преломление через их призму общественного бытия в сознании познающего индивида, что оказывает определенное влияние на содержание получаемого им знания. Таким образом, особенность процесса познания общественной жизни заключается не только в том, что он неизбежно содержит идеальное и субъективное в качестве необходимого момента, но и в том, что любые объяснение и интерпретация познаваемого объек-

---

[4] Там же. Т. 3. С. 72.
[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 170.
[6] Там же. С. 184.

та, так же как и использование научного знания, носят неизбежно классово-оценочный характер.

Поскольку в обществознании нельзя познать «объективное», отвлекаясь от «субъективного», игнорируя социально-классовые моменты в познавательном процессе, постольку главная проблема заключается в том, чтобы выявить объективное содержание и закономерный характер субъективных факторов. Различие между марксистской и буржуазной общественной мыслью в данном случае состоит в том, что марксисты анализируют индивидуальное через призму социального, через общественные отношения и связи людей, исследуют объективные основания и закономерности развития индивидуального сознания, индивидуальной деятельности, выясняют и показывают их социальную детерминированность. Представители же буржуазной мысли, напротив, рассматривают социальное через призму индивидуального, сводят социальные явления к субъективным признакам и индивидуальным особенностям человека, антропологизируют социальное [7]. Понятие истинности научного знания представители буржуазного обществознания заменяют понятием индивидуализации. Об истинности, с их точки зре-

---

[7] В качестве одного из наиболее ярко выраженных примеров антропологизации общественных явлений в современной буржуазной философской теории можно привести концепции социальной этологии, социальной биологии, биополитики. Их представители, спекулируя на новейших данных естественных наук, обосновывают и развивают бихевиористские по своей сути идеи о биогенетической детерминированности всех социальных феноменов, их якобы этологической природе. Рассматривая биологические принципы и закономерности, в частности принципы «естественного отбора» и «борьбы за существование», как универсальные модели для всего живого, абсолютизируя их роль и механически перенося их действие на сферу общественной жизни, буржуазные теоретики встают на путь субъективного идеализма и метафизики. Неизбежным следствием этого является построение ими антинаучных общественных теорий, искажающих реальную картину социальной действительности. Социально-классовыми корнями этих не соответствующих объективной действительности теоретических положений выступает стремление представить буржуазные частнособственнические отношения как выражение естественных биологических законов, а следовательно, как неизбежные и вечные. Задача революционного преобразования общества для устранения присущих капитализму антагонизмов подменяется утопическими прожектами «духовного самоусовершенствования» личности, «переделки генетического кода» человека с тем, чтобы увести трудящихся «с баррикад» революционной борьбы, подменить социальную революцию «психологической революцией».

ния, можно говорить лишь с позиций той или иной социальной группы. Они полагают, что социальное знание не может быть научным и объективным в силу своей социально-культурной обусловленности, субъективности и подчиненности групповым интересам.

Категории объективного и субъективного тесно связаны с категориями сознательного и стихийного. Методологическое значение последних определяется прежде всего тем, что они выступают важнейшими показателями социально-классовой природы господствующих в данный конкретно-исторический период общественных отношений. Можно согласиться с мнением, что категории сознательного и стихийного не представляют собой контрарных, абсолютно взаимоисключающих друг друга категорий[8]. В стихийности, безусловно, могут наличествовать элементы и сознательного, а, с другой стороны, стихийное может оставаться стихийным независимо от того, осознано оно людьми или нет. Примером последнего служит деятельность административных органов современного буржуазного государства, пытающихся осуществлять управление и прогнозирование социально-экономических и политических процессов. Обостряющиеся кризисные явления в мире капитала убедительно свидетельствуют о всей тщетности этих «осознанных» попыток.

В целом, однако, как нам представляется, соотношение между сознательным и стихийным в историческом процессе служит критерием определенной ступени общественного развития, характеризует достигнутый уровень социального прогресса человечества. Стихийная форма развития, выступающая следствием товарного производства, основанного на буржуазных частнособственнических отношениях, является имманентно присущим законом капиталистического общества. Монополистический капитализм в его новейшем облике также не устраняет, как пытаются это доказать его идеологи, а, наоборот, до предела обостряет анархию общественного производства и всей жизни общества. И никакие проводимые здесь реформы и модернизации надстроечного характера не способны устранить стихийный характер развития капиталистического общества, обеспечить соответствие поставленных целей достигнутым результатам, избежать нарастающих кризисных явлений. Для этого нужен скачок из

---

[8] См.: *Плетников Ю. К.* Специфика законов развития социалистического общества//Вопр. философии. 1980. № 2.

«царства необходимости» в «царство свободы», который может быть осуществлен только путем революционного преобразования старого общества на социалистических началах, замены частной собственности на средства производства общественной собственностью. И только с этого момента, как отмечал Ф. Энгельс, «люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают» [9]. В ходе исторического развития это предвидение полностью подтвердилось. Природе социалистического общества присуще сознательное начало как один из определяющих и неотъемлемых факторов его развития. Именно здесь сознательность и планомерность становятся необходимым условием реализации требований всех других общественных законов, превращения возможности назревших перемен в действительность.

Итак, поскольку социально-теоретическая позиция субъекта социального познания формируется под воздействием занимаемого им места в системе общественных отношений, его классовой принадлежности, постольку в теоретических представлениях о социальной действительности мы имеем дело не с данными некоего чистого опыта, а с таким субъективным отражением, которое формируется у субъекта под воздействием его практических интересов. Это предопределяет и специфичность существующих в социальном познании противоречий, крайнюю сложность выделения объективной стороны общественной жизни и раскрытия ее закономерностей, установления объективных критериев научной истинности социальных теорий, остроту и непримиримость происходящей здесь идейной борьбы. Какую бы проблему современной общественной жизни, внутренней или международной политики мы ни взяли, в каждом случае наблюдается различный подход к ее идеологической трактовке и оценке представителями разных мировоззренческих направлений. Даже в тех случаях, когда они оперируют одинаковыми по внешней форме понятиями и категориями, в них чаще всего вкладывается очень разный содержательный смысл, разговор идет, так сказать, на «разных языках».

Социальное познание обладает, следовательно, не толь-

---

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 295.

ко собственно познавательными, но и мировоззренческими функциями по отношению к оценке познаваемых явлений, имманентно несет идеологическую нагрузку. В этой связи следует указать на неправомерность любой тенденции к односторонней, логико-гносеологической трактовке материалистической диалектики и исторического материализма в качестве лишь методологической основы социального познания, недооценки их мировоззренческого значения. Органическое единство теоретического, методологического и мировоззренческого аспектов в марксистско-ленинской теории и методологии социального познания имеет принципиальное значение, определяя его специфическую сущность.

Поскольку развитие общества есть естественноисторический процесс, постольку и научное освоение социальной действительности следует в целом тем его конкретно-историческим этапам, которые общественная жизнь проходит в своем поступательном движении. Познавательные возможности людей во многом определяются достигнутым уровнем общественной жизни, ее конкретными потребностями. Эта общая закономерность действует и проявляется далеко не одинаково в естественнонаучном и социальном познании. Последнее также имеет в этом отношении свои характерные особенности и противоречия.

Для познания общественных законов и раскрытия сущности социальных явлений требуется, помимо всего прочего, определенная «зрелость» объекта познания. К. Маркс специально отмечал значение степени зрелости общественных отношений для познания сущности исторического процесса, его закономерностей[10]. Только при достаточно высоком уровне общественно-исторического развития создается возможность его адекватного теоретического отражения. Отмечая возможность достижения объективной истины в процессе познавательной деятельности человека, неисчерпаемость и бесконечность этого процесса, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал, что «теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении an und für sich (в себе и для себя). Но человеческое понятие эту объективную истину познания „окончательно“ ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится „для себя бытием“ в смысле практики»[11].

---

[10] См.: Там же. Т. 23. С. 6.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 193.

Новые идеи возникают тогда, когда они становятся исторически необходимыми для научного обоснования путей и форм данного этапа общественного развития. И отнюдь не случайно, например, что возникновение марксизма как социальной теории и методологии научного познания стало возможным лишь на определенном этапе исторического развития общества. В свою очередь, марксова идея социалистической революции не только опиралась на теорию закономерностей смены общественно-экономических формаций, но и исходила также из наличия общественной силы в лице рабочего класса, который мог явиться «интеллектуальным и моральным двигателем и физическим выполнителем» превращения капиталистического общества в коммунистическое.

Мы подчас сталкиваемся с тем обстоятельством, что некоторые теоретические проблемы, касающиеся прежде всего новых явлений, возникших сравнительно недавно и не достигших, так сказать, «потолка» своего развития, слишком долго, по нашему мнению, остаются дискуссионными. Это естественно, поскольку для научного познания новых социальных явлений и процессов требуется не только время, но и соответствующие объективные условия, определенный уровень развития общественных отношений и потребностей.

Но в действительности случается и так, что общественная потребность в получении знания о тех или иных процессах есть, а ее удовлетворение в силу тех или иных обстоятельств задерживается. В этом случае общественная теория бывает не в состоянии представить практике научно обоснованные средства решения назревших социальных проблем. И тогда общество вынуждено действовать методом проб и ошибок, который в современных условиях является уже неприемлемым анахронизмом.

Очевидно, что общественная наука, если она хочет быть практически действенной, должна уметь предвидеть результаты и последствия осуществляемой деятельности людей — как в сфере экономической, так и в сфере политической и духовной жизни. Знание настоящего обретает практический эффект тогда, когда оно выявляет в нем тенденции будущего развития, видит его под углом зрения исторического движения. Общественная наука с этой точки зрения не может не быть одновременно и наукой исторической, исследующей свой предмет в процессе его изменения и развития.

Важным условием социального познания является

также способность судить о каждом конкретном этапе развития с точки зрения всего развития в целом. Нельзя правильно понять и оценить то, что происходит сегодня, например, в социалистическом обществе, без уяснения сущности и природы коммунистической общественной формации как таковой, без понимания ее общих законов и принципов. Ведь социализм существует не сам по себе, а как исторически необходимая ступень на пути к коммунизму. И только в качестве таковой он и может быть понят. «Социализм и коммунизм являются двумя последовательными фазами единой коммунистической формации. Между ними нет резкой грани: развитие социализма, все более полное раскрытие и использование его возможностей и преимуществ, укрепление присущих ему общекоммунистических начал и означает действительное движение общества к коммунизму»,— говорится в новой редакции Программы КПСС [12].

Вряд ли можно согласиться с встречающимся мнением, что мы сегодня практически ничего не можем знать о коммунизме как общественном строе, поскольку он еще не построен. Если мы не знаем, что строим, то как мы можем это делать? Но теория и существует для того, чтобы предвосхищать результаты нашей практической деятельности, создавать идеальные модели, которые выступают в качестве сознательных целей. Известно, что К. Маркс не только определил на основе диалектико-материалистического анализа общественной жизни общее направление исторического процесса, но и научно предугадал возможные этапы развития будущего социального организма, а также то, что процесс революционных преобразований потребует сравнительно длительного исторического срока.

В настоящий момент КПСС на основе глубокого научного анализа всей совокупности внутренних и международных условий, уже достигнутого всестороннего прогресса советского общества наметила магистральную линию нашего продвижения к коммунизму на путях ускорения социально-экономического развития страны, определила конкретные задачи, которые предстоит решить нашему народу в ходе этого развития.

В то же время теория не должна отрываться от конкретной жизненной действительности, забегать вперед,

---

[12] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 138.

принимая желаемое за действительное, провозглашаемые идеалы и цели будущего за сегодняшнюю реальность. «Перерастание социализма в коммунизм определяется объективными законами развития общества, не считаться с которыми нельзя,— говорится в новой редакции Программы КПСС.— Любые попытки забегания вперед, введения коммунистических принципов без учета уровня материальной и духовной зрелости общества, как показывает опыт, обречены на неудачу, могут вызвать издержки как экономического, так и политического характера» [13]. Любое забвение или нарушение объективных законов общественного развития и преобразования, как отставание, так и забегание вперед по сравнению с их требованиями, неизбежно ведет к ошибочным теоретическим выводам и практическим решениям, влечет за собой различного рода социальные издержки и деформации. Это положение имеет принципиальное значение как для теоретической, так и для практической деятельности, ибо нацеливает социальную науку на постановку и решение реальных задач общественного преобразования с учетом имеющихся для этого возможностей и предпосылок, служит ориентиром для исследования действительно актуальных проблем социальной теории в соответствии с практическими потребностями данного этапа развития общества.

Марксистская концепция о месте и роли социального познания в общенаучном потоке человеческого знания, о соотношении общего и особенного в процессе получения знания об обществе, о законах его функционирования и развития опирается на диалектико-материалистическую трактовку общественной жизни. Подчеркивая «земную природу» всех философских теорий, К. Маркс писал: «...разрешение теоретических загадок есть задача практики и опосредствуется практически... истинная практика является условием действительной и положительной теории...» [14].

Процесс познания социальной действительности, имеющий исторически поступательный характер, идет от одной относительной истины к другой, значительно более полно и глубоко отражающей реальный мир. Объективность наших знаний о нем проверяется и подтверждается общественной практикой. Познавательный процесс рас-

---

[13] Там же. С. 139.
[14] *Маркс К. Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 135.

сматривается марксизмом в качестве исторически конкретного, непрерывно развивающегося компонента социальной практики. Ф. Энгельс отмечал безгранично непрерывный характер как поступательного исторического развития, так и совершенствования потенциальных возможностей человеческого познания. «История,— писал Ф. Энгельс,— так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества...»[15] Рассмотрение теоретико-методологических аспектов социального познания в принципе не может осуществляться в отрыве от общественно-исторической практики как способа материально-предметной деятельности человека.

Общественно-преобразующая, практическая и научно-исследовательская, познавательная деятельность органически взаимосвязаны друг с другом. Только соединение познания и практики способно обеспечить раскрытие объективной истины в социальном познании. Практика есть объективно-реальный процесс, она первична по отношению к теоретико-познавательной деятельности и служит ее отправной позицией и фундаментом. Социально-историческая практика выступает как наиболее общий критерий научной истинности социального познания.

Хотя общие методологические проблемы социально-преобразующей деятельности являются частью методологии социального познания, они вместе с тем имеют и свою специфику, носят «прикладной» характер и затрагивают прежде всего способы претворения социальной теории в жизнь, перевода теоретических истин на «язык практики». Здесь возникают, например, такие проблемы, как вопрос о применимости той или иной теории к определенным конкретно-историческим условиям, о способах ее реализации в ходе преобразования общественных отношений и управления социальными процессами, о социальном планировании.

Диалектический подход к познанию процессов природы, общества и мышления назван В. И. Лениным сутью марксизма, его главным стержнем. Но этому положению иногда придается абсолютное значение, что неизбежно ведет в какой-то мере к односторонней его трактовке, при которой подчас игнорируется органическая взаимосвязь объясняющей и преобразующей сторон марксист-

---

[15] Там же. Т. 21. С. 275.

ского учения, служащего научным руководством для революционно-преобразующей деятельности людей. Сам по себе процесс познания и достижения объективной истины не способен привести к изменению действительности, практически решить какую-либо общественную проблему. Для этого необходимы активные действия людей, опирающихся на познанные свойства и закономерности общественного бытия. Самая верная теория и хорошая методология мало что стоят, если они не соединяются с революционно-преобразующей деятельностью людей. Именно эта «деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, **изменяет** внешнюю действительность...» [16].

Отмечая, что историческая необходимость смены одного способа производства другим, объективные законы классовой борьбы не исключают активной роли масс и отдельных личностей, а, наоборот, предполагают ее, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу. «История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека» [17].

Исторический материализм — теоретико-методологическая основа не только познания, но и преобразования социальной действительности, определенный тип мировоздействия. Им научно обосновываются наиболее адекватные пути и механизмы соединения теории с социально-преобразующей деятельностью людей. Руководствуясь методологическими принципами исторического материализма, марксизм дает научно обоснованную трактовку вопроса о соотношении необходимости и свободы, закономерности и активной деятельности людей в общественно-исторической практике, роли и пределах воздействия субъективных факторов на нее.

Категории и законы исторического материализма, выполняя свою методологическую функцию, становятся руководством к действию в социальной практике, методом решения встающих перед обществом проблем, разрешения возникающих противоречий. Именно синтез материализма и диалектики в марксистской методологии социального познания дает возможность не только научно верного объяснения реальных общественных процессов, но и понимания того, как и почему необходимо изменять социаль-

---

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 199.
[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102.

ную действительность, находить наиболее рациональные пути и эффективные средства ее революционного преобразования.

§ 2. *Принцип партийности в социальном познании*

Общественные науки по объекту своего исследования, по социально-классовой природе своего субъекта, по своей идейно-политической функции носят непосредственно идеологический характер. Наличие субъективно-классового момента в социальном познании и его прямое влияние на содержание получаемого здесь знания есть объективная реальность, определяющая в известной степени и саму специфику познавательной деятельности в этой области. Социальные проблемы, носящие глобальный характер и имеющие подлинно универсальное, общечеловеческое значение, вместе с тем наполнены конкретным классовым содержанием и представляют собой объект «борьбы партий» в философии и политике. Поэтому принцип классового подхода и оценки исследуемых социальных явлений сохраняет сегодня свою актуальность, несмотря на попытки буржуазных и ревизионистских идеологов умалить значение этого принципа, освободить социальное знание от «классовой узости». Как в прошлом, так и сегодня именно различие мировоззренческих подходов и классовых оценок социальных явлений служит источником непрекращающейся и все более обостряющейся идеологической борьбы.

Нет и не может быть ««беспристрастной» социальной науки... в обществе, построенном на классовой борьбе» [18]. Это ленинское положение, безусловно, следует понимать в широком смысле, т. е. иметь в виду не только классовую борьбу внутри отдельного антагонистического общества, но и борьбу различных общественно-политических мировых систем в современном мире.

---

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.
Кстати, все широковещательные заявления буржуазных теоретиков о деидеологизации наук носят явно фарисейский характер, ибо большинству из них присущ как раз сугубо прагматический, субъективно-классовый подход к теории и методологии социального познания. Его достаточно откровенно выразил американский философ Н. Решер в книге «Методологический прагматизм». «Не существует более точного и лучшего критерия для оценки того или иного метода, — пишет он, — как факт его работоспособности в соответствии с задачами и целями, поставленными конкретным исследователем» (*Rescher N.* Methodological Pragmatism. New York, 1977. P. 2).

Некоторые авторы считают необходимым проводить различие между понятиями «классовость» и «партийность». Однако если рассматривать эти категории применительно к научному познанию в целом, то для такого различия вряд ли имеются какие-либо веские основания. Категория партийности отражает в теории классовую структуру антагонистического общества, борьбу классовых сил в различных областях жизни. С другой стороны, социально-классовая направленность теоретических идей и взглядов обусловливает партийность общественной науки.

Классики марксизма-ленинизма при анализе общественных явлений применяли практически однозначно оба эти термина, подчеркивая их связь с борьбой между пролетарской и буржуазной идеологией. В. И. Ленин отмечал, что «партийность есть результат и политическое выражение высокоразвитых классовых противоположностей» [19].

Главными субъектами общественно-исторического процесса выступают большие массы людей и прежде всего классы, являющиеся носителями и созидателями конкретных общественных отношений. Их интересы, цели, противоречия выступают в качестве основополагающих побудительных мотивов человеческой деятельности, в том числе и познавательной. Последняя неизбежно детерминирована классовыми интересами, ибо призвана отражать и обосновывать объективные, в первую очередь экономические, потребности определенных социальных групп, их положение в обществе и образ жизни. Именно эти классовые интересы служат глубинной основой индивидуальных мотивов, побуждений и действий отдельных индивидов, выступающих в качестве субъектов научного творчества. Поэтому подмена классовых критериев любыми другими, попытки «деидеологизации» общественного знания представляют собой отход от требований объективного научного анализа, неизбежно ведут к искаженному изображению действительности.

Классовые корни любого идеологического явления — будь то философская категория или политическая теория — выступают теми определяющими факторами, которые обусловливают содержательную сущность и форму теоретического отражения социальной действительности, оценку и трактовку тех или иных общественных явлений.

---

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 274.

Никакую общественную доктрину нельзя правильно понять и объективно оценить, не выявив ее классовых корней, тех социальных истоков и условий, порождением и отражением которых она является.

Сущность классовой позиции исследователя есть объективное отношение между ним и тем классом, интересы и цели которого он в конечном счете отражает. Именно это отношение выступает существенным фактором социального познания. То или иное взаимодействие гносеологического и социологического аспектов в социальном познании может либо содействовать научно-объективному анализу и адекватному отражению действительности, либо препятствовать, ограничивать его познание, вести к искаженному отображению действительности в теории.

Принцип классовой детерминированности, распространяющийся на научно-познавательный процесс в целом, имеет в обществознании свои специфические особенности. В отличие от естественнонаучного познания в социальном познании не только субъект, но, за редким исключением, также и объект отражения обладает классовой природой в условиях классового общества.

Классовая «запрограммированность» объекта и субъекта социального познания определяет и партийность методологии последнего. Будучи направленной на выявление объективной истины, эта методология включает в себя и классовую оценку, которая характеризует отношение субъекта к познавательному объекту, к самому процессу исследования и его познавательным принципам. Диалектика социально-классовой позиции исследователя и методологии анализа общественных явлений выражается в том, что эта позиция так или иначе преломляется в соответствующей методологической направленности его научной деятельности. Без выяснения механизмов этой диалектической взаимосвязи невозможно и установление социально-классовой детерминации теории и методологии социального познания.

Следовательно, принцип партийности, имея всеобщий методологический характер, приобретает вместе с тем специфические формы выражения в различных областях знания. В естествознании он проявляется в области мировоззренческих функций естествознания, философского обобщения эмпирического материала, приобретая здесь также свои специфические черты. Влияние мировоззренческих и общественно-политических позиций естествоиспытателя на характер формирования выдвигаемых им

концепций проявляется в значительно более опосредованном виде.

Существует мнение, что естественным и технико-математическим наукам имманентно присущи также и классово-идеологические и политические ценности. Аргументируется это тем, что получение научного знания есть всегда результат творческой деятельности конкретного субъекта познания, обладающего той или иной социально-классовой принадлежностью и идеологической ориентацией. Указывается также и на подчиненность процесса научного творчества как особого вида духовного производства определенным социальным и этико-нравственным ориентирам[20]. Оба положения неоспоримы. Но неоспоримым является и то, что результаты естественного и технико-математического знания могут быть в одинаковой степени использованы практически в любых классовых интересах; при этом характер их использования отвлекается от содержания самого знания. Так, одинаковые по своему научно-технологическому содержанию знания об атомной энергии могут быть в равной мере поставлены на службу как интересам социального прогресса и мира, так и силам реакции и милитаризма. Этот факт предопределяет частично идеологическую индифферентность технологического и природного знания: его результаты могут быть использованы в любых общественных целях. Поэтому здесь возможно и несоответствие между социальной позицией ученого, выступающего субъектом познания, и социальными результатами его теоретической деятельности. Иначе обстоит дело в обществознании. Очевидно, например, что диалектико-материалистическое учение марксизма не может быть использовано классом империалистической буржуазии для обоснования и защиты капиталистических общественных отношений, ибо оно по своей содержательной сущности может выражать лишь мировоззрение рабочего класса, передовых сил современности. В свою очередь, идеалистически-метафизические буржуазные концепции не могут соответствовать пролетарскому мировоззрению, служить целям социализма, социального прогресса.

Конечно, в широком смысле наука в целом является социально детерминированным феноменом, ибо посредством самых различных «каналов» она так или иначе свя-

---

[20] См.: *Алексеев П. В., Ильин А. Я.* Принцип партийности и естествознание. М., 1972.

зана с общественно-политической и духовной жизнью, ее субъектами выступают живые люди, принадлежащие к определенным социальным слоям и, как правило, занимающие определенные ценностные позиции. Поэтому мировоззренческая обусловленность естествознания носит в такой же степени объективный характер, как и теоретико-методологические положения научного знания. Но если иметь в виду прямую социально-классовую детерминацию научного знания, то в этом случае речь может идти лишь об обществознании. Именно в нем наблюдается непосредственная включенность в механизм науки классово-идеологических и политических ценностей, «борьбы партий», в которой находят свое выражение мировоззренческие позиции и классовые интересы антагонистических сил общества.

Принцип классового детерминизма неизбежно ставит вопрос о научной объективности социального знания. Буржуазными теоретиками выдвигается тезис о принципиальной несовместимости партийности с объективностью истины в научном социальном знании. Ссылками на субъективные моменты в творческой деятельности познающего субъекта они пытаются лишить социальное познание его объективного статуса, отрицать научный характер марксистско-ленинской общественной теории, поставить ее «вне науки». Буржуазные, а вслед за ними и некоторые ревизионистские идеологи сводят марксизм к некой совокупности моральных установок и этических принципов. Этот идеологический выпад, кроме цели принижения значения и роли марксистского учения, объективно направлен на то, чтобы лишить революционное движение трудящихся научной основы анализа объективных общественных законов и прогнозирования общественного развития, обречь их на утопическую бесплодность и историческую пассивность.

Анализ социальных явлений с мировоззренческих позиций рабочего класса является основой принципа коммунистической партийности и одновременно условием объективности социального познания, ибо выражает историческую необходимость прогрессивного общественного развития и его объективные закономерности. Выполняя классовую функцию, мировоззрение рабочего класса имеет вместе с тем и общечеловеческий смысл, поскольку служит целям социального прогресса всего человечества.

Марксистская партийность не отменяет объективных фактов, а, наоборот, позволяет определить, какие факты

имеют первостепенное значение для научного анализа конкретной социальной проблемы и ее практического решения. В научном обществознании и научной идеологии не существует никакого противоречия между научностью и идеологичностью, наоборот, ему присуща органическая целостность этих двух сторон социального знания, проявляющаяся в единстве марксистско-ленинской теории и коммунистической идеологии. В научной теории, в общественно-политической практике и идеологической деятельности марксисты неизменно выступают против любых проявлений субъективизма и волюнтаризма, против игнорирования действия объективных закономерностей. В. И. Ленин подчеркивал, что исходный гносеологический пункт марксистской оценки общественных явлений — это соответствие наших представлений действительности, трезвый анализ объективных условий, понимание закономерного характера исторической необходимости. «Понимание необходимости явления,— писал В. И. Ленин,— вызывает, естественно, совершенно иное отношение к нему, умение оценить его различные стороны»[21]. Именно марксистский классовый подход к анализу общественной жизни, находя свое выражение в принципе партийности социальной теории, является, согласно Ленину, тем основополагающим фактором, который возводит материалистическую теорию общества на степень науки[22].

Суть проблемы заключается не в том, свободен или не свободен процесс социального познания от субъективных установок, а в том, какова исходная мировоззренческая и теоретико-методологическая позиция исследователя, способствует или препятствует она установлению объективной истины. Поэтому процесс научно-теоретического исследования социальной действительности предполагает выявление и критическую оценку ценностных установок самого исследователя.

Марксизм преодолевает буржуазный объективизм не путем дополнения его субъективизмом, а путем приведения в соответствие «должного» и сущего, теории и практики. В подходе к анализу соотношения партийности и объективности марксизм исходит из требования, чтобы «личностное отношение», поскольку оно имеет место в процессе социального познания, совпадало в целом с требованиями исторической необходимости, с объективным

---

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 223.
[22] См.: Там же. Т. 1. С. 428.

ходом и тенденциями прогрессивного развития общества.

Содержание буржуазной партийности определяется узкоклассовыми интересами эксплуататорского меньшинства общества, которые находятся, как правило, в противоречии с закономерностями поступательного развития истории, ее объективными тенденциями и потребностями. Поэтому буржуазная партийность независимо от субъективных желаний отдельных теоретиков ведет к апологетике реакционной политики, к затушевыванию объективной истины в познавательном процессе. Буржуазные теоретики все чаще с циничной откровенностью провозглашают свою приверженность классовым интересам монополистической буржуазии, выступают с открытой защитой реакционных целей империализма во внутренней и внешней политике [23].

Требование научной объективности основывается не только на позициях передового класса, но исходит также из наиболее зрелых и развитых наличных форм его прак-

---

[23] Показательно, например, что сейчас многие американские книги по социально-политическим вопросам выходят с ремарками авторов о том, что данная книга подготовлена по прямому заказу или при финансовой поддержке правительственных органов США — Пентагона, Государственного департамента, ЦРУ и т. д.

Конечно, при рассмотрении проблемы партийности буржуазного социального знания не следует подменять субъективную позицию отдельных идеологов объективным отражением в их теоретической деятельности интересов представляемого ими класса. Основоположники марксизма подчеркивали различие осознанной и неосознанной классовости (партийности) буржуазных теоретиков, ибо отдельные исследователи могут в силу определенных обстоятельств питать обманчивую, но вместе с тем искреннюю иллюзию классовой нейтральности своих теоретических построений, а также искренне заблуждаться в отношении реальной, объективной значимости своих взглядов и концепций. Вскрывая классовые корни партийности научного знания, Г. В. Плеханов писал: «Отдельной личности не нужно „сознательного лицемерия“ для того, чтобы стремиться к согласованию своих взглядов с интересами своего класса. Для этого ей достаточно искреннего убеждения в том, что данный классовый интерес совпадает с интересом целого общества... Полезное для данного общественного класса является *истинным* в глазах отдельных лиц, этот класс составляющих» (*Плеханов Г. В.* Избр. филос. произведения: В 3 т. М., 1956. Т. 3. С. 627). Это положение сохраняет свое значение и в современных условиях. Именно поэтому и в наши дни следует дифференцировать буржуазных идеологов, сознательно стоящих на позициях воинствующего антимарксизма и антикоммунизма, и тех, кто честно заблуждается и неверно интерпретирует марксистско-ленинское учение, вместе с тем проявляя к нему искренний интерес.

тической деятельности, из общеисторической перспективы поступательного общественного развития. И в тех случаях, когда исследователь независимо от своей классовой принадлежности встает на такие позиции, выражает осознанно или неосознанно интересы большинства общества, он обладает возможностью достижения научно-объективного знания о социальной действительности, правильной оценки познаваемых здесь объектов.

Резкое обострение классовой противоположности и идейно-теоретической борьбы в современном мире предопределяет актуальность вопроса о партийности социальной теории. В настоящее время под воздействием комплекса объективных и субъективных факторов, обусловливающих углубляющийся кризис империализма, быстро возрастает уровень классовой сознательности трудящихся масс, расширяются возможности распространения и внедрения в общественное сознание людей капиталистических стран научных идей марксизма-ленинизма. Однако эта социальная тенденция встречает активное противодействие со стороны всей системы надстройки монополистического капитализма. Буржуазная идеология продолжает оставаться господствующей, ее влияние на умы людей не ослабевает. Многие из тех, кто разочаровался в капитализме, часто еще не готовы встать на позиции активной революционной борьбы, не руководствуются подлинно научным мировоззрением марксизма-ленинизма или же занимают промежуточные позиции, склонны к различного рода идейным компромиссам и политическим шараханьям. Широкое распространение идеалистических и метафизических концепций, различного рода гносеологического релятивизма и мистицизма в буржуазном обществе в значительной степени определяется тем, что господствующая здесь буржуазная идеология затрудняет и всячески препятствует проникновению в сознание ученых научной теории и методологии марксизма-ленинизма, фальсифицирует и дискредитирует их. В борьбе за умы людей, их миропонимание, социальные и духовные ориентиры буржуазная идеология вместе с тем стремится всячески приукрасить капитализм, навязать сознанию масс выгодные правящему классу апологетические идеи и взгляды, стандарты жизни, культуры и морали. «Мы имеем дело с искушенным классовым противником, политический опыт которого разнообразен, измеряется по времени веками. Он создал гигантскую машину массированной пропаганды, оснащенную современными техническими средствами,

располагающую огромным аппаратом вышколенных ненавистников социализма»[24].

В этих условиях особое значение для марксистов-ленинцев имеет бескомпромиссное отстаивание чистоты марксистской теории, решительное проведение в жизнь принципа ее классовости и партийности, наступательность в разоблачении всякого рода идеологических диверсий империализма.

---

[24] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 88.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ ОТНОШЕНИЕ. ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

§ 1. Субъект-объектное отношение как гносеологическая и методологическая проблема

Проблема взаимосвязи субъекта и объекта познания занимает одно из ведущих мест в философской науке[1]. В самом общем смысле под объектом понимают некоторую систему, предмет, на который направлена познавательная деятельность, а субъект рассматривается как источник соответствующего действия. (Сходным является понимание объекта и субъекта практики, познавательного отношения.) Выяснение отношений субъекта к объекту и способностей субъекта воспроизводить объект в знании является фундаментальной проблемой гносеологии.

Вся домарксистская гносеология исходила из того, что объект и субъект могут быть вычленены как стороны *познавательного* отношения человека к миру. Упускались из виду возможность подобного же расчленения *практического* отношения к миру и те существенные связи познания и практики, которые за этим скрываются.

Кроме того, в истолковании объекта и субъекта, а также способов их взаимодействия домарксистская гносеоло-

---

[1] См.: *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. М., 1980; *Любутин К. Н.* Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981; *Кузьмина Т. А.* Проблема субъекта в современной буржуазной философии. М., 1979; и др.

гия придерживалась двух крайних позиций: рассмотрения объекта и субъекта как двух природных систем (метафизический материализм) и сведения субъекта к сознанию, из чего следовало выведение знания из структуры сознания.

Марксизмом был совершен коренной, революционный переворот в гносеологии. Он стал возможен на почве материалистического понимания истории, положившего в основу исторического процесса практическое отношение людей к природе. Благодаря материалистическому пониманию истории была осознана социальная обусловленность познания, его практическая природа. В. И. Ленин указывал, что «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [2]. В этом отношении обращение к практике позволяет рассмотреть не только знание, но и ценности — то, что человеку нужно, что он ценит.

С позиций марксистской гносеологии познание осуществляется как единство отражения и деятельности. Этот фундаментальный подход не мог быть получен как результат объединения гносеологических установок метафизического материализма и идеализма. Он возник в результате анализа практики как основы познания. При этом в практическом отношении человека к миру были открыты связи, сходные с теми, которые возникают в познавательном отношении: практика, так же как и познание, может быть расчленена на объект и субъект, взаимодействие которых и составляет ее содержание. Активность субъекта проявляется прежде всего в практическом отношении к миру — в производстве и социально-преобразующей деятельности. Именно в материальной деятельности субъект полагает предпосылки своей познавательной активности.

Это новое видение проблемы «субъект—объект», состоящее не только в характеристике способности субъекта воспроизвести объект в знании (посредством отражения и деятельности), но и в связи их взаимодействия с практическим отношением человека к миру, придало понятиям „субъект" и „объект" универсальный методологический статус. В своем обстоятельном исследовании проблемы субъекта и объекта в социальной практике и познании Г. С. Арефьева указывает на две методологические

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

функции понятия „объект“: во-первых, с помощью категории „объект“ происходит выделение той части объективной реальности, которая на данном историческом этапе вовлечена в практическую деятельность общества, а, во-вторых, различия объекта и объективной реальности призваны подчеркнуть общественный, исторический характер самого объекта[3]. Объект предстает как часть реальности, выделенная практикой и противостоящая субъекту. Необходимо подчеркнуть еще одну методологическую роль понятия объекта познания. Его введение в гносеологию позволило проанализировать те процессы, которые определены усложнением теоретического строя науки. Совершенно очевидна связь современной познавательной деятельности с уровнем развития науки, и многие исследователи полагают, что на выделение объекта познания оказывает влияние также и теоретическая деятельность[4]. Более распространена точка зрения, состоящая в утверждении, что обработка объекта, выделенного практикой, наличными теоретическими средствами, создает предмет науки. Согласно этой точке зрения объект существует независимо от теории, как часть объективной реальности, данная в практике. В теории же он представлен не в чистом виде (отражение не носит зеркального характера), а преобразуясь в предмет познания — объект, воспринимаемый на соответствующем уровне развития теории. Такая позиция порывает с остатками наивно-реалистических представлений и соответствует диалектико-материалистическому взгляду на процесс познания. Она открывает еще одну проблему познания — диалектику объекта и предмета науки[5].

Для теории познания понятие субъекта также имеет принципиальное методологическое значение. Оно ориентирует на установление связи субъекта практики и субъекта познания, конкретизирует социальную природу познания посредством выделения конкретно-исторического субъекта как носителя направленной на объект деятельности.

Понятия объекта и субъекта выступают как стороны диалектического противоречия. Они не существуют друг без друга. Взаимодействие субъекта и объекта познания,

---

[3] См.: *Арефьева Г. С.* Социальная активность: проблема субъекта и объекта в социальной практике и познании. М., 1974. С. 52.
[4] См.: Там же. С. 51.
[5] См.: *Косарева Л. М.* Предмет науки. Социально-философский аспект проблемы. М., 1977.

называемое познавательным отношением, выступает как важнейшая характеристика процесса познания. В анализе взаимоотношений субъекта и объекта познания может быть раскрыта методологическая роль основного вопроса философии, который является не раз и навсегда найденной априорной предпосылкой познания, а основой для решения вопроса об отношении субъекта и объекта. В рамках материалистической традиции объект рассматривается как объективно существующий и отображаемый в сознании субъекта посредством познавательной деятельности, на основе определенных методов. Особенностью объекта социального познания является то, что он включает в себя деятельность людей. Ее объективное отображение в познании имеет отмеченные уже сложности, связанные с наличием субъективного момента в самом объекте познания, с расщеплением самого этого объекта на объект и субъект, с появлением нового класса отношений в социальном познании — субъект-субъектных, т. е. отношений субъекта познания к субъекту деятельности [6].

Так, в качестве объекта социального познания могут быть рассмотрены все общество, общественное бытие как его объективная сторона, отдельные сферы общественной жизни, отдельные ее проявления, индивиды, взаимодействие индивида и общества. В свою очередь, и субъектом (как практики, так и познания) может быть общество в целом, класс, производственный коллектив, если речь идет о практике, или сообщество ученых, если имеется в виду познавательная деятельность, отдельный индивид. Выделение субъекта социального познания зависит от масштаба рассмотрения: имеется ли в виду познание как процесс, осуществляемый человечеством на протяжении всей его истории, познание ли общества на определенном этапе его развития, или речь идет о конкретной познавательной задаче, решаемой определенным научным коллективом.

Хотя в общем виде понятия объекта и субъекта достаточно определены, имеют место разногласия по вопросу о том, что же является объектом и субъектом социального познания и практики. На наш взгляд, указанный вопрос не может быть однозначно решен для всех познавательных ситуаций. Отмеченное выше методологическое

---

[6] Подобные сложности в известной мере встают и перед техническими науками.

значение понятий «субъект» и «объект» ориентирует нас на конкретно-историческое установление их содержания.

В этом смысле понятия «объект» и «субъект», их взаимосвязь не только приобретают методологическое значение для *теории познания*, но и выступают как определенная проблема *методологии науки*: в отношении «субъект—объект» фиксируется активность субъекта познания и практики, а методология, будучи философским учением о методах познания и преобразования действительности, как раз и является учением об активности субъекта, о способах трансформации его деятельности в предметное содержание теории и в продукты производственной и социально-преобразующей деятельности. Для материалистического истолкования проблемы «субъект—объект» представляется целесообразным не только обращение к обсуждению этого вопроса в гносеологии, но и историко-научный анализ становления объекта и субъекта обществознания в их связи со становлением отношения субъекта к объекту практической деятельности.

Внимание к методологическому значению проблемы субъект-объектного отношения не случайно, хотя его изучению уделяется недостаточное внимание. В основном данная проблема анализируется в советской литературе на материале истории философии, позволяющем понять смену основных гносеологических концепций и продемонстрировать преимущества марксистской гносеологии [7]. Если же эта проблема становится предметом методологии, то она, на наш взгляд, состоит не только в том, чтобы раскрыть методологические функции названных категорий, но и в том, чтобы довести исследование до уровня конкретной связи философских выводов с потребностями социального знания. До сих пор эта задача выполнена лишь отчасти: в упомянутой работе Г. С. Арефьевой показано методологическое значение проблемы «субъект—объект» для исторического материализма, а точнее, для анализа общественного сознания и механизмов отражения в нем общественного бытия. Применяются данные категории и в методологии специальных общественных наук — истории, лингвистики, психологии и т. д. «Пропущенным» оказывается один существенный слой — переход от структуры практического отношения к структуре познавательного и ценностного отношения субъекта к объекту. Обычно дело представляется так, что субъект практиче-

---

[7] См.: *Кузьмина Т. А.* Указ соч.

ского отношения совпадает с субъектом познания, равно как объект практики есть объект познания. В самом общем смысле это так: природа выступает как объект преобразования и познания, а общество, естественно, и как объект и как субъект этих отношений. Но, как уже отмечалось выше, реальная ситуация сложнее, и особенно сложной она является в обществознании. Маркс писал: «Рассматривать общество как один-единственный субъект значит рассматривать его неправильно, умозрительно» [8]. Поэтому целесообразно выявить особенности субъекта и объекта познания в соответствии с определенным уровнем развития субъекта и объекта практики.

Понятие практики, будучи исходной категорией всей философии, не только в гносеологии, но и в методологии выступает ключевым как для характеристики содержания понятий «субъект» и «объект», так и для анализа их соотношения.

§ 2. Роль практики в формировании объекта и субъекта познавательного отношения

Развивая позитивные выводы предшествующей гносеологии, марксизм вскрыл как опосредствованный характер познания (между объектом и субъектом познания помещается посредник в виде понятия, теории и пр.), так и тождество структур практической и познавательной деятельности, схематически представляемое как «объект—посредник—субъект». Марксизм-ленинизм рассмотрел и практику и познание как социально-опосредствованную деятельность.

Рассмотрение этого вопроса предполагает, как уже было отмечено выше, учет исторической изменчивости самой практики. Ее генетической основой, по К. Марксу, является труд, без которого был бы невозможен обмен веществ между человеком и природой [9]. Учитывая это, можно сказать, что относительное разделение между производственной и общественной практикой, подчеркиваемое рядом исследователей, в своих истоках совпадало с трудовой (производственной) деятельностью. Общество на ранних стадиях развития не было объектом сознательных исторических трансформаций, а изменялось с изменением производственной, хозяйственной деятельности

---

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч 2-е изд. Т. 12. С. 720.
[9] См.: Там же. Т. 23. С. 51.

людей. Отношение к природе выступало как первое сознательное отношение общества, и именно потому естествознание возникло раньше специальных общественных наук (знания об обществе первоначально формировались в лоне философии). В соответствии с этим и становление объекта и субъекта познания происходило вначале в естествознании в связи с изменением форм производственной практики. Однако отношение к природе было вместе с тем отношением между людьми. В работах В. В. Лазарева, Л. М. Косаревой, Э. Ю. Соловьева и других авторов убедительно показано, что формирование науки нового времени было продуктом целостных социальных изменений [10]. Становление субъекта познания шло, таким образом, вслед за становлением субъекта практики, который складывался как в производстве (начало развития капиталистических отношений), так и в социально-преобразующей деятельности (протестантизм, Возрождение, раннебуржуазные революции). Поскольку исходной основой трансформаций являлся новый тип связей людей в производстве [11], постольку именно с производственной практики мы начнем свой анализ.

В производственной практике воздействие субъекта на объект осуществляется не непосредственно, а через посредство орудий труда. Соответственно объект дан субъекту в исторически конкретных формах деятельности. Как уже отмечено, структура практики может быть обо-

---

[10] См.: *Лазарев В. В.* Раннебуржуазная эпоха и генезис философии Нового времени//Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 112—158; *Косарева Л. М.* Генезис научной картины мира: (Социокультурные предпосылки). М., 1985; *Соловьев Э. Ю.* От теологического к юридическому мировоззрению//Философия эпохи ранних буржуазных революций. С. 159—256; и др.

[11] Методологическое значение имеет для нас данная К. Марксом классификация форм зависимостей и отношений, характерных для каждого общества: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 100—101).

значена как «объект—посредник (орудие)—субъект». Равным образом познающий субъект оперирует с объектом через посредство теорий, понятий, уже добытых знаний, методов, приборов, инструментов, и структура познавательного отношения также может быть выражена как «объект—посредник (теория и пр.)—субъект» [12]. Подмеченная зависимость не должна истолковываться как «непосредственное приравнивание знания к способам практической деятельности» [13]. Идея полного тождества знания и деятельности была присуща гносеологии механистического материализма. Этот тезис неразрывно связан с созерцательным характером домарксистского материализма, видевшим в человеческом познании слепок природных процессов. Уподобление природы механизму и означало, что познать природу — это построить механизм. От этой позиции отличается марксистская мысль о том, что мы познаем объект через способы деятельности с ним, что познание отличается от практики своими собственными задачами и что практически использовать предмет — это еще не значит иметь о нем научное знание.

Хотя тезис о практической природе познания стал уже азбучной истиной для марксизма, в его понимании нет единства. Утверждение, что научное познание имеет практическую природу, не означает ни игнорирования его теоретической формы, ни отождествления его с практикой, ни утверждения, что в обыденно-практическом знании нам дается такое же точно содержание, как и в научном. Речь идет о том, что практическая деятельность лежит в основе теоретической. Нередко практическая природа познания раскрывается через многообразие функций практики в научном познании. Например, почему практика может быть критерием истины? Потому, что в практике мы достигаем *реального* тождества объекта и субъекта, которое в познании может быть достигнуто лишь *идеально*. Практическая природа познания состоит прежде всего в отмеченном тождестве структур практического и теоретического отношения субъекта к действительности: опосредствованный характер отношений субъекта к объекту явился основой этого тождества. Фундаментальный характер этих опосредствований превращает всю историю предметно-практической деятельности и всю историю познания в историю изменения взаимоотноше-

[12] См.: *Лекторский В. А.* Указ. соч. С. 135—182; *Панов В. Г.* Чувственное. Рациональное. Опыт. М., 1976; и др.
[13] *Лекторский В. А.* Указ соч. С. 166.

ний субъекта и объекта на основе развития опосредствующих звеньев. Структура этих отношений присуща любому виду знания — естественным, общественным и техническим наукам.

Дифференциация наук на эти три области в известной мере отражает структуру практического отношения «объект—орудие—субъект». В своих развитых формах естествознание выступает как знание об объекте. Обществознание в своем зрелом состоянии является знанием о субъекте деятельности — обществе, когда его деятельность направляется не только на природный объект, но и на себя самого в качестве объекта познания и преобразования. Технические науки выступают как знание об орудиях, а шире — о посреднике практического отношения, при помощи которого субъект взаимодействует с объектом.

Эти относительные различия наук, определяемые их обращенностью к разным элементам практического отношения, позволяют понять, почему «для естественных наук определяющей является установка на отыскание объективных истин о мире природы... общественные науки не просто изучают цели и ценности различных социальных групп, но и обосновывают окружающую человека социальную действительность... Что же касается технических наук, то... для них характерна установка на рационализацию средств и схем, применяемых в различных сферах деятельности, а также на проектирование новых средств и схем, на организацию деятельности» [14]. Обратим внимание на то, что при таком подходе в объект обществознания включаются цели и ценности. Это иная формулировка того, что обществознание изучает социально-преобразующую деятельность, получает объективное знание о ней.

Хотя структура предметно-практической и познавательной деятельности сохраняется на всем протяжении их развития, содержание входящих в нее элементов исторически различно и потому соотношение знания об объекте, субъекте и посредниках не остается неизменным.

На стадии присваивающего отношения к природе, когда орудия труда были предельно неразвиты и структурные элементы предметно-практического отношения, по

---

[14] *Юдин Б. Г.* Методологическая характеристика процессов взаимодействия наук//Методологические проблемы взаимодействия естественных, общественных и технических наук. М., 1981. С. 185—186.

существу, еще только складывались, познавательные отношения были непосредственно вплетены в материальную жизнь. Роль посредника в познавательной ситуации играли преимущественно слово, мифологический образ, а знания приобретались в основном путем созерцания и усвоения некоторых навыков, в том числе и тех, которые закреплялись в обрядах. Этому периоду соответствует нераздельность практического, познавательного и ценностного отношения к природе. В отличие от практического отношения, направленного на реальное преобразование объекта, подчиненное утилитарным целям, и от познавательного отношения, ориентированного на совпадение содержания мышления с содержанием объекта (объективную истину), ценностное отношение выражает способность человека воспринимать мир во всем многообразии его свойств, формировать в себе универсальное (а не только утилитарное) восприятие мира в виде идеального выражения всего многообразия ценных для человека свойств. «Ценность представляет собой объективную значимость явлений (вещей, идей, процессов, отношений) в качестве ориентиров человеческой деятельности, содержание которых обусловлено общественными потребностями и интересами субъекта» [15]. Данное определение позволяет рассматривать практический успех и истину как особые ценности. Однако в контексте сопоставления практики, познания и ценностей подобная возможность не всегда принимается во внимание, так как речь идет прежде всего о соотношении истины с теми ценностями, которые сформировались в культуре до и помимо науки. Вместе с тем соотношение этих сторон конкретно-исторически определено уровнем развития практики и характером производственных отношений.

Во всех классово антагонистических докапиталистических формациях зависимость, соединяющая людей со средствами производства, носила личный характер. Производство осуществлялось, как правило, на основе простых орудий труда и передачи навыков, добытых путем совершенствования личного мастерства. Отсюда традиционность выступает в качестве универсальной характеристики докапиталистических социальных организмов, объясняющей неразделенность познавательного и ценностного отношения к природе, а в силу этого — нераз-

[15] Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981. С. 157.

рывную связь знания с навыком. Развитию социальных знаний в самостоятельной форме в средние века препятствовала теологическая система их истолкования, а в эпоху Возрождения — их антропологизация, подчинение гуманистическим социально-культурным идеалам.

Переломной эпохой, в которую началось выделение знаний об объекте предметно-практического отношения, стал XVII век. К этому периоду были сформированы материальные основы капитализма в разных странах Европы и условия для генезиса классического естествознания. Но вызревание ростков нового естествознания происходило, когда буржуазные социальные отношения еще развивались в рамках феодализма. Этим объясняются производственные, социально-политические и мировоззренческие движения данной эпохи, а также та половинчатость, с какой они происходят. Отсюда побудительные причины формирования нового естествознания складывались не только под влиянием непосредственных задач производства, но в основном исходили из задач формирования мировоззрения новой эпохи[16]. Однако и в самой производственной практике сложность возникающих перед ней задач не всегда может быть преодолена на основе традиционных приемов рецептурного знания, характерных для доклассической науки. Однако на этой стадии гуманистически-ценностное отношение к природе и познавательное отношение к ней *еще не разделены*, хотя линии разделения начинают намечаться. Научная деятельность Галилея, например, характеризует его, с одной стороны, как родоначальника нового экспериментального естествознания, с другой же — как носителя прежних форм познавательной деятельности, в которых знания связаны с ценностными предпочтениями, социальными убеждениями и пр.[17] В эпоху Галилея еще не были сформированы основные идеализации классического естествознания, его понятийный аппарат и методологическая база, на основе которых складывалась не зависящая от субъекта область анализа объекта практического отношения — природы. По справедливому замечанию В. С. Библера, здесь за-

---

[16] См., напр.: *Косарева Л. М.* Внутренние и внешние факторы развития науки: Историографический аспект проблемы. М., 1983.

[17] См.: *Библер В. С.* Галилей и проблема единых истоков гуманитарного и естественно-научного знания нового времени//Труды XIII Международного конгресса по истории науки. Секция I. Общие проблемы истории науки и техники. М., 1974.

кладывались основы элиминации субъекта из знания, делающие мышление Галилея вне(но не анти-)гуманитарным[18].

Не разорванная окончательно связь гуманистически-ценностного и познавательного отношений позволяет сделать вывод о единых истоках естественнонаучного и социального знания (В. С. Библер). Но можно ли отсюда заключить, что прежнее целостное познавательное отношение расщепляется на два — бессубъектное естествознание и ценностное обществознание? Для уяснения этого вопроса рассмотрим более развитую стадию науки — классическое естествознание, получившее импульс саморазвития и превратившееся в знание об объекте предметно-практического отношения.

В условиях машинного производства навык перестает быть главной формой производственного опыта. Развитие технических наук и лежащего в их основе теоретического естествознания стало в большей мере обусловливаться потребностями всестороннего обеспечения эффективности и непрерывности машинного производства. Подобно тому как производство элиминировало субъекта деятельности, приобретая все более отчужденный характер, так и естественные и технические науки в своем развитии стремились элиминировать субъект познания. Технология, придав производству общезначимую форму, одинаковую для каждой единицы продукции, требовала знания в такой же обезличенной форме, в которой оно могло быть передано любому индивиду без видоизменений и могло функционировать в соответствии с новыми условиями производства.

Не только естествознание постепенно приобретает обезличенную объективную форму готового знания, но и технические науки, ибо данная стадия характеризуется вещными отношениями людей и исключительным господством внеличностных — экономических и природных процессов. Хотя в настоящее время ясно, что социально-культурные и философские предпосылки, ценностные ориентации субъекта познания всегда участвуют в развитии любой отрасли знания, в том числе и естествознания, в то время ученые были убеждены, что только обезличенный результат может быть истинным.

В этой связи можно сказать, что тот ценностно-гуманистический «остаток», который образовывался из едино-

---

[18] См.: *Библер В. С.* Галилей и логика мышления нового времени // Механика и цивилизация XVII—XIX вв. М., 1979.

го познавательно-ценностного отношения к объекту познания при выделении из него естествознания и технических наук, нельзя рассматривать как зародыш системы специальных общественных наук. Обществознание еще не стало ни знанием о субъекте предметно-практического отношения, ни знанием об обществе как объекте общественной практики по многим причинам. Во-первых, потому, что человек понимался как природная вещь, наделенная разумом, а для общественных институтов искали естественный идеал, соответствующий применению мерок природы в качестве норм общественной жизни[19]. Во-вторых, деятельность людей рассматривалась как природная и в определениях субъекта деятельности не видели того, что было бы связано с чем-либо, помимо объекта. В-третьих, не было нужды в самостоятельном существовании специальных общественных наук: если субъект так безличен, природен, а его участие в производственном процессе и преобразовании общества всецело определено природой как объектом деятельности, то, следовательно, познание общественной жизни еще не является актуальной задачей, от решения которой зависит общественное состояние. Знания об обществе еще неразрывно вписаны в философию, культуру и характеризуются примерно теми же особенностями, которыми отличались знания о природе на заключительной стадии доклассического периода развития естествознания, сохранявшего неразрывность ценностного и познавательного аспектов. Однако по мере их выделения в самостоятельную сферу они ориентировались на каноны естественных наук.

С развитием капитализма разрушались первоначальные природные зависимости людей и создавались связи, определяемые совокупным общественным трудом. Капитализм характеризуется возрастанием социальной активности масс, появлением на исторической арене нового субъекта исторического процесса — пролетариата, активной подготовкой революционных процессов. Знания об обществе становятся необходимыми в связи с его возросшим динамизмом и происходящими в нем преобразованиями, с необходимостью организовывать общественную жизнь и управлять ею, участвовать в направленном, специализированном производстве общественных идеалов.

---

[19] См.: *Сидорова Н. М.* Критический анализ концепций возврата к природе//Философско-методологические проблемы естественно-научного и социального познания. М., 1980.

Обществознание осознает себя как систему наук о субъекте практического отношения достаточно поздно. Причем это осознание связано теперь с воплощением другой крайности: вместо прежнего объективизма возникает отрыв субъекта от объекта, рассмотрение социальной активности как совершенно субъективного свойства. Именно в XIX в. происходит окончательная дифференциация естествознания как наук об объекте практического отношения, специальных общественных наук как наук о субъекте этого отношения, направленного на общество как на объект, и технических дисциплин как наук о посредниках, с помощью которых субъект взаимодействует с объектом. Практическое отношение оказалось разделенным на три составные части, точнее, на две, ибо на первом полюсе — естественных и технических наук — был исключен субъект (технические науки осознавали себя как прикладное естествознание), на другом — специальных общественных наук — исключен объект практического отношения и преимущественное внимание уделялось субъекту.

Хотя эти разделения были в известной мере обусловлены отчужденным характером общественного производства, с одной стороны, и стремлением осмыслить общественную практику, ставшую в известной мере осознанной,— с другой, марксизм критически относился и относится как к натуралистическим, так и к культурцентристским (субъективистским) ориентациям обществознания (см. гл. двенадцатую), сформировавшимся в буржуазной методологии. С появлением выделившихся из философии специальных общественных наук обнаруживается двусторонняя связь между ними и философией. С одной стороны, философия задает основные методологические ориентиры развития наук об обществе, с другой — специальные науки обогащают философско-методологические основания социального знания. Марксизм сформировал качественно новую связь философии и общественных наук, создав систему обществознания, включающую в себя как философские дисциплины, так и специальные науки. Ядром этой системы является исторический материализм — социально-философская теория и одновременно метод познания и преобразования общественной жизни.

§ 3. Субъект обществознания. Роль его ценностных ориентаций

Марксизм вскрыл невыводимость специфики обществознания ни из объекта практического отношения, ни из его субъекта. В социальной жизни складывается собственная структура общественной практики, объектом которой выступает не только (и не столько) природа, но и само общество. Оно же само в широком смысле является субъектом преобразования, хотя субъект может быть представлен и как класс, социальная группа, индивид. Между объектом социального познания — обществом, имеющим субъект-объектную природу, и субъектом его преобразования помещается посредник, обеспечивающий активное, преобразующее воздействие субъекта на объект. Этот посредник исторически изменчив. Это — социальные институты и функционирующие в практике идеи, обыденное и вненаучное знание в целом, идеология, наука. Хотя можно указать такие исторические периоды, когда общественная жизнь всецело обслуживалась духовно-практическими формами деятельности, обыденным сознанием, появление идеологии и затем науки не упраздняет предшествующих форм, а создает новые способы общественных преобразований, с неизбежным использованием старых и через старые. До тех пор, пока идеология или наука не «овладевает массами», эффект их воздействия на общественную практику оказывается невелик.

Общественная наука, следовательно, выступает как посредник социально-преобразующей деятельности, будучи знанием о ней в целом, о ее субъекте, а также знанием о социальном аспекте предметно-преобразующей деятельности.

Марксово понимание науки отобразило те тенденции ее развития, которые в полной мере могли реализоваться при новом типе соединения производителя со средствами производства — не на основе личной или вещной зависимости, а на основе свободной ассоциации индивидов. Подобная ассоциация не могла быть достигнута на пути стихийного социального развития.

Подобно тому как классическое естествознание посредством общезначимой теоретической формы на определенном этапе своего развития стало обеспечивать нужды промышленного производства, переход к научному, теоретическому обществознанию, произведенный марксизмом, соответствовал нуждам общественных преоб-

разований. В советской литературе отмечается связь гносеологических «видов» обществознания (обыденно-эмпирическое, научно-эмпирическое, теоретическое) с особенностями его применения в социально-преобразующей деятельности и с ее собственными характеристиками (стихийная, организованная, научно обоснованная)[20]. Марксистское обществознание выступает как знание о предметно-преобразующей (производственной) и социально-преобразующей деятельности, соответствующей переходу этих видов деятельности на научно обоснованную стадию. Причем выход производства за рамки стихийного развития мог произойти только в условиях, когда свободная ассоциация индивидов уже имеет место и общество способно управлять своим собственным развитием. В марксистском взгляде на практику не только природу, но и общество стали рассматривать как объект практического отношения, при этом общество сохраняло свойства субъекта.

Подобно тому как ведущим субъектом исторического процесса выступают прогрессивные классы, они же становятся основными субъектами познания в том смысле, что именно интересы этих классов не препятствуют, а, напротив, способствуют получению истинного знания об обществе. Стремление устранить из социального знания интересы и ценности, характерное как для домарксистской, так и для современной западной гносеологии, нередко ведет к объективизму, требующему вообще элиминации ценностей из социального знания. Но если последнее есть знание об обществе как продукте человеческой деятельности, основанной на целях и ценностях классов, групп, индивидов, то подобный объективизм может привести только к искаженному воспроизведению объекта в знании. В силу самой природы объекта социального знания, для которого ценности являются его качественной спецификацией, последние не могут быть устранены из его познания, равно как и из него самого. Методологически это обстоятельство раскрывается в марксизме как выведение истины с позиций того передового класса, который выражает интересы основной массы населения и способен к практическому осуществлению этих интересов[21].

---

[20] См.: *Хотякова В. А.* Научное обществознание как система: Историко-материалистический анализ: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1981. С. 31.

[21] См.: *Старк Г. В.* Социологический анализ познавательного про-

В этой связи возникает вопрос: чем отличается научное обществознание как форма общественного сознания от других его форм (морали, политического сознания и пр.), где также могут быть выражены определенные классовые, мировоззренческие, ценностные позиции, от обыденного сознания, ценностная «нагруженность» которого составляет едва ли не его суть? Иначе говоря, какова форма бытия ценностей в научном обществознании и в чем ее отличие от функционирования ценностей во вненаучных знаниях об обществе? (Здесь следует отметить, что вненаучные знания, т. е. те, которые получены в обыденном сознании и в любой из форм общественного сознания, могут быть истинными, хотя и отличными от научных по степени проникновения в суть предмета.)

Так, совершенно очевидно ценностное неприятие К. Марксом капиталистического общества, как противостоящего интересам человека. Чтобы понять характер связи этой ценностной установки К. Маркса с его исследовательской деятельностью, необходимо иметь в виду, что сходная ценностная установка присуща обыденному сознанию пролетариата: «„Нравственное чувство масс" оказывается правым против „строгой науки", не успевшей еще разобраться в сути дела, именно потому, что эти массы реально зажаты в тиски противоречия...» — отмечает Э. В. Ильенков, показывая вместе с тем, что ценностные требования не служили К. Марксу *аргументами* в научном споре [22]. Как отмечал Ф. Энгельс, «Маркс никогда не обосновывал свои коммунистические требования *такими доводами...*» [23] (курсив наш.— *Авт.*). И вместе с тем «Капитал» К. Маркса, как отмечает Ильенков, невозможен без указанных ценностных ориентаций. Как же разрешается это видимое противоречие?

В упомянутой работе Э. В. Ильенков справедливо утверждает, что научные выводы Маркс получает путем особых приемов мыслительной деятельности, т. е. посредством движения особых присущих науке мыслительных форм — методов анализа. Среди них методы идеализации, восхождения от абстрактного к конкретному, развитие категориального аппарата, выходящего за пределы обыденной данности. Однако это является хотя и необходимым,

---

цесса в «Теориях прибавочной стоимости» Карла Маркса. Ростов н/Д, 1976. С. 105—107.

[22] *Ильенков Э. В.* Гуманизм и наука // Наука и нравственность. М., 1971. С. 433.

[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 184.

но еще недостаточным условием. Существенным представляется как раз то, что в ходе теоретической работы, осуществляемой Марксом в формах самой мысли, происходит испытание исходной ценностной установки, в результате чего «на выходе» она предстает не просто как исходное моральное, политическое и прочее убеждение определенной социальной группы, класса, а как продукт теоретической работы. Сказанное позволяет понять, что «Капитал» Маркса явился качественно новой формой научного обществознания, не тождественной рационализации обыденных представлений. Он явился основой научного мировоззрения пролетариата, сформировав такую систему ценностей, которая не могла возникнуть во всем своем объеме до и помимо науки. На этом примере прослеживаются важные особенности обществознания: неэлиминируемость из него ценностных установок, как присущих самому объекту социального знания, наличие ценностных предпосылок как представлений обыденного сознания, философских мировоззренческих взглядов и, наконец, получение определенных ценностей в составе результата.

В этом состоит одна из черт гуманистической направленности обществознания: оно не только изучает мир человека и общественные связи со стороны их законов, но и смыслы человеческой деятельности и, более того, участвует в их научном формировании, открывая тем самым должные ценности и обосновывая уже существующие.

Объективность социального знания не равна объективизму. Одна из известных попыток — требование М. Вебера строить свободное от оценочных суждений социальное знание — предполагает решительное отделение ценностей науки от всех прочих ценностей и приоритет первых. Однако в основе этого требования лежит некоторое вненаучное (ценностное по сути) сциентистское признание науки в качестве высшей ценности (как известно, у Канта подобную роль играла мораль). Научная рациональность, к которой апеллирует М. Вебер, имеет аналог в социальных представлениях о рациональности[24].

Между тем ценностная «нагруженность» свидетельствует не о субъективности процесса познания, а о его конкретно-историческом характере. Отсюда и вытекает единство партийности и объективности обществознания, возможность получения объективного знания наукой с по-

---

[24] См.: *Зиневич Ю. А., Федотова В. Г.* О единстве когнитивных и социальных критериев рациональности//В поисках теории развития науки. М., 1982. С. 240—260.

зиций пролетариата, которую не следует упрощать до отождествления пролетарской позиции с научной. Сама практически-политическая позиция пролетариата вырабатывается в конечном итоге на основе научного мировоззрения. В качестве «орудия» социального преобразования выступает овладевшая массами теория. Орудия же преобразования природы с развитием общества во все большей степени включают в себя не только поставленные на службу производству силы природы и овеществленные способности человека, но и его знания.

Как видим, в обществознании более, чем в других науках, сохраняется единство практического, познавательного и ценностного отношений субъекта к объекту в самих его результатах. Но этим не исчерпывается проблема ценностей в общественных науках. В самом общем виде она предстает как проблема социально-культурной обусловленности всей науки. Для успешного методологического применения этого принципа важно показать специфику социальной обусловленности обществознания. Ее анализ позволяет говорить об «интериоризации» вненаучных — социальных, философских, мировоззренческих — факторов, относимых ныне к ценностям в их широком значении[25], во внутринаучные методологические регулятивы, которые характеризуются как внутринаучные ценности. Отмечая неоднозначность понятия «ценность» применительно к познавательной деятельности, Л. А. Микешина указывает, что ценностное в теоретико-познавательном контексте противоположно когнитивному, содержит предпочтения, установки и социокультурные факторы; оно содержит ценностные ориентации самого

---

[25] Исследователи вопроса отмечают, что исходное содержание понятия ценностей как этических и эстетических сменилось в советской литературе признанием в качестве ценности всего общественно значимого для человека. Оно меняет отношение к месту и роли ценностей и оценок в науке. В дихотомии познавательного и ценностного обычно усматривали противоречие объективного и субъективного, относя все познавательные характеристики к объекту, а все ценностные — к субъекту. Ныне убедительно показано, что как познавательное, так и ценностное отношение является субъект-объектным, но функционально различным. Соответственно признается диалектика познавательного и ценностного: влияние ценностей на познание, их своеобразное присутствие в результатах социального знания, а также возможность научного осмысления ценностей, их объективного содержания. См.: *Микешина Л. А.* Познавательный процесс и ценностное сознание//Диалектика познания. Компоненты. Аспекты. Уровни. Л., 1983. С. 117—119.

познания — логико-методологические параметры, в том числе и мировоззренчески окрашенные, на основе которых оцениваются и выбираются формы и способы описания и объяснения, доказательства, организации знания и т. п. (например, критерии научности, идеалы и нормы общения) и, наконец, истина сама выступает как общественно значимая ценность. Внутринаучные регулятивы определяются как ценностные в силу возможности разного отношения к ним, обусловленности их выбора под влиянием имеющегося научного опыта, а нередко и вненаучных ценностей — мировоззренческих и пр.

Проблема ценностей получила наиболее успешную разработку в области естественнонаучного познания в работах Е. А. Мамчур, Л. А. Микешиной, Ю. В. Сачкова и др. Полученные ими выводы свидетельствуют о принципиально бо́льшей близости закономерностей естествознания и обществознания, чем предполагалось. Это, в свою очередь, потребовало уточнения и детализации специфических черт субъект-объектного отношения обществознания и поставило вопрос о тенденциях развития науки в целом.

В методологическом плане остаются проблемы соотношения методов естественных и общественных наук и их единства, которые по-разному решаются советскими исследователями. Приведем некоторые характерные точки зрения. Одна из них состоит в признании единства общественных и естественных наук на основе схем объяснения, научной аргументации, устраняющей вненаучные ценности. Отнесение к социальному знанию тех высказываний, которые содержат ценности, считается ошибочным, ибо такие высказывания принадлежат миру культуры, а не науки (М. С. Козлова).

Другая точка зрения основана на предположении, что методы как естественных, так и общественных наук могут быть применены к любому объекту. Они характеризуют лишь разное отношение к нему (Л. А. Маркова, В. М. Межуев, В. Ж. Келле). Подход к объекту как к естественному предполагает исключение ценностного отношения к нему, превращение его в объект, сходный с природным, существующим независимо от человека. Но и к природе можно относиться как к вовлеченной в человеческую деятельность. Например, производительные силы — это силы воздействия на природу, но к ним можно отнестись как к стороне производства, его «натуральным» элементам без анализа их социальных функций.

Природа же как среда обитания человека может представлять интерес для социального знания.

С третьей точки зрения наука едина в своей социальной обусловленности и ценностной «нагруженности». Ее единство достигается посредством движения естествознания к обществознанию, с одной стороны, и проникновения методов общественных наук (метода понимания) в естествознание (И. С. Алексеев) — с другой.

Полагаем, что в каждой из этих моделей зафиксированы в абсолютизированном виде некоторые особенности научной деятельности: как ни связано научное познание с ценностями, оно противостоит собственно ценностному отношению, не сливается с ним; история науки свидетельствует о возможности натурализации социального объекта и культур-центристской интерпретации естествознания (об этом см. гл. двенадцатую). В последнее время общенаучные закономерности начинают проявлять себя очень активно: многие методологические подходы (метод понимания, методологическая роль социально-культурных факторов, ценностных ориентаций), ставшие характерными для обществознания, проявили свою значимость и в области наук естественных и технических.

Поэтому указанные точки зрения вовсе не являются конкурирующими, как это выглядит порой в научных дискуссиях, а скорее взаимодополняющими, свидетельствующими о преобладании интеграционных тенденций в науке. Проявление подобной тенденции в существенной мере инициировала НТР. Начавшееся в ее ходе технологическое применение фундаментальных наук коренным образом меняет соотношение естествознания и практики, ставя в центр внимания управление и информацию. Теперь все ключевые отрасли производственной практики, возникшие в условиях НТР,— вычислительная техника, космические полеты, атомная энергетика, заводы тонкого органического синтеза — выступают как произведенные самой наукой. Без науки эти отрасли практики не могли бы развиваться в том смысле, что самая возможность их существования есть следствие научных открытий, НТР знаменует переход естествознания от классической к постклассической (современной) стадии. Технологическое применение фундаментальных наук сближает естествознание с общественными и техническими науками. Оно превращается не только в науку об объекте практического отношения (природе), но и в науку о посредниках (орудиях и процессах), с помощью которых субъект

этого отношения овладевает силами природы, и в некоторой степени в науку о целях общества в отношении природы, так как открытие новых видов практики есть одновременное открытие новых общественных возможностей. Отсюда острый интерес и к экологическим проблемам, связывающим воедино цели природы и общества, и к этическим проблемам науки. При этом обществознание получает новые задачи — оно начинает участвовать в познании природы посредством организации естественных и технических наук и ориентации их на цели всего общества. Соответственно расширяется и объект общественных наук, включая в себя не только общество с его отдельными подсистемами, но и его взаимодействие с природой и косвенно (через связь с естествознанием и техническими науками) и саму природу. Расширяется и сфера активности субъекта; в социалистическом обществе на смену классу как основному субъекту социального познания приходит общество в целом.

Из отмеченного выше тождества структур практической и познавательной деятельности можно сделать вывод, что на определенном этапе развития наук, когда в нем начинают преобладать интеграционные тенденции, совокупный результат естественных, общественных и технических наук дает нам не только знание о предметах их специализации, не только знание об объективном мире, но и знание о человеческой деятельности, о практике.

Думается, что именно в этом смысле — в плане возможности превращения практики в объект познания — В. И. Ленин указывал на две формы объективного процесса — природу и целеполагающую деятельность человека [26]. Речь идет об объективном характере знаний о практической деятельности людей, получаемых наукой на стадии преобладания в ней интеграционных тенденций. А это и означает, что со временем стираются границы наук и в своих относительных границах все они (вместе) превращаются в науку о человеке и его деятельности.

---

[26] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 170.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭМПИРИЧЕСКОЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

Проблема соотношения эмпирического и теоретического чрезвычайно важна для всей системы марксистского обществознания. Однако она еще недостаточно полно исследована, что является препятствием как для углубления теоретического постижения социальной реальности, так и для всестороннего осмысления самой проблемы «эмпирическое—теоретическое». Имеющиеся здесь результаты, полученные исследователями в общей форме или преимущественно на материале естествознания, недостаточно апробированы в области обществознания. Это не дает возможности отделить общенаучные и специфические (для общественных наук) аспекты соотношения эмпирического и теоретического, а также не позволяет понять с должной глубиной само содержание этих понятий.

Без ответа на указанные вопросы исчезает качественная граница между научным и вненаучным обществознанием (ибо теоретический уровень присущ именно научному обществознанию и получение эмпирического выступает здесь как научная проблема). Нельзя решить и вопрос о критериях научности обществознания, невозможно оценить роль исторического материализма в формировании теоретического уровня общественных наук.

Рассматриваемая тема является одной из наиболее сложных в методологии науки. Сложность ее определена прежде всего трудностью экспликации точных значений понятий «эмпирическое» и «теоретическое», объясняемой как многообразием форм их проявления, так и их тесной связью между собой. В области методологии естествознания существует несколько конкурирующих моделей в описании связи эмпирического и теоретического. Одна из них, условно называемая эмпирико-индуктивной, выводит теорию из эмпирических данных методом в той или иной мере усложненной индукции. Другая, гипотетико-дедуктивная, предполагает, напротив, обнаружение эмпирических данных посредством теории, выведенной путем дедукции. Хотя среди некоторых советских исследователей есть определенное тяготение к одной из названных моделей, связанное с ориентацией на те науки, в которых наиболее распространен соответствующий тип связи эм-

пирического и теоретического, в целом сохраняется отношение к ним именно как к моделям, упрощающим действительное взаимоотношение эмпирического и теоретического. Предпринимаются попытки нахождения иных способов связи эмпирического и теоретического, а также попытки группировать, классифицировать имеющиеся способы построения теорий [1].

Но все эти дискуссии, часто касающиеся теоретической физики и других математизированных отраслей естествознания, мало способствуют пониманию процедур построения теоретического знания в обществознании и тех особенностей, которые проблема «эмпирическое—теоретическое» принимает в социальных науках. В этой связи в данной главе предпринимается попытка выявить общенаучные и особенные черты эмпирического и теоретического в обществознании, проследить различия обыденно-эмпирического и научно-эмпирического, значение исторического материализма для формирования теоретического уровня обществознания.

§ 1. Проблема экспликации понятий эмпирического и теоретического в научном познании

Проблему «эмпирическое—теоретическое» нельзя путать с другой — «чувственное—рациональное», порождающей крайности эмпиризма и рационализма. Первая существует только в научном знании и характеризует его реальные уровни. Вторая может быть поставлена в отношении любого, т. е. как научного, так и вненаучного, знания и является следствием абстрагирования некоторых из нераздельных его моментов. Эмпирическое и теоретическое в отличие от чувственного и рационального не являются абстракциями, выделенными из реального познавательного процесса, а представляют собой действительно различные, хотя и тесно связанные уровни научной деятельности и даже виды научного труда.

В философской литературе нет единого взгляда на характер различий эмпирического и теоретического. Эмпирическое и теоретическое различают по объекту, по способу движения мысли независимо от объекта, по языку, на котором формулируются результаты деятельности, по процедуре получения знания. Отмечая сложности экспли-

---

[1] См. работы А. Ф. Зотова, Э. В. Ильенкова, В. И. Кузнецова, М. С. Козловой, В. А. Лекторского, Е. А. Мамчур, А. И. Ракитова, В. С. Степина, В. С. Швырева, Э. М. Чудинова и др.

кации понятий эмпирического и теоретического, большинство исследователей сходятся в том, что эмпирический объект имеет непосредственного референта в объективной реальности, т. е. что он наблюдаем или может быть реконструирован как наблюдаемый (в исторической науке) в объективной реальности, в ходе «живого созерцания» или эксперимента. Теоретический объект является идеальным, вырабатываемым в ходе теоретического познания, что позволяет относительно самостоятельно оперировать с ним в научной деятельности [2].

В естествознании сложность различения эмпирического и теоретического обусловлена преобладанием научно-эмпирического и вытеснением обыденно-эмпирического. Когда здесь встает вопрос о соотношении эмпирического и теоретического, сразу же отсекается целый пласт вненаучных представлений, наблюдений. Начиная с классического естествознания (XVII в.) обыденный опыт не выступает в качестве эмпирического фундамента науки. Эмпирическое предстает в естествознании как уровень научного знания, его компонент. Оно получено в результате опыта, но опыта, как правило, не непосредственного, а логически обработанного и теоретически осмысленного. В силу этого различение эмпирического факта и теоретического конструкта является весьма сложной задачей. Методологическим принципом такого различения является то, что в факте тем или иным образом представлены объективные процессы, тогда как теоретические объекты могут не иметь объективных референтов в действительности.

Поскольку эмпирический результат дан в виде факта, постольку понятие факта является ведущим для уяснения особенностей эмпирического уровня познания. Стоящие на позициях наивного реализма исследователи рассматривают факт как событие, объективное явление. В настоящее время принято считать, что факт не событие, а его адекватное отражение в мышлении, т. е. элементарная истина, в которой достигается отражение некоторого объективного события с помощью концептуальной или теоретической схемы. «Факт как элемент научного знания должен обладать атрибутивными признаками научного знания. Он должен быть объективной истиной, обоснованной средствами науки, системно взаимосвязанным

---

[2] См.: *Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.

с научным знанием, выражен языком науки»[3]. Хотя в последнее время активно изучается социально-культурная детерминация развития естественных наук, тем не менее преобладает мнение, что она сказывается скорее на стиле мышления, его логике, чем на эмпирическом содержании науки, которое как бы «закрыто» от вненаучного контекста. По этой причине взгляд на эмпирическое как на полученное в непосредственном наблюдении оказывается проблематичным. Кроме того, в методологии современной физики остро стоит проблема наглядности в отношении внеклассических объектов и процессов в микромире.

Критерий непосредственной наблюдаемости, так легко позволявший отличать эмпирическое от теоретического на ранних стадиях развития естествознания, не анализировался специально в отношении обществознания. Определенные исследования по этому вопросу имеются в методологии исторической науки, но как раз потому, что принцип наблюдаемости применим здесь лишь условно: события прошлого нельзя повторить, увидеть. Они реконструируются из источников на таком, однако, уровне конкретности, что их можно себе представить. Затруднение, с которым сталкивается здесь историческая наука, лишь частный случай тех проблем, которые возникают в связи с попыткой применить критерий наглядности для выделения эмпирического в обществознании. Напомним, что спецификой объекта обществознания является его субъект-объектная природа, практический характер. Обществознание изучает не вещи, не свойства, а такие отношения и деятельность, которые нельзя «увидеть своими глазами». Например, сращивание банковского капитала с промышленным — эмпирический факт, а не продукт теории (хотя и может быть теоретически осмыслен, предсказан), но никто не видел его «своими глазами». Проблема наглядности эмпирического в обществознании, таким образом, весьма близка к той постановке, в которой она предстает в современном естествознании.

В методологии науки все чаще делается следующий вывод: «То обстоятельство, что результаты наблюдений фиксируют не только объективное положение дел, но включают и субъективную активность исследователя, и выработанные ранее теоретические представления, и не-

---

[3] *Мартынович С. Ф.* Факты науки и его детерминация. Саратов, 1983. С. 32.

которые взгляды, являющиеся компонентами не самой системы знания, а более широкого интеллектуального фона, дает основание утверждать, что эмпирические данные нельзя идентифицировать с уровнем наблюдения в научном познании»[4]. Вывод о том, что эмпирическое не всегда может быть дано непосредственно и наглядно, оказался предметом субъективно-идеалистических спекуляций, релятивистской и агностической интерпретации возможностей познания. Вместе с тем он подорвал позитивистские индуктивистско-фундаменталистские схемы, предполагавшие сводимость всех теоретических суждений к эмпирическим.

Целью исследователя-марксиста в этих условиях является последовательное проведение диалектико-материалистических принципов познания, которое предполагает не отрицание очевидных изменений в науке, связанных с усложнением ее теоретического уровня, а необходимость дать новую интерпретацию краеугольному принципу марксистской гносеологии об ощущении как источнике всякого познания, и прежде всего познания эмпирического.

Отмеченное в начале параграфа несовпадение и, более того, различие проблем «чувственное—рациональное», «эмпирическое—теоретическое» не должны заслонить и их связи. Представление о движении от чувственного к рациональному в познании играет регулятивную роль. По словам В. И. Ленина, познание идет «от живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике*...»[5]. Многие авторы, отмечая продуктивность разделения проблем «чувственное—рациональное» и «эмпирическое—теоретическое», указывают в то же время, что «исключение из гносеологического анализа целого пласта — чувственного познания — угрожает данному разделу исследований ослаблением его фундамента, без которого затруднительно понимание и „верхних этажей“, базирующихся на чувственно-наглядных формах знаний и в преобразованном виде включающих их в себя»[6].

Методологически значимым в этом отношении представляется нам произведенное В. А. Лекторским разделение абсолютно-непосредственного знания, данного в чувственном опыте, в ощущениях, и относительно-непосред-

---

4 *Воскресенский А. К.* Генезис и развитие проблемы соотношения эмпирического и теоретического уровней в научном познании: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983. С. 7—8.

5 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 152—153.

6 Диалектика познания. Компоненты. Аспекты. Уровни. Л., 1983. С. 56.

ственного, которое, «хотя и опосредовано в строгом смысле слова (языком, категориями познания и т. д.), может считаться непосредственным, так как содержание входящих в него понятий не зависит от других понятий данной науки»[7]. Очевидно, что относительно-непосредственное присуще уже уровню обыденного познания, ибо здесь ощущения предстают как интерпретированные в терминах обыденного языка. Полагаем, что в направлении, сделанном В. А. Лекторским, можно совершить дальнейший шаг и характеризовать как эмпирическое также то знание, которое, будучи опосредствованным категориями познания, понятиями некоторой исходной теории, не содержит понятий объясняющей его теории. Иначе: одна теория участвует в формировании эмпирического уровня, другая — в его объяснении. По отношению ко второй теории события, описанные первой теорией, выступают тоже как относительно-непосредственные, если можно так сказать, «еще более» относительно-непосредственные. В тех случаях, когда эмпирические данные выступают результатом предшествующей теоретической работы, для их объяснения нужна другая теория. В случае теоретических альтернатив эмпирическое выступает как один из критериев выбора теории.

Как видим, принцип наглядности, непосредственности, данности в «живом созерцании», легко объяснявший происхождение эмпирического и позволявший отделить его от теоретического, сохраняет свою регулятивную методологическую роль, хотя и видоизменяется, усложняется, приобретает бо́льшую степень относительности. Очевидно, что иначе и не может быть, коль скоро познание есть движение от явлений к сущности, от сущности менее общего к сущности более общего порядка. Эмпирическое не может быть однозначно охарактеризовано как относящееся к явлению. В ряде случаев (которых становится все больше и больше по мере проникновения познания в глубь объекта) оно представляет собой характеристику уже познанной сущности. В этом случае важнейшей чертой эмпирического, отличающей его от теоретического, является уже не непосредственная наблюдаемость представленных в нем процессов, а объективный характер этих процессов: «...факты науки, точнее, объекты, о которых говорят факты, должны удовлетворять критерию

---

[7] *Лекторский В. А.* Единство эмпирического и теоретического в научном познании//Проблемы научного метода. М., 1964. С. 98.

объективного существования»[8]. Теоретическое познание «должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях...»[9], а тем самым вскрыть эти стороны процессов на более глубоком уровне.

При этом происходит одновременно как обогащение, расширение, углубление эмпирического фундамента науки, так и постоянное совершенствование, развитие, углубление «теоретического мира»[10]. Поэтому наряду с таким критерием разделения эмпирического и теоретического, как относительная непосредственность первого, существует другой, совпадающий с указанным различением способа движения по объекту: разделение эмпирического и теоретического как двух видов деятельности — деятельности по применению (эмпирическое) и деятельности по совершенствованию концептуальных форм (теоретическое). Как отмечает В. С. Швырев, «с точки зрения методологического анализа специфики познавательной деятельности, лежащей в основании теоретического и эмпирического исследования, общий признак первого можно связать с направленностью теоретического исследования на совершенствование и развитие концептуальных средств науки, на построение „теоретического мира", а общий признак второго — с направленностью на установление связей концептуального аппарата науки с реальностью, выявляемой в наблюдении и эксперименте»[11]. Воспроизводя разные уровни проявления реального объекта, эмпирическое и теоретическое только вместе, в диалектическом взаимодействии способствуют осуществлению наукой своей познавательной задачи отражения объективного мира. Важным выводом из этого положения является то, что научное познание не может быть представлено только эмпирическим или только теоретическим уровнем. Единство принципов отражения и деятельности в познании представлено в значительной мере через раскрытие соотношения эмпирического и теоретического.

§ 2. Эмпирическое — теоретическое в обществознании

Особенностью социального знания является его неразрывная связь с обыденно-практическими формами освоения действительности, а его целью — не просто получение

---

[8] *Мартынович С. Ф.* Указ. соч. С. 35.
[9] *Ленин В. И.* Полн. ссбр. соч. Т. 29. С. 193.
[10] *Швырев В. С.* Указ. соч. С. 248.
[11] Там же. С. 250.

объективного знания о деятельности людей, но и изменение этой деятельности, в том числе на уровне обыденной практики.

В силу непосредственной связи научного обществознания с обыденно-практическими и духовно-практическими формами освоения действительности «теоретический мир» также может иметь своих референтов в реальности. Например, теория общественно-экономических формаций выступает как итог идеализаций и гносеологического абстрагирования, а не является эмпирическим описанием исторического процесса. Но общественно-экономическая формация равно принадлежит и теоретическому и объективному миру. В первом она — инструмент для типологизации обществ и периодизации истории, во втором — сущность общества определенного типа и стадия истории человечества.

Понятие теоретического в обществознании имеет в виду связи последнего с практической жизнью, подразумевает учет существенных противоположностей, которые лишь частично значимы для естествознания на эмпирическом уровне: теоретическое и практическое; теоретическое и обыденное[12]; теоретическое и историческое; теоретическое и индивидуальное. Исследование содержания этих противоположностей имеет важное значение для выводов о специфике эмпирического уровня обществознания.

Теоретическое и практическое проявляются в естественных науках в техническом использовании теоретического знания для решения уже имеющихся производственных задач или (в условиях НТР) в технологическом применении фундаментальных теорий, в ходе которого открываются новые виды производства (атомная энергетика, заводы органического синтеза и т. д.). В обществознании связь теоретического и практического раскрывается в социально-преобразующей деятельности, в том числе и производственной, но взятой с точки зрения ее хозяйственной эффективности, ответа на социальные запросы. Диалектика соотношения теории и практики состоит в том, что, выступая как противоположности, теоретическое и практическое вместе с тем составляют единство, взаимообусловливают друг друга и не могут развиваться одно без другого.

---

[12] Можно было бы выразить эту противоположность как «теоретическое» — «обыденно-практическое» и, шире, «практически-духовное», но более детально они рассмотрены в гл. 5.

В настоящее время, когда ставится задача повысить практическую эффективность обществознания, ясно, что оно недостаточно успешно решает эту задачу в связи с недостаточной разработанностью теории. Так, практическое применение экономических и социологических исследований в существенной мере упирается в необходимость развития теорий изучаемой в этих науках реальности. С другой стороны, нередки случаи, когда имеющиеся теории не находят эффективного применения.

При отрыве теории от практики не учитывается то обстоятельство, что теории в общественных науках вскрывают существенные связи и отношения самой практической деятельности людей. Оторванная от практики теория не получает импульсов развития, должной проверки своих выводов. С другой стороны, постоянно нацеленная на достижение непосредственной практической результативности теория ограничивает себя уже существующими рамками практики, в то время как тенденции современной науки состоят в опережении практики, открытии ее новых горизонтов.

Диалектика отношения теории и практики в обществознании проявляется в противоречивом характере их единства. Эмпирическое по самой своей природе ограничено существующей практикой: объект исследования в обществознании характеризуется определенным уровнем практики или определенным ее фрагментом, теоретическое же построение, исходя из этого уровня практики, преодолевает его, ориентируясь на универсальность практики и ее последующее развитие, открывает возможность новых ее форм. Различие эмпирического и теоретического состоит, таким образом, в том, что эмпирическое формируется в соответствии с данным уровнем и фрагментом практики, а теоретическое выходит за его пределы. Это противоречие разрешается последующим развитием как практики, так и науки.

Связь теории с социальной практикой воплощается прежде всего в области классовой борьбы, революционных преобразований общественной жизни, практического управления обществом, формирования и воспитания личности, поэтому ученый-обществовед должен в первую очередь определить свое отношение к ряду практических реальностей, ибо практика для обществоведа является источником не только обыденно-эмпирического, но и научно-эмпирического.

Важную роль для понимания особенностей эмпирического базиса обществознания, связанного со спецификой его отношения к практике, играет практически-духовное: обыденное сознание, язык, обыденно-практические формы освоения действительности, искусство, мораль и пр. Их противоположность теоретическому не вызывает сомнения. Обыденное сознание, и даже знание, как правило, ассоциативно и фрагментарно, выступает как непосредственно связанный с практической деятельностью продукт (см. подробнее гл. пятую) (хотя может включать и отдельные результаты специализированной деятельности). Однако практическое существует не только в сплаве с обыденным. В основе практической деятельности могут лежать знания не только обыденного либо научного характера, но и функционирующие в системе политического, правового сознания, морали, искусства, религии.

Многие особенности общественной жизнедеятельности находят проявление через их функционирование в обыденном сознании. Существенное место в этом источнике эмпирического для социальных наук занимают объективные видимости обыденного сознания, т. е. такие его образования, которые, будучи объяснены теоретическим мышлением, не могут быть устранены им, а упраздняются только в ходе практической деятельности.

Так, К. Марксом был дан блестящий образец теоретического анализа объективной видимости капиталистических отношений — товарного фетишизма. В этой форме объективной видимости представлено превращенное восприятие отношений между людьми в форме отношений между вещами, а юридических отношений как экономических. Товарный фетишизм выступил для К. Маркса как объект теоретического анализа, представляющий собой такую абстракцию, которая осуществляется реальным процессом производства и может быть изменена лишь изменением способа производства. Эта «реальная абстракция» «вполне может выступать в качестве объективной характеристики реальных явлений, а не только явлений сознания» [13], и именно так она выступает для К. Маркса. Она входит в компонент теоретически исследуемого эмпирического уровня марксистской политэкономии и социологии.

Таким образом, важно отметить, что обыденное, осо-

---

[13] *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. 1960. С. 8.

бенно в тех своих проявлениях, которые характеризуют его как объективную видимость, вплетаясь в эмпирический базис обществознания и будучи противоположным теоретическому, может быть понято только теоретически.

Традиционной противоположностью теоретического, фиксируемой в методологии обществознания, является историческое. Смысл этого противостояния раскрыт подробно в гл. десятой. Он сходен с теми проблемами, которые возникают в плане сравнения теоретического и практического: историческое изменчиво, преходяще, теоретическое схватывает общее, неизменное, существенное.

Противопоставление исторического и теоретического в ряде направлений буржуазной методологии имело решающее значение и привело к разделению наук о природе и наук о культуре, социологических и исторических дисциплин (баденская школа неокантианства). Особенности последних усматривались в наличии индивидуальных, неповторимых событий, методом изучения которых считалось герменевтическое истолкование, понимание. К разряду исторических наук была отнесена не только собственно история, но и все науки о культуре, гуманитарные науки. Реальность противопоставления теории и истории несомненна, но она может быть снята как посредством социально-философского осмысления истории, так и путем интерпретации исторически конкретного в качестве компонента эмпирического слоя специальных общественных наук.

Одной из форм отмеченного выше противоречия является противоречие теоретического и индивидуального. Теоретическое, безусловно, фиксирует то, что имеет возможность повториться. Индивидуальное особенно, неповторимо и уникально и может быть объяснено лишь при наличии определенной связи с общим, как его особенное проявление. Метод индивидуализации активно применяется в общественных науках, но вместе с тем методология, видящая специфику обществознания в его ориентации только на анализ индивидуальных событий, является ошибочной. Преодоление этого противоречия видится в том, что индивидуальные явления могут быть включены в общий объем эмпирических фактов обществознания, а индивидуальное в социальной жизни «сведено» к социальному, как объясняющему его происхождение и функционирование.

Вненаучные факты отображают некоторые события более непосредственным образом в силу их вплетенности

в практическую деятельность. Факты обыденного сознания не предполагают критического осмысления. Для наших целей весьма существенно зафиксировать различие между научным фактом и фактом обыденного, вненаучного знания: «Различение фактов обыденного сознания и фактов науки... состоит не только в том, что научное знание использует сложную процедуру измерения... (и др.— *Авт.*), но и в том, что научное исследование устанавливает концептуальные основания, которые детерминируют саму возможность получения объективных фактов научного знания. Неявно принимаемые предпосылки находятся также и в основании фактов обыденного знания. Но обыденное сознание не обнаруживает их существования. Научное же сознание посредством методологического исследования усматривает эти предпосылки и дает оценку степени объективности фактов науки, а тем самым и фактов обыденного познания» [14].

Мы показали, что в отличие от естествознания, где обыденно-эмпирическое не оказывает прямого влияния на процесс теоретического исследования или, иначе, может оказать его, только превратившись сначала в научно-эмпирическое (интерпретированное уже имеющимися теориями), в общественных науках обыденно-эмпирическое играет роль, вплетаясь в эмпирический базис обществознания. Но даже этот наиболее простой элемент системы эмпирического знания, теоретически ненагруженный, оказался далеко не всегда определяемым путем наблюдения.

Наряду с обыденно-эмпирическим в научном обществознании формируется научно-эмпирическое, получение которого осуществляется двумя путями — посредством обработки уже имеющимися теориями обыденно-эмпирического и посредством нахождения эмпирического как итога теоретической работы. Так, в исторической науке, психологии, конкретно-социологических исследованиях получение научного эмпирического факта является одной из сложнейших теоретических и методологических задач. Работа историка с источниками, в результате которой формируется научно-эмпирический уровень исторической науки, изучается специальной дисциплиной — источниковедением. В психологической науке обыденно-эмпирические факты могут быть интерпретированы различными психологическими теориями и составить в силу этого

---

[14] *Мартынович С. Ф.* Указ соч. С. 46.

несовпадающие ряды научно-эмпирических фактов. Конкретно-социологические исследования имеют целью получить научно-эмпирическую картину состояния общества. Легко видеть, что она не совпадает с обыденно-эмпирической (иначе вообще не было бы необходимости в ней), и ее получение подготавливается серьезной теоретической работой, разработкой методики и техники анализа. Если при выявлении процессов определенной сферы реальности социолог не имеет теоретического объяснения ее сущности или имеет неправильное, полученная им картина может быть менее верной даже в сравнении с обыденно-эмпирической.

§ 3. Эмпирическое — теоретическое в историческом материализме. Уровни теории в обществознании

Наибольшую сложность проблема соотношения эмпирического и теоретического представляет в том случае, когда речь идет не о частных общественных науках, а о ядре системы марксистского обществознания — историческом материализме. Что является эмпирическим фундаментом построения теории исторического материализма? На какую реальную базу опирается философ в своих теоретических выводах относительно общества?

Выше уже было отмечено, что такую основу составляет общественная практика, деятельность людей, однако при этом важно выделить ее составные элементы — те элементарные эмпирические факты, без знания которых нельзя понять и саму практику.

В философской литературе нередко путают эмпирические факты исторического материализма и его теоретические построения. Преодолению этой ошибки, на наш взгляд, способствует работа «Марксистско-ленинская теория исторического процесса» [15], в которой анализ исторического процесса осуществляется как движение от эмпирического к теоретическому. В работе отмечается, что, «обосновывая материалистическое понимание истории, К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули в качестве альтернативы всех философских иллюзий относительно исторического процесса постановку вопроса о его действительных предпосылках, предпосылках, взятых не из головы,

[15] Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., 1981.

а устанавливаемых эмпирическим путем»[16]. К числу таких предпосылок К. Марксом и Ф. Энгельсом относятся «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни...»[17]. В частности, говоря о такой эмпирической данности, как человеческий индивид, К. Маркс и Ф. Энгельс выделяют в нем элементарные составляющие: наличие сознания, коллективность и трудовое отношение. Данные факты были известны еще до К. Маркса и Ф. Энгельса, и было бы ошибкой истолковывать их как теоретические выводы. Первым теоретическим шагом является установление связи между выделенными фактами, в результате которой сознание и коллективность выводятся из трудового отношения и последнее рассматривается как основа деятельности людей, создания ими материальных условий их жизни. При этом сами эти факты переводятся из обыденно-эмпирических в научно-эмпирические.

В «Немецкой идеологии» подчеркивается, что указанные предпосылки должны быть взяты «не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически, процессе развития, протекающем в определенных условиях», что анализ должен исходить из действительных предпосылок, «ни на миг не покидая их»[18]. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что эмпирики, оставаясь только в плоскости этих фактов и выдавая их описания и рационализации за теоретический результат, ограничивают себя наличной действительностью, не выявляют ее тенденций, оказываются на уровне самых бедных и абстрактных умозаключений.

Эмпирическая база исторического материализма постоянно расширяется за счет развития специальных общественных наук, которые не только испытывают на себе влияние социально-философской теории, но и сами влияют на ее развитие. Теории специальных общественных наук предстают в философском анализе как своего рода факты. Например, этнографические данные, положенные Энгельсом в основу своих исследований, были невелики — преимущественно те, которые содержались в книге Дж. Моргана «Древнее общество». Современная этнография располагает несравненно бóльшим объемом данных и теоретических обобщений, внесших существенные изме-

[16] Там же. С. 45.
[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 18.
[18] Там же. С. 25.

нения в развиваемые в рамках социально-философской теории концепции семьи и брака, сохраняя при этом значимость и эвристическую ценность всех методологических позиций Ф. Энгельса. Только теоретическое осмысление фактов, вскрывающее их связь, сущность, способы взаимодействия, законы их отношений и тенденции развития, показывает их действительное движение и в этом смысле адекватно живой и богатой событиями реальной жизни. «Когда изображается этот деятельный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, какой она является у идеалистов»,— пишут К. Маркс и Ф. Энгельс [19]. Поэтому правильный выбор эмпирических фактов весьма существен для адекватности теоретических построений. Так, чтобы понять культуру или общественное сознание, нельзя начать с попыток их эмпирического представления, ибо в своих эмпирических проявлениях они чрезвычайно многообразны и не отделены от остального процесса жизни людей. Рассмотрение их как данных эмпирически чревато опасностью натурализации, утраты их исторических характеристик. Все эти объекты — общество, культура, общественное сознание, будучи реальными и эмпирически проявляющимися, в своей целостности не даны эмпирически и могут быть объяснены на основе построения их теорий в социальной философии. Однако, как отмечают они далее, теоретическое воспроизведение действительности сопряжено с серьезными трудностями. Не рассматривая в данной работе те из них, которые связаны с собственными законами теоретического мышления, с анализом методов построения теории, разработанных позже в «Капитале», здесь указывается лишь на социальный аспект научности философского построения знания об обществе: необходимость «изучения реального жизненного процесса и деятельности индивидов каждой отдельной эпохи», понимание того, что «абстракции... сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности» [20].

Говоря об индивиде, его деятельности как предпосылках истории, классики марксизма-ленинизма вместе с тем отмечают, что они составляют также и ее содержание. Общественная жизнь по существу своему является прак-

---

[19] Там же.
[20] Там же. С. 26.

тической, т. е., изучая общество, мы изучаем деятельность людей, ее законы и то, как меняется сам индивид в ходе этой деятельности. Отсюда теоретическое осмысление общественной жизни имеет не только собственно научное значение, но и мировоззренческое, практическое — это своеобразное отношение к себе, своеобразная форма не только самопознания, но и самосознания.

До сих пор мы почти не употребляли понятие «теория», говоря преимущественно о «теоретическом». Причина состоит в многослойности теоретического уровня науки, где теория выступает наиболее развитым и важным его звеном. В. С. Швырев в уже упомянутой работе убедительно показал, что теоретическая деятельность в науке может осуществляться *на разных уровнях*. Так, в обществознании можно выделить такие формы концептуализации (движения к теории), как эмпирическое обобщение, объяснение ad hoc (к случаю), объяснение процессов с помощью определенной картины мира, типологизация и, наконец, теория. На наш взгляд, понятие теории в обществознании часто применяется в широком смысле, т. е. не уточняется характер теоретизирования, а следовательно, и возможности дальнейшего движения к углублению теоретического понимания. Нередко может вводить в заблуждение форма теории, в которой представлен материал. В псевдотеоретической форме могут быть даны и самые банальные наблюдения, и рационализации обыденных представлений.

Существенным признаком, отличающим эмпирическое от теоретического, является особенность практического функционирования знаний этого уровня. Как отмечено выше, эмпирическое знание позволяет решать задачи в рамках уже сложившейся практики, теоретическое же расширяет ее возможности и открывает новые ее виды.

Только научное теоретическое мышление позволяет увидеть действительность в ее подлинных тенденциях, но движение к теоретическому уровню знания предполагает наличие эмпирического уровня науки. Зависимость науки от практики приводит к тому, что на разных уровнях развития практики наука принимает специфическую форму. В частности, теоретическая форма научного познания обязана своим происхождением такому развитию практики, которое потребовало выявления общего, существенного, повторяющегося. В естествознании это соответствовало формированию капиталистического производства со всеми его отличиями от ремесленных форм изго-

товления продукта, в обществознании — потребностям массовых социальных движений, соответствующих периоду буржуазных революций и в особенности социалистических революций и построения социализма, стремлениям научно обосновать и организовать общественную жизнь. На этом уровне практики теоретическое познание создает наиболее адекватные возможности для совпадения знаний о мире с деятельностью по его преобразованию. Выявление сущности процессов, доступное лишь научному теоретическому познанию, позволяет найти такие ориентиры человеческой деятельности, которые бы не приводили к принципиальным расхождениям цели и результата, а способствовали бы совпадению изменений обстоятельств и человеческой деятельности[21]. В этом случае происходят качественные изменения в самой практике, которые делают ее не просто сферой реализации идей в ходе социальной деятельности, а такого их осуществления, которое соответствует действительным потребностям передового класса. Практика, следовательно, выступает как цель познания. В практике — производственной и общественно-исторической — находит реальное (предметное или социально-историческое) воплощение то, что в теории дано идеально. Именно поэтому практика может выступить в качестве критерия истинности теории.

В силу сказанного требование, предъявляемое обществом к философской науке, решительно повернуть лицом к практике предполагает развитие как эмпирического, так и теоретического уровня научного обществознания. Пренебрежение фактами ведет к неверным теоретическим выводам, недостатки в теоретических разработках замыкают ученого в рамках наличных фактов, не позволяют принять участие в совершенствовании общественной практики. Вместе с тем взаимодействие теории и практики не определяется только наличием теории. Необходима определенная зрелость практики, ее готовность к применению теории.

Иным выражением требования единства эмпирического и теоретического в обществознании выступает требование единства индивидуального и социального. Способом анализа индивидуального является сведение его к социальному. Этот принцип, ключевой для марксистской методологии познания индивидов и индивидуальных истори-

---

[21] См.: *Иванов Б. Н.* Проблема практики в философии. Курск, 1974.

ческих и социальных явлений, не отрицает необходимости анализа индивидуального, а показывает, как оно может быть изучено — путем теоретическим, путем раскрытия стоящей за эмпирической реальностью индивидуального социальной сущности. Поэтому хотелось бы подчеркнуть важность точки зрения тех авторов, которые считают, что «диалектическое единство индивидуального и социального (предполагающее единство эмпирического и теоретического.— *Авт.*) — один из важнейших принципов в концепции материалистического понимания истории» [22].

Другой методологический вывод состоит в том, что гносеологические проблемы в обществознании, как это видно на примере соотношения индивидуального и социального, имеют связь с языком реальной жизни, и методолог должен уметь увидеть за этим языком научное содержание, равно как за научным содержанием живую жизнь.

[22] Диалектика познания. Компоненты. Аспекты. Уровни. С. 36.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СООТНОШЕНИЕ ОБЫДЕННОГО И НАУЧНОГО УРОВНЕЙ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

Связь научного обществознания с вненаучными формами освоения социальной действительности следует отнести к числу специфических характеристик социального познания. Особенностью социального познания является его существование как в научных, так и во вненаучных формах знания, что обусловлено его тесной связью с общественной практикой, охватывающей все формы духовного освоения мира без исключения [1]. Представляется, что наибольшую значимость здесь имеет изучение связи научного социального познания с обыденным сознанием, являющимся непосредственным регулятором повседнев-

[1] См.: Методологические проблемы обществознания. Киев, 1980. С. 56—57; *Швырев В. С.* К проблеме специфики социального познания//Вопр. философии. 1972. № 3; *Бойченко И. В.* Методологическая роль исторического материализма в анализе форм социального знания. Киев, 1982; *Филатов В. П.* Мировоззрение и научное познание: проблемы взаимоотношения//Материалистическая диалектика — методология естественных, общественных и технических наук. М., 1983; Диалектика познания. Компоненты. Аспекты. Уровни. С. 70—100.

ной жизни человека, обеспечивающим его практическую деятельность.

Как известно, обществознание имеет дело со специфическим объектом, который существует, поскольку существуют сознательно действующие люди, осуществляющие процесс общественно-исторического развития. Обыденное сознание не только входит в объект социального познания, но и вступает в специфические взаимодействия с научным обществознанием, границы и механизмы которых пока еще недостаточно полно изучены. Нами делается попытка обозначить линии связи обыденного и научно-теоретического уровней в обществознании. Без ответа на этот вопрос нельзя выяснить, каким образом возможно научное познание общества при условии связи его с вненаучными формами освоения социальной действительности.

§ 1. Генезис проблемы

Связи и взаимодействия научного познания и обыденного сознания нельзя свести к подчиненности первого второму или наоборот. Совершенно очевидно, что обыденное сознание, являющееся неспециализированным видом сознания и регулятором повседневной жизни людей, не способно обеспечить функционирование общественной практики как целого. Именно в этом коренится не вполне преодоленная традиция интерпретации обыденного сознания как совокупности стихийно сформировавшихся в границах житейских ситуаций представлений и, стало быть, ограниченных восприятием явлений без проникновения в их сущность [2].

Историческая ретроспектива поможет понять, почему и в каких конкретно-исторических условиях возникает проблема «обществознание как наука и обыденное сознание», что, в свою очередь, потребует исследования обыденного сознания не только с точки зрения уровня и способа отражения в нем общественного бытия, но и с точки зрения анализа его как атрибута социальных систем деятельности, взятых в историческом развитии, а также определения его места и функций в деятельности этих систем.

---

[2] Об историко-философской традиции осмысления обыденного сознания см.: *Кузьмина Т. А.* Философия и обыденное сознание//Философия и ценностные формы сознания. М., 1976. С. 191—243.

На ранних ступенях развития общества сознание было «вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей» [3]. Оно представляло собой некое синкретическое образование и, будучи неотделено от предметно-практической деятельности людей, формировало идеальный план этой деятельности, причем индивидуальные и общественные цели выступали нераздельно. В процессе общественного разделения труда, когда материальная и духовная деятельность закрепились за различными социальными группами, произошло «раздвоение» сознания на обыденное, вплетенное в практическую деятельность индивидов и являющееся компонентом их повседневной жизни, и сознание, которое специально вырабатывается агентами духовного производства как особыми группами людей. В процессе исторического развития обыденное сознание обрело определенную целостность, сформировало собственные (преимущественно традиционные) механизмы функционирования. В то же время с момента возникновения специализированных форм духовной деятельности обыденное сознание нельзя считать развивающимся и функционирующим абсолютно стихийно. С одной стороны, теория и идеология находятся в определенной зависимости от сознания, непосредственно складывающегося в социальных структурах. С другой — духовное производство организует обыденное сознание, вносит в него идеологические и теоретические начала, выработанные на уровне целенаправленного производства идей. Взаимодействие духовного производства и обыденного сознания не носит жесткого характера, речь идет скорее о флюктуациях, «взаимопереливах», что обусловлено сложным составом и «синкретизмом» обыденного сознания.

Следует учитывать, что до поры до времени обыденное сознание (наряду с другими вненаучными познавательными формами) до некоторой степени удовлетворяло нужды общественно-исторической практики. С развитием же общественного производства происшедшая дифференциация сфер общественной жизни и форм общественного сознания и появившаяся в связи с этим потребность в иных (по сравнению с обыденным сознанием) средствах

---

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 24.

и механизмах регулирования деятельности общества привели к рождению социальной науки, развитие которой связано с тем, что социальная практика уже не обеспечивалась существовавшими вненаучными формами сознания. Можно вполне определенно обозначить момент возникновения объективной потребности в развитии общественных наук. Это период разрушения локальных социальных связей и традиционного образа жизни, вытеснения личных связей вещными, что сопровождает процесс универсализации общественного производства в условиях формирования капитализма.

Содержания обыденного сознания самоочевидны для его субъекта, но чрезвычайно трудны для научного анализа в силу их противоречивости. С одной стороны, обыденное сознание отличается большой силой инерции, с другой — обладает удивительной подвижностью, которая обусловливает фиксацию новых жизненных явлений, новых социальных тенденций. Возможность объединения таких разнонаправленных характеристик (и соответственно сложность и многоуровневость взаимосвязи обыденного сознания и познавательной деятельности в ее теоретических формах) связана с определяющей особенностью обыденного сознания — его непосредственной вплетенностью в практическую деятельность людей. Будучи «спаяно» с практическим субъектом, обыденное сознание несет в себе память об осуществлении (или неосуществлении) прежних целей и содержит информацию, обеспечивающую непосредственную ориентацию деятельности социального индивида в процессе практического выбора решений.

При этом нельзя забывать, что в таком сознании фиксируются не только «сиюминутные» события, но и длительно действующие коллективные представления о мире, всеобщие смыслы деятельности, ее нормативные схемы. Эти, по словам Э. В. Ильенкова, «ритуально-узаконенные схемы деятельности во всех ее сферах»[4] складываются в процессе общественного производства людьми своей жизни. Они принимают надындивидуальный характер и воспринимаются субъектом как данность. В отличие от научного мышления обобщение здесь осуществляется не в форме отчужденной всеобщности, но в процессе практической реализации деятельности социального индивида.

---

[4] *Ильенков Э. В.* Проблема идеального//Вопр. философии. 1979. № 6. С. 138.

С одной стороны, оно является носителем и хранителем сложившихся социально-культурных норм деятельности, с другой — именно при анализе обыденного сознания можно «схватить» и момент творчества этих норм.

Содержание и форма обыденного сознания определяются конкретно-историческим содержанием практики, неотделимым от характера общественных отношений и социально-классовой структуры общества, а также от господствующего типа культуры. Социально-классовый пласт в обыденном сознании включает представления о материальных (экономических) общественных отношениях, как они стихийно складываются в процессе материально-производственной деятельности людей. Такие представления могут и не отражать социальную реальность адекватно, причем степень соответствия действительности зависит от типа общественных отношений, от положения класса в обществе. Другой пласт в обыденном сознании — культурно-исторический, тесно связанный с первым, но отличающийся по характеру действия. Речь идет о длительно действующих культурных схемах (формализмах) [5], характеризующих сознание эпохи во всех его видах и формах. Здесь складывается так называемая «культурно-историческая онтология сознания», определяющая скрытый за предметным содержанием план действий сознания, фиксируемый прежде всего в обыденном языке [6]. Понятно, что в реальном обыденном сознании данные «пласты» переплетены, но в целях более адекватного анализа взаимодействия обыденного сознания и научного познания целесообразно их разделять.

Каким же образом осуществляется взаимодействие научного познания с обыденным сознанием в обществознании, которое имеет дело со специфическим объектом — процессами и результатами жизнедеятельности людей, обладающих сознанием и волей и вкладывающих в собственную деятельность определенные смыслы?

---

[5] См.: *Мамардашвили М. К.* Формы и содержание мышления: (К критике гегелевского учения о формах мышления). М., 1968. С. 56—57.

[6] См. об этом, напр.: *Лой А. Н.* Феномен понимания и культурно-историческая онтология сознания//Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982. С. 211.

§ 2. Социально-классовые установки обыденного сознания и научное обществознание

Связи социального познания с обыденным сознанием отличаются большой сложностью и многообразием и могут быть как прямыми, так и опосредствованными. Следует сразу же отметить, что на первый план в названном взаимодействии выходит социально-классовый пласт обыденного сознания. Рассмотрение этой проблемы связано здесь с кардинальной проблемой социального познания — вопросом об условиях получения истинного знания об общественных процессах и закономерностях при условии тесных связей его с вненаучными способами овладения действительностью. Утвердившееся положение, что объективно-истинное знание об обществе может дать лишь наука, требует разъяснения и конкретно-исторического анализа. Ведь, например, экономическая теория, как она сложилась в буржуазной политэкономии, обладая, казалось бы, всеми признаками научности — системностью, методологической рефлексией предпосылок, соответствующей исследовательской установкой и пр., лишь частично отражает подлинную природу общественных связей капитализма [7].

Как известно, рассматривая различные формы ненаучной идеологии, К. Маркс предлагал различать преднамеренную защиту интересов господствующего класса, противоречащую не только развитию человека, но и развитию производства ради производства, и формы познания, неполнота которых обусловлена соответствующим уровнем развития практики и типом общественных отношений. В числе факторов, ограничивающих возможности познания, следует учитывать и воздействие объективной видимости общественных отношений, складывающейся в обыденном сознании и играющей значительную роль в фор-

---

[7] В то же время в текстах классиков марксизма построения буржуазных теоретиков подвергаются иногда критике с позиций «здравого смысла» пролетариата, вообще трудящихся масс. Так, например, в «Святом семействе» К. Маркс и Ф. Энгельс, критикуя младогегельянство за полный отрыв теории от практики и попытки разрешить реальные противоречия исключительно в сфере духа, противопоставляют их взглядам мышление рабочих, которые «не думают, что можно «*чистым мышлением*», при помощи одних только рассуждений, избавиться от своих хозяев и от своего собственного практического унижения. Они очень болезненно ощущают *различие* между *бытием* и *мышлением*, между *сознанием* и *жизнью*» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 58).

мировании идеологий, которые, в свою очередь, оказывают влияние на содержание социальной теории. Такие объективно ограниченные формы познания и представлены классической буржуазной политэкономией, использующей в качестве предпосылок исследования представления, сформировавшиеся в обыденном сознании агентов капиталистического общественного производства.

В «Капитале» К. Маркс показал, что условием функционирования капиталистического производства является наличие у его агентов определенных представлений об экономических отношениях и о самих себе как субъектах этих отношений. К числу таких представлений относится, во-первых, убеждение, что каждый индивид является независимым товаровладельцем, и, во-вторых, иллюзия, что отношения людей порождаются отношениями вещей. Отношения людей, как показал К. Маркс, в процессе общественного производства преломляются в связях обмена, в движении вещей с той же неотвратимостью, с какой происходит преломление луча в водной среде. Отдельному индивиду этот мир превращенных форм дан в силу его объективного положения в системе общественных отношений. Представления непосредственных участников общественного производства соответствуют наличной видимости экономических отношений и осознаются как необходимые условия их деятельности. Потребность в постоянном воспроизведении этой «наличной видимости» выступает как одно из условий существования субъекта в условиях буржуазного общества. Кроме того, «вера», фиксирующая реальные факты вне их действительной связи, оказывается существенно необходимой предпосылкой функционирования капиталистического общественного производства как системы для самого производства капитала. В этой связи истолкование явления товарного фетишизма как только воспроизведения социальной практики капитализма представляется упрощенным. К. Маркс подчеркивал, что такие иллюзии, составляющие одну из сущностных черт буржуазного обыденного сознания, закономерно порождаются капиталистическими общественными отношениями, причем товарный фетишизм не устраняется и тогда, когда социальная наука открыла закон стоимости. «Вещная видимость общественного характера труда» продолжает сохраняться «для людей, захваченных отношениями товарного производства» [8], до тех пор, пока

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 84.

существуют сами эти отношения. Идея предопределенности «всеобщих заблуждений», их обусловленности объективной видимостью общественных отношений высказывалась и в «Тезисах о Фейербахе», где отмечалось, что мистерии, уводящие теорию в мистицизм, могут быть рационально разрешены только на основе обращения к общественной практике.

Обыденные представления об общественных отношениях, скрывающие их истинное содержание и смысл, являются основой идеологии как одной из форм освоения социальной реальности. Донаучные идеологии предстают в этом случае как вторичные образования, прикрывающие своими систематизациями первичные предметности сознания. Нужно понять внутренние «зависимости идеологической мысли от свойств той объективной видимости, тех квазипредметов, которые образовались в структурных механизмах социальных систем, в самопроизвольном, стихийно-автоматическом сознании... этих систем,— пишет М. К. Мамардашвили.— Тогда оказывается, что идеология лишь выводит из некоторого единого принципа, систематически объясняет и делает теоретически возможным то, что уже существует как предмет сознания» [9].

Рассмотрение вопроса об идеологиях как рационализациях обыденного сознания неотделимо в марксизме от анализа возможности получения научного, объективно-истинного знания об общественных процессах. В плане обсуждения путей достижения объективной истины в социальном познании большое методологическое значение имеет марксов анализ причин отказа от понятия «стоимость» в буржуазной политической экономии. Причину того, что практическое воплощение стоимости в товаре остается незамеченным, К. Маркс видит в том, что стоимость является не просто следствием личной потребности, но выражением общественных отношений. Объективная видимость этих отношений, фиксированная в обыденном сознании и рационализированная идеологией, может воспрепятствовать их адекватному истолкованию. Неэквивалентность обмена в отдельных актах служит причиной того, что на уровне обыденного сознания аргументация теоретиков, отказывающихся от понятия «стоимость», оказывается неопровержимой. Но именно к такой аргументации и обращалась буржуазная вульгарная политэко-

---

[9] *Мамардашвили М. К.* К вопросу о материалистической схеме анализа сознания: (По работам К. Маркса)//Социальная природа познания. М., 1973. Вып. 1. С. 34.

номия, абсолютизировавшая видимость связей производства и переводящая на научный язык обыденные представления (см. также гл. четвертую). Вульгарная политэкономия представляет собой пример ненаучного обществознания, ибо является совокупностью концептуально связанных представлений, но не выдерживает проверки общественно-исторической практикой, т. е. обладает лишь формальными признаками науки[10]. Формирование социальной науки, способной не только в потенции, но и реально получить объективно-истинное знание об обществе, связывалось классиками марксизма с переходом социального теоретика на позиции практически действующего субъекта, воплощающего в своей деятельности объективные тенденции социально-исторического процесса, его объективный результат и потенции дальнейшего развития. Именно на этом основании оказывается возможным противопоставление обыденного мышления пролетариата, отражающего его конкретно-историческое бытие, буржуазной науке. Хотя, естественно, подобное противопоставление является лишь предпосылкой, толчком к дальнейшему научному исследованию.

Такой подход прямо противоположен буржуазным концепциям роли и места обыденного сознания в познании, представленным, в частности, субъективистской ориентацией в методологии социального познания (феноменологически ориентированная социология, ряд разновидностей социологии знания). Так, субъективистская социальная теория исходит будто бы из совершенно верной посылки, что научное изучение общественных явлений должно обязательно учитывать субъективный опыт участников социальных процессов, и ставит весьма важную и значимую цель — построить социальную теорию, которая бы не игнорировала сознательный характер деятельности человека. Однако, сводя вслед за Э. Гуссерлем практический характер деятельности человека к «практике сознания», ее последователи не смогли выйти за рамки трактовки общества как интерсубъективного феномена. Социокультурный мир как объект познания при-

[10] Этот и другие вопросы, касающиеся связи буржуазной экономической теории и общественной практики капитализма, рассматриваются подробно в работах: *Старк Г. В.* Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости» Карла Маркса. Ростов н/Д, 1976; *Безчеревных Э. В.* Проблема преодоления иллюзий и заблуждений на пути к научному знанию и ее решение в «Капитале»//«Капитал» Маркса, философия и современность. М., 1968. С. 265—283.

равнивается ими фактически к содержанию обыденных сознаний участников социального взаимодействия, а социальное знание интерпретируется как то, что знают члены общества. Принятая онтология требовала от социальных феноменологов соответствующей методологии исследования общественных явлений. Основным методологическим требованием является, по их мнению, соотнесение понятий науки с содержанием обыденного сознания членов общества. Решение вопроса о том, что значит социальный мир для теоретика, требует предварительного ответа на вопрос, что он значит для самого «деятеля». Это подразумевает, с их точки зрения, необходимость изучения генезиса тех значений, которые общественные явления имеют для членов общества, а также тех механизмов, посредством которых эти значения формируются и фиксируются в обыденном сознании. Социальные феноменологи вслед за А. Щюцем пришли к выводу, что примирение «объективной» и «субъективной» точек зрения на социальное знание не просто невозможно, но является источником реальной опасности искажений в процессе познания. Лишь обращение к субъективной точке зрения якобы гарантирует, что подлинная социальная реальность не окажется замещенной миром, сконструированным социальным теоретиком и не соответствующим действительности [11].

Таким образом, по мнению представителей названного направления, исходным пунктом исследования общества должно быть обыденное знание, которым человек пользуется в процессе каждодневной деятельности, и именно это определяет специфику объекта и метода социально-гуманитарного познания по сравнению с естественнонаучным. Так как события, происходящие в мире, предварительно интерпретированы их участниками, понятия и категории обществознания не могут быть не чем иным, как конструктами второго порядка, надстраивающимися над конструктами обыденного сознания.

Рассматриваемый подход, претендующий на преодоление объективистских устремлений позитивистской традиции и стремящийся утвердить единство социальных и когнитивных критериев в обществознании, практически сводит знание о субъективной деятельности человека к знанию о субъективных значениях, формирующихся в

[11] См.: *Schutz A.* On Phenomenology and Social Relations. Chicago; London, 1970; Новые направления в социологической теории. М., 1978.

индивидуальных обыденных сознаниях. Объективное познание результатов практической деятельности человека, не зависящих от его сознания, подменяется пониманием смыслов этой деятельности, а методология социального познания сводится к изучению формальных свойств жизненного процесса. Последнее же служит важной, но не предельной задачей научного социального познания.

В марксизме рассмотрение проблемы соотношения научно-теоретического социального познания и обыденного сознания связано с решением вопроса об основаниях объективного социального познания, т. е. с кардинальной проблемой познания общественных явлений. Марксистско-ленинская теория познания включает анализ реального субъекта деятельности как часть и одну из целей научного исследования и учитывает при анализе общественных процессов как уровень развития практики, так и степень овладения реальностью этим субъектом. Как известно, В. И. Ленин, применявший этот подход к анализу форм мышления, пришел к методологическому требованию: «...надо взять во внимание и общие посылки бытия *конкретного субъекта* (=*жизнь человека*) в объективной обстановке»[12]. Только рассматривая обыденное сознание как элемент практической деятельности человека, в процессе которой происходит развитие производительных сил и складываются общественные отношения, можно определить его место и функции в познании, его «участие» в познавательном процессе в его научных и вненаучных формах. И здесь следует всегда иметь в виду, что, как бы ни был важен методологический анализ познавательных процессов, знание «техники познания» не заменяет сущностного анализа общественно-исторического процесса, его закономерностей и результатов, включая конкретно-исторический анализ социальной организации форм производства сознания, определяющих своеобразие структур познания.

§ 3. Познавательно-опосредствующая функция обыденного сознания

Связи обыденного сознания и познавательной деятельности выявляются как при историко-генетическом анализе познания (донаучный, преднаучный, научный этапы), так и при исследовании уже ставшего, сложившегося познания

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 184.

в его научных формах. Познавательно-опосредствующая функция обыденного сознания реализуется по-разному. К числу важнейших способов ее осуществления относится ее детерминированность социально-культурными предпосылками познания, т. е. речь идет об изучении наличных социально-культурных средств, без которых невозможно вообще осуществление познавательного процесса. Анализ этих средств требует определения места обыденного сознания в механизме культурно-исторической детерминации теоретического познания. Такой анализ является одним из аспектов изучения одновременно ограничивающего и стимулирующего воздействия практики в ее конкретно-историческом воплощении на познавательную деятельность и может содействовать более глубокому пониманию процесса формирования знания, в частности более конкретно исследовать роль социально-культурных предпосылок в регулировании научно-познавательной деятельности, понять, как специфические особенности общества и культуры в ту или иную эпоху преломляются в познавательных целях, идеалах, нормах, а также способствуют творчеству новых норм и идеалов.

Введение обыденного сознания в качестве опосредствующего звена при социокультурном анализе познавательной деятельности позволяет, на наш взгляд, избежать вульгарного социологизма в анализе, связывающего напрямую социальные запросы с результатами познания [13].

Обыденное сознание является предпосылкой освоения действительности во всех его видах [14]. Воплощенные в культурно-историческом пласте обыденного сознания, предпосылки познания «работают» как в общественных, так и в естественных науках. Однако в естественнонаучном познании эта культурная онтология, как правило, не явно выражена, не входит в объект исследования и вы-

---

[13] В плане выполнения этих задач большой интерес представляют попытки проследить ограничивающее воздействие на познание моделей воображения, складывающихся в процессе повседневной жизни, фиксируемых в обыденном языке и несущих в себе исторически изменчивые характеристики культуры. См., напр.: *Юдин Б. Г.* Методологическая и социокультурная определенность научного знания//Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981; *Гачев Г. Д.* О возможном содействии гуманитарных наук развитию естественных//Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М., 1981.

[14] См.: *Кукушкина Е. И.* Познание, язык, культура. М., 1984. С. 69—71.

является только при специальном методологическом анализе.

Исследование обыденного сознания позволяет выявить, в частности, так называемые самоочевидные характеристики мира, на основе которых складываются неявные предпосылки исследования как социальных, так и природных процессов. Без учета специфических функций обыденного сознания оказывается неполным анализ формирования целей и направленности познания, ценностных установок исследователя, «образа науки» и т. д. Такой анализ открывает возможность и более адекватного изучения механизмов функционирования готового знания в обществе, например восприятия ценностей науки во вненаучном окружении.

Определение места обыденного сознания в общем процессе социально-культурной детерминации познания связано с изучением исторически изменчивых характеристик субъекта познания, механизмов включения запросов общества в сознании ученого. По словам английского социолога науки М. Малкея, «даже в самых абстрактных областях физики, в неформальных рассуждениях и спорах используется широкий спектр интерпретационных понятий, заимствованных из обыденного рассуждения, причем относящихся не только к физическим объектам, но и к социальным отношениям» [15].

Подход к обыденному сознанию как к неспециализированному, регулирующему повседневную жизнь человека, позволяет постулировать возможность описания и так называемого обыденного сознания научных сообществ, включающего неосознанные, нерефлексированные установки, которые могут влиять на ход научного исследования. К таковым относятся, например, черты социальной организации духовной деятельности в том или ином обществе, влияние которых часто не осознается, но воспринимается как «норма», разделяемая «всеми». Особенно наглядно эти процессы прослеживаются па примере школ в науке на этапе исчерпания той или иной исследовательской программы: обыденные, вненаучные представления захлестывают всю деятельность школы.

Взаимодействие общественных наук с обыденным сознанием отличается большой сложностью и многообразием. Тесная связь социального познания с обыденным сознанием прослеживается прежде всего генетически, когда

---

[15] *Малкей М.* Наука и социология знания. М., 1983. С. 172.

на ранних стадиях развития преднауки формирующая теория, с одной стороны, отправляется от представлений обыденного сознания, а с другой — отграничивается от них. Связь специализированного социального познания с обыденно-практическими формами освоения действительности через использование семантики обыденного языка прослеживается, например, при анализе трудов «отца истории» Геродота. Исследователи фиксируют наличие в его работах особого стиля, который условно называют научным. Этот стиль уже существенным образом отличается от устных фольклорных рассказов, на которые опирался Геродот, создавая свою историю. Исследователь трудов Геродота А. И. Доватур показывает, что новые, «научные» значения социальных терминов и выражений восходят здесь к языку официальных документов. «Деловая проза документов», на которой воспитывались государственные деятели, явилась своего рода посредником между обиходной речью и историографией. «Документ не столько создает, сколько выбирает из живой речи нужные слова, дает им новый смысл, создает официальную терминологию, которая в свою очередь проникает в обиходную речь, вытесняя слова и выражения, не соответствующие идеологии нового общества» [16]. Понятно, что в случае «деловой прозы» заимствования производились из обыденного языка правящих слоев античного рабовладельческого общества. В своих писаниях Геродот широко пользовался новеллами, жившими в устном предании, в том числе и теми, которые были вначале бытовыми и лишь затем приобрели исторический характер. Однако в отличие от бытовой исторической новеллы историческая новелла у Геродота обязательно сопровождается объяснением и анализом и тем, что условно можно назвать «учеными примечаниями». Кроме того, направляющей линией Геродотовой «Истории» является исследовательский интерес, т. е. уже на самых ранних этапах развития специализированных форм социального познания складываются черты, которые характерны и для зрелой науки.

Этот тип связи социального познания с обыденным сознанием прослеживается на всех исторических этапах развития социального познания. Так, политэкономические понятия «прибыль», «рента», «процент», «цена труда», фиксирующие новые формы практически-производствен-

---

[16] *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 64.

ной деятельности, возникают первоначально в обыденном языке. Лишь затем они подвергаются теоретическому анализу у А. Смита и Д. Рикардо, сама же проблема стоимости обретает подлинно научную постановку и решение у К. Маркса.

Укорененность специализированного социального познания в обыденном мышлении проявляется не только в связях с обыденным языком, к которому восходят значения научных терминов. Речь идет здесь и не о рационализации в теоретических идеологиях представлений, формирующихся в обыденном сознании и таким образом влияющих на содержание социальных теорий (см. гл. третью и четвертую), но о постоянной связи теории с практикой через осмысление новых проблем, сформулированных в первую очередь на уровне обыденного сознания. Постоянное взаимодействие теорий с сознанием, непосредственно складывающимся в социальных структурах, состоит в том, что последнее оказывает формирующее воздействие на определение социально ограниченного предмета мысли теоретика, ставя перед ним цели в виде так называемых «жизненно-практических вопросов». В социальных теориях, с одной стороны, обобщается и осмысливается содержание непосредственного обыденно-практического сознания широких народных масс, а с другой — это сознание само формируется вокруг тех или иных социально значимых идей, произведенных теоретиком [17].

Связь с обыденным сознанием, «схватывающим» социальные сдвиги в первую очередь, прослеживается, например, при обращении к генезису исследовательской установки как неотъемлемой особенности научного мышления. Так, историки науки единодушно отмечают, что деятельность греческих софистов начинает новый этап в развитии научной мысли. «Отличительной особенностью этого этапа является острый интерес к процессу образования научных понятий и методов, стремление не только к получению определенных результатов, но и к их логическому обоснованию, к разработке способов подтверждения этих результатов» [18]. Возникновение этой развитой рефлексии сознания нельзя связывать исключительно с внутринаучными процессами. Изменение структур сознания, оказывающее влияние и на развитие науки, исходит

[17] См.: Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981. С. 250—252.

[18] *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки. М., 1980. С. 114.

из глубинных сфер жизни социального организма. В рамках «Греческого просвещения» реальной основой изменений, стимулирующих развитие методологического сознания, являлось сосуществование двух основных нормативных стандартов мышления — мифологии как стиля мышления аристократии и более аналитического стиля мышления городского ремесленничества. Два мира смысловых значений отразили опыт разных социальных групп. Методологические устремления софистов в определенном смысле воплощали то, что чувствовал и ощущал каждый член греческого общества.

Связь первичных предметностей сознания, воплощающих черты культуры и общества, с характерными для той или иной эпохи познавательными формами можно проиллюстрировать и на примере идеи «гносеологической робинзонады», на которой основывались теории познания XVII—XVIII вв. Эта исторически необходимая для того времени абстракция служила для осмысления путей познания. Она подразумевает представление о науке как о рациональной способности отдельных индивидов, взгляд на научное познание как на продукт деятельности суверенного в своем мышлении индивида. Она не порождена самой философией, но, напротив, проникла в нее из обыденного сознания и определенным образом коррелирована с идеей «робинзонады», которая является воплощением индивидуалистической фикции становящегося общества свободной конкуренции.

Данная связь имеет место и в современных общественных науках. Так, предмету психологии свойственна необычайная близость к естественному предмету обыденного сознания — повседневной жизни человека. «Поэтому в психологии роль здравого смысла — совокупности общепринятых, часто неосознаваемых способов объяснения явлений внешнего мира — оказывается иной, чем, скажем, в физике» [19]. Выявление содержания обыденного сознания людей входит в задачу конкретной социологии [20].

Это позволяет выявить один из механизмов трансформации практики в предмет теоретического социального познания. Перед социальными науками, имеющими дело со специфическим объектом — социально-преобразующей

---

[19] *Эткинд М. А.* Обыденное сознание и психологическая теория// Социальная детерминация познания. Тарту, 1982. С. 226.

[20] См.: *Бади Б. Ш., Малинкин А. Н.* Уровни «практического сознания» и стиль жизни: Проблема интерпретации ответов респондента//Социол. исслед. 1982. № 3.

деятельностью человека, задача введения новых социальных проблем в теорию возникает постоянно.

До сих пор мы рассматривали лишь одну сторону взаимодействия обыденного и научно-теоретического уровней в социальном познании, а именно влияние первого на второе как один из аспектов формирующего воздействия практики на социальную теорию. Но анализ этот будет заведомо неполным без учета второй его стороны — воздействия на обыденное сознание научного обществознания. Рассматривая специфику общественных наук, мы не можем не отметить такую их отличительную черту, как постоянный «диалог» с обыденным сознанием. Слово «диалог» подразумевает наличие некой сознательной коммуникации, стремление науки выйти на уровень обыденного сознания. Результаты социального познания, осуществляемого в научных, донаучных и вненаучных формах, всегда использовались как в процессе социального регулирования и управления, так и в целях направленного формирования сознания человека. Это тем более касается современного общества, в котором социальное функционирование немыслимо без использования результатов общественных наук, служащих теоретическим основанием практического преобразования общества.

В процессе практического использования научной теории постоянно возникает необходимость перевода теоретических положений на «язык обыденного сознания». Выполнение этой задачи принимает разные формы в зависимости от типа общественной системы, в рамках которой она осуществляется. Так, например, в условиях буржуазного общества на стадии государственно-монополистического развития социальное знание активно используется в процессе организации и функционирования институционализированной системы манипулирования сознанием масс. Система эта выполняет жизненно важную для современного капитализма функцию: в ее рамках «производится» человек, обладающий характеристиками сознания, необходимыми для консервации буржуазных общественных отношений. Использование последних достижений социальной теории сочетается здесь с опорой на самые «ретроградные» и реакционные особенности обыденного сознания масс.

Иные формы обретает процесс взаимодействия научного обществознания, марксистско-ленинской философии и обыденного сознания в условиях коммунистического строительства. Следует иметь в виду, что социалистиче-

ское общественное сознание зарождается уже в недрах капитализма как теория, как наука о законах общественно-исторического развития. Переход от капитализма к социализму осуществляется не только как результат разрешения внутренних противоречий буржуазного общества, но и как сознательная практическая реализация марксистско-ленинской теории общественно-исторического процесса, кладущая начало социалистическим преобразованиям. Обыденное социалистическое сознание, совпадающее в своем содержании с научным, в условиях капитализма возникнуть практически не может. Как показано классиками марксизма, в процессе функционирования капиталистического общественного производства возникает лишь стихийный протест против порядков буржуазного общества. Но политические настроения и стихийные движения пролетариата и трудящихся масс, не порождая научно-теоретического сознания, дают почву для пропаганды и усвоения последнего. Однако решение задачи усвоения теории массами и превращения ее в материальную силу, в руководство революционно-преобразующей деятельностью людей требует выхода науки на уровень общественно-политической идеологии и пропаганды [21]. Проблема «приспособления» теории к обыденному сознанию масс, а также формирования у масс потребности в теории как ориентире практики встает не только в переходный период от капитализма к социализму, но и на этапе строительства социализма [22].

Вопрос о соотношении научного обществознания и обыденного сознания масс решается не однозначно, но требует рассмотрения сложного диалектического процесса взаимодействия познавательной и практической целеполагающей сторон общественного сознания. В условиях социализма существенно возрастает роль сознательной стороны общественно-исторического процесса, а научное планирование становится основой целеполагающей деятельности общественных индивидов, коллективов, классов и масс. Построение нового общества немыслимо без

---

[21] См., напр.: *Ленин В. И.* Полн собр. соч. Т. 5. С. 15; Т. 6. С. 48 и др.

[22] Эти проблемы стали предметом пристального внимания исследователей. См., напр.: *Шахзадеян М. А.* Обыденное сознание: Методологические проблемы исследования повседневного практического сознания масс. Ереван, 1984; *Черняк В. А., Талипов К. Т.* Диалектика теоретического и обыденного сознания. Алма-Ата, 1985; и др.

сознательной деятельности широких народных масс, вооруженных подлинно научным марксистско-ленинским мировоззрением. В условиях социализма последнее содержит всевозрастающую долю научных знаний и представлений о социальном и природном мире. Научное мировоззрение, служащее посредствующим звеном между научно-теоретическим социальным познанием и обыденным миросозерцанием, имеет тенденцию к превращению в условиях социализма в ядро обыденного сознания масс. Однако факт увеличения доли научных знаний в нем не свидетельствует о возможности полного совпадения научного и обыденного сознания. Обыденное сознание, «притом и тогда, когда оно использует научные знания и опирается на них, в конечном счете имеет своей целью решение реальной практической задачи, реальное преобразование конкретной ситуации» [23].

Основой изменений обыденного сознания при социализме является складывание новых, социалистических общественных отношений, обобщение нового практического опыта масс, преображенного в сознательное мироощущение. Научный анализ обыденного сознания позволяет понять, какие элементы обыденного сознания при социализме порождены практикой социалистического общества, а какие унаследованы от общественного сознания предшествующих типов общества, т. е. являются рудиментами. Причем в первом случае речь должна идти не только о свойствах обыденного сознания, которые порождены реальным обобществлением общественных отношений (что требует от человека развития способности к сознательному социальному творчеству), но и о тех его «несовершенствах», которые обусловлены практикой социализма как неполного коммунизма. В частности, тем, что материальное производство остается пока частично механизированным, сохраняющим малоквалифицированный труд, что не преодолены окончательно существенные различия между городом и деревней. Эти процессы создают основу для существования различных стилей жизни, различных «субкультур» и соответственно разных практических миросозерцаний, не всегда совпадающих с нашими представлениями о коммунистическом мировоззрении, например вещизма и потребительства, которые еще недавно характеризовались как пережитки капитализма. «Лишь в

---

[23] *Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978. С. 277.

самые последние годы мы ушли от привычки сваливать наши проблемы на пережитки в сознании людей. Говоря о том, что нам многого удалось добиться, мы обязаны помнить, что превращение „моего“ в „наше“ длительный многоплановый процесс, который не следует упрощать»[24]. Сказанное не означает, что существуют некие фатальные ограничения возможности восприятия обыденным сознанием марксистско-ленинской теории, что невозможно преодоление этой ограниченности, невозможно сознательное следование коммунистическому идеалу в повседневной жизни.

Громадную роль в выполнении задач формирования и воспитания социалистической сознательности играют процессы научного управления в сфере политики, идеологии, культуры. Главная цель управляющего воздействия — приближение сознания масс к идеалу, соответствующему нормам и ценностям социалистического общества. Практической базой успеха этой деятельности является превращение человека в подлинного субъекта общественного производства, осуществляемое уже на первой фазе развития коммунистической общественно-экономической формации. В то же время никак нельзя рассчитывать, что практика способна целиком направить и «скорректировать» обыденное сознание человека, привести его в соответствие с общественными потребностями. С превращением общественно-исторического процесса в сознательно-планомерный роль научного социального знания неуклонно возрастает. Практика социалистического строительства не может обеспечиваться одним обыденным сознанием. Общественные науки не только воздействуют на практику через деятельность социальных институтов, но и способствуют формированию научного мировоззрения трудящихся, содействуют выработке умения ориентироваться в социальной обстановке, давать ее верную оценку, принимать правильные решения. Результаты познания законов общественного развития помогают субъекту истории действовать сознательно, в соответствии с этими законами. «Рост социальных знаний трудящихся в целом следует рассматривать... как необходимый момент в подготовке субъективных условий процесса сознательного творчества истории»[25].

---

[24] *Смирнов Г. Л.* За решительный поворот философских исследований к социальной практике//Вопр. философии. 1983. № 9. С. 15.

[25] Социализм и наука. М., 1981. С. 290.

Вопрос о соотношении теории и обыденного сознания является одним из аспектов проблемы соотношения теории и практики. Главным условием их сближения является не доведение сознания всех членов общества до уровня научности, но изменения в практике общества, превращение человека в цель общественного производства. В этом случае сущность общественных связей и отношений станет равно открытой как для ученого, стремящегося к познанию законов и закономерностей общественной жизни, так и для практического субъекта, «носителя обыденного сознания», ибо и ограниченный сегмент общественной практики будет нести в себе универсальность общественных связей. Но и тогда постижение социальной общественной сущности будет происходить в разных формах — в рефлектирующих формах науки и в формах сознательной практически-преобразующей деятельности.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИСТИНА И ЗАБЛУЖДЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

Теория истины до сравнительно недавнего времени разрабатывалась преимущественно в общефилософском плане. Материалом для анализа и философских обобщений служил главным образом процесс познания природы. Исследование процесса познания общественных явлений происходило со значительным отставанием, что приводило, во-первых, к недопониманию роли социального аспекта в общефилософской теории истины и, во-вторых, к игнорированию тех моментов, без которых невозможно раскрыть процесс постижения истины в ходе познания общественной жизни.

В ряде работ, посвященных специфике познания общества, содержатся разделы, где данная проблема в той или иной степени освещается[1]. В данной главе мы по-

---

[1] См., напр.: *Живкович Л.* Теория социального отражения. М., 1969; Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972; Ленинская теория отражения и современная наука. София, 1973. Т. 2; *Старк Г. В.* Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости» Карла Маркса. Ростов н/Д, 1976; Социальная природа познания. М., 1979; *Рихтаржик К.* Социология на путях

пытаемся выделить лишь некоторые вопросы, относящиеся к теории истины в социальном познании, которые, по нашему мнению, имеют принципиальное значение для понимания специфических особенностей этой теории по сравнению с общефилософской: а) объективность истины в социальном познании и объективная ценность знания, получаемого обществознанием; б) процесс постижения объективной истины: диалектика относительного и абсолютного в истине, истина и заблуждение в структуре знания об обществе; в) конкретность истины в социальном познании; г) общественно-историческая практика и истина.

§ 1. Объективные основания социального познания

В истории развития философско-социологической мысли наблюдалась устойчивая тенденция в направлении поиска объективного основания человеческих знаний об обществе. Такая тенденция особенно отчетливо проявилась у представителей немецкой классической философии. Однако ни «мировой план истории» (И. Г. Фихте), ни «нравственный закон» (И. Кант), ни «народный дух» (Г. Гегель) как объективные основания исторического процесса не могли обеспечить переход социально-философского знания в разряд подлинной науки. Только открытия в обществознании, сделанные К. Марксом и Ф. Энгельсом, позволили превратить социологию в подлинную науку, выводы которой имеют значение объективной истины.

Для обоснования достижимости объективной истинности знаний об обществе решающую роль сыграло открытие материалистического понимания истории. Это открытие привело к заключению, что не только природа является объективной реальностью по отношению к сознанию общества, но и в обществе имеется такая сторона, которая также может рассматриваться как объективная реальность по отношению к общественному сознанию.

Одним из величайших открытий К. Маркса явилось обоснование того факта, что в процессе материального

познания. М., 1981; *Могильницкий Б. Г.* Объективность исторического познания и современность//Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1977. Вып. 10; *Гиндев П.* Философия и социальное познание. М., 1977; *Ракитов А. И.* Историческое познание. М., 1982; Диалектика и практика. М., 1984.

производства люди создают не только продукты труда как потребительные стоимости, но и систему материальных общественных отношений. В письме П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. К. Маркс писал: не велика заслуга понять такие мелочи, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, гораздо важнее понять, «что люди сообразно своим производительным силам производят также *общественные отношения*, при которых они производят сукно и холст» [2].

Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве, по мысли В. И. Ленина, сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что меняют этим общественное бытие [3], т. е. систему производственных отношений, составляющих его основное содержание.

Высшая задача человечества, движущегося по пути овладения объективно-истинными знаниями об обществе, состоит в том, чтобы охватить «объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить *к ней* свое общественное сознание...» [4]. В этом состоит основной принцип овладения объективной истиной, но к нему не сводится весь процесс адекватного отражения общества как объекта познания во всей его сложности, ибо общество не редуцируется только к общественному бытию, но имеет сложную структуру. Вместе с тем для объективного анализа общественной жизни важно понять объективно реальную и определяющую ее сторону — производственные отношения. Именно эта сторона объясняет, насколько эффективно может функционировать данный общественный организм, поскольку производственные отношения, с одной стороны, являются формой развития производительных сил, а с другой — определяют всю систему надстроечных (идеологических) отношений, учреждений и форм общественного сознания. От того, насколько производственные отношения соответствуют производительным силам, а политическая, юридическая, этическая и тому подобные части надстройки адекват-

---

[2] *Маркс К., Энгельс* Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 408.
[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 345.
[4] Там же.

но выражают экономические потребности развития общества, зависит эффективность функционирования всей общественной системы. С этим связано и истинное понимание данной общественной организации. Кроме того, поскольку общественное бытие является объектом общественно-исторической практики, постольку степень прогрессивности ее воздействия на него выступает критерием истинности знаний, получивших практическое воплощение.

Для рассмотрения нашей проблемы огромное теоретико-методологическое значение имеет анализ приемов получения объективно верного знания об обществе, которые использовались классиками марксизма-ленинизма. Они включают: во-первых, вычленение материальных, экономических отношений, как объективной и определяющей основы общественной жизни, в их зависимости от уровня развития производительных сил; во-вторых, обнаружение повторяемости в истории, коренящейся в формах собственности на орудия и средства производства, что позволило дать объективную классификацию общественных порядков и конкретно-исторически подойти к познанию общества; в-третьих, способы сведения индивидуального к социальным источникам, т. е. деятельности отдельных индивидов к взаимодействию больших групп людей, различие положения и интересов которых в обществе имеет объективное основание; в-четвертых, объяснение всех надстроечных явлений через их материальную основу, иначе говоря, сведение всех сторон общественной жизни к их материальным источникам и выведение надстроечных явлений из последних. Только при соблюдении этих приемов возможно получение объективно-истинных знаний об обществе.

§ 2. Диалектика познания объективной истины

Известно, что в марксистско-ленинской теории познания истина рассматривается как процесс постепенного углубления научных знаний, раскрывающийся диалектикой относительного и абсолютного. Неполное, но объективно верное знание о действительности или ее отдельных сторонах определяется как относительная истина, тогда как исчерпывающее знание определяется как истина абсолютная. Движение к исчерпывающему знанию о действительности посредством накопления относительных истин составляет содержание процесса познания.

Познание общественной жизни означает приращение знаний не только путем более глубокого проникновения в объект исследования, но и за счет сравнительно быстрого изменения этого объекта. Так, например, положения марксистской теории о законах домонополистической стадии развития капитализма, о характере развертывания социалистической революции отличаются от законов капитализма на империалистической стадии. По-иному выглядит и теория социалистической революции в новых исторических условиях. Точно так же обстоит дело с новыми выводами, относящимися к реальному социализму. Когда социализм вступил в развитую фазу, появились новые выводы, имеющие значение объективной истины, такие, например, как вывод о длительности этой стадии, характеризующейся развитием социализма на своей собственной основе.

Познание объективной истины нельзя представлять как прямолинейный процесс, развертывающийся только по пути углубления и приращения достоверного знания. Человеческому познанию сопутствуют и отклонения от истины, именуемые заблуждениями. В соответствии с диалектикой истина и заблуждение рассматриваются как противоположности, неразрывно связанные между собой и органически вплетающиеся в структуру знания, в том числе и научного. Вместе с тем ошибочно было бы полагать, что заблуждение входит в структуру относительной истины, поскольку относительная истина есть объективно верное, хотя и неполное знание, тогда как заблуждение есть извращенное отражение предмета познания. Именно потому, что последнее неадекватно отражает действительность, оно не является объективной истиной любой степени полноты.

Соотношение истины и заблуждения в социальном познании соответствует его общефилософскому пониманию, но имеет и свою специфику. К таковой относится, например, утверждение, что заблуждения в социальном познании по сравнению с познанием естественнонаучным имеют более глубокие корни, глубже уходящие в природу общественных отношений [5]. Причем заблуждение может иметь как тотальный характер, касающийся основных мировоззренческих установок, так и частный, когда неадекватно раскрываются лишь отдельные фрагменты, стороны действительности или этапы развития социаль-

[5] См.: Диалектика и практика; *Ракитов А. И.* Указ. соч.

ной реальности. Всеобщий характер, касающийся основных мировоззренческих установок, заблуждения приобретают в идеологии, понимаемой как извращенное сознание. Такого рода идеология подвергалась в свое время критике К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Л. Живкович и Й. Элез, обобщая работы основоположников марксизма, выделяют основные признаки «извращенного сознания». К ним относятся, во-первых, неосознанность материальной обусловленности мышления; во-вторых, иллюзия независимости общественного сознания от действительности; в-третьих, «перевернутое» изображение отношений между идеями и действительностью [6]. Перечисленные черты, по существу, являются признаками идеалистического мировоззрения, идеалистического понимания общественной жизни. Именно поэтому в первую очередь идеология и рассматривалась основоположниками марксизма как извращенное сознание, т. е. такое, в основе которого лежат ложные принципы. Вместе с тем идеологию в таком ее значении нельзя понимать только как заблуждение. А. И. Ракитов по этому поводу справедливо отмечает, что «ни одна идеологическая система не могла бы играть заметной социальной роли, если бы она представляла собой сплошной клубок заблуждений» [7]. За идеологически извращенным знанием может порой скрываться истина концептуального или частного характера. Так, основоположники марксизма-ленинизма обращали внимание на высказывавшиеся догадки, близкие к материалистическому пониманию истории, диалектическому пониманию общественной жизни.

Г. А. Курсанов отмечал, что, хотя подлинно научное мировоззрение начинается вместе с марксизмом, неверно было бы отрицать наличие ряда идей и положений, имеющих объективно верное, научное в своей основе значение, раскрытых крупнейшими мыслителями прошлого. Достаточно вспомнить французских материалистов XVIII в., историков эпохи Реставрации, социалистов-утопистов XIX в., которые высказывали догадки, подготавливающие материалистическое понимание истории: о роли социальной среды в жизни общества, о путях формирования сознания, моральных норм и т. п. [8] Истинным может быть и эмпирический материал, факты, на кото-

---

[6] См.: Диалектика и практика. С. 265; *Живкович Л.* Указ. соч. С. 434.

[7] *Ракитов А. И.* Указ соч. С. 87.

[8] См.: *Курсанов Г. А.* Ленинская теория истины и кризис буржуазных воззрений. М., 1971. С. 142.

рых базируются выводы. Такого рода частные выводы, нередко ложные, могут иметь и истинный характер при определенных исторических условиях.

Вопрос о соотношении истины и идеологии активно исследуется и широко комментируется представителями современной буржуазной философии. Существо их воззрений сводится к тому, что истина и идеология абсолютно противопоставляются друг другу и идеология всегда рассматривается только как ложное сознание. Истина объявляется ими как исключительное достояние науки, идеология же всегда связывается с сознательным или бессознательным искажением действительного положения дел, поскольку в последней выражен субъективный классовый интерес и, следовательно, знание об обществе зависит от характера позиции, занимаемой исследователем. Но определение буржуазными философами и социологами идеологии во всех случаях только как ложного сознания на том основании, что в ней всегда присутствует классовый интерес и соответствующая позиция исследователя, само является ложным. Дело в том, что идеология, будучи классовым сознанием, лишь при определенных условиях становится ложным сознанием.

Можно назвать по крайней мере два основных момента, порождающие идеологию, извращенно отражающую действительность. Первый момент — это «неистинность» самого общественного бытия, конфликт в способе производства, классовые антагонизмы, противоположность умственного и физического труда и т. д. Второй — историческая ограниченность классов, неизбежность превращения прогрессивных в конкретных исторических условиях классов в реакционные (за исключением пролетариата) по мере изменения этих исторических условий.

В монографии «Диалектика и практика» подчеркивается мысль К. Маркса, что общество, нуждающееся в превратном миропонимании, таковое и порождает. И наоборот, устранение иллюзорных представлений из сознания людей невозможно без изменения условий, порождающих такие представления [9]. Однако это не означает, что в рамках «неистинного» бытия не может возникнуть истинная, научная идеология. Извращенное сознание формируется тогда, когда «неистинное» бытие принимают за истинное.

Мы согласны с положением, высказанным авторами

[9] См.: Диалектика и практика. С. 280.

упомянутой монографии, что социальное заблуждение имеет исторически преходящий характер[10], хотя, на наш взгляд, оно бесспорно только с определенными оговорками. Анализируя класс идеологических заблуждений[11], авторы вместе с тем почти ничего не говорят о заблуждениях, которые не связаны непосредственно с идеалистически извращенным сознанием и могут появляться как в рамках ненаучной идеологии, так сопутствовать и научной идеологии. Речь идет о заблуждениях неконцептуального характера, появляющихся в процессе применения теории в ходе практической деятельности. Хотя, например, с ликвидацией антагонистического общества исчезают социальные условия для идеологии как теоретической концепции, базирующейся на ложных исходных принципах, тем не менее сохраняются гносеологические причины заблуждения, как следствие сложности познавательного процесса. Останется возможность логических ошибок. Такого рода заблуждения будут носить частный характер.

Заблуждения, имеющие частный, неконцептуальный характер, могут быть результатом одностороннего подхода к решению определенной социальной проблемы, применения истинной теории к социальной ситуации, которая не охватывается данной теорией, иначе говоря, вследствие распространения теории за границы ее применимости. Так, например, теорию капитализма нельзя применять к познанию феодального или социалистического общества. По отношению к указанным общественным порядкам теория окажется неистинной.

Для социалистического общества, где качественно изменяется влияние субъективного фактора на развитие народного хозяйства, общественных отношений, к ошибочным решениям может привести недостаточный учет конкретной ситуации. Ошибки могут состоять в попытках провести преждевременные социальные преобразования, которые на самом деле могут лишь затормозить поступательное прогрессивное движение.

Вопрос о соотношении истины и заблуждения необходимо рассмотреть также в связи с критикой релятивизма как субъективно-идеалистической теории истины. Его

---

[10] См.: Там же.

[11] См.: Там же. С. 285. Авторы обоснованно абстрагируются от заблуждений субъективно-психологического характера, поскольку это специальная проблема, не являющаяся центральной для философского анализа.

суть состоит в том, что отрицается объективная истина, а следовательно, объективное содержание результатов человеческого познания. Релятивизм признает только относительную истину, которая определяется иначе, чем в марксистско-ленинской философии, а именно как такое знание, которое на определенном историческом этапе принимается за истину большинством человечества, если речь идет о мировоззренческих проблемах или выводах, доступных обыденному разуму, или большинством ученых, если речь идет о выводах науки. Следовательно, каждый конкретно-исторический этап развития сознания общества, с их точки зрения, располагает своим набором истин. Заблуждение также определяется только субъективными основаниями и связано с нарушением логических правил в процессе формирования знания.

При таком подходе нет объективного критерия различения истины и заблуждения. Например, как оценить геоцентрическую систему мира, признававшуюся на определенном этапе за истину большинством человечества? Или положение о неделимости атома, признававшееся как истинное в определенных исторических условиях всеми учеными? Или господствовавшие в политэкономии концепции физиократов и меркантилистов? С позиции релятивистов — это истинное знание для соответствующего этапа развития человеческой истории. Для марксистско-ленинской гносеологии, признающей объективность истины, это не так: если какое-то знание неадекватно отражает действительность, оно не истинно. Просто большинство людей или все человечество, большинство ученых или все ученые принимали заблуждение за истину, что удалось обнаружить на новом уровне развития наблюдения, эксперимента, производственной и общественно-исторической практики.

В истории общества не являлись редкостью эпохи и конкретные ситуации, когда заблуждение принималось за истину большей частью человечества. Массовое сознание десятилетиями и столетиями принимало заблуждение за истину не только по причине непрозорливости или непросвещенности народа, но также под влиянием идеологического и политического давления господствующего класса. Это обстоятельство особенно важно учитывать в обществознании, которое непосредственно связано с пониманием сущности общественной жизни, характера ее функционирования, противоречий, закономерностей и тенденций развития. В антагонистическом обществе гос-

подствующий класс, исходя из собственных интересов, используя все имеющиеся в его распоряжении средства, стремится к порождению и сохранению в массовом сознании заблуждений относительно истинного положения дел. Достаточно вспомнить, что на протяжении всей истории антагонистических обществ господствовала идеология как форма «извращенного сознания», подчиняя себе все другие формы общественного сознания, что наиболее остро проявлялось в форме религиозного сознания.

Нечто подобное наблюдается в современном буржуазном обществе, когда все формы идеологического давления, опирающиеся на средства массовой информации, обращены на обоснование иллюзий справедливости и вечности буржуазного строя.

Из сказанного следует, что процесс познания общественной жизни органически связан с конкретно-историческими условиями, зависит от характера общественно-исторической практики. Конкретными социальными условиями определяются возможности поиска истины, да и сама объективная истина не абстрактна, а носит конкретно-исторический характер.

§ 3. Исторический характер объективной истины

Развивая положение о конкретно-историческом характере истины в социальном познании, основоположники марксизма подвергли критике вывод о внеисторических «вечных истинах», на фундаментальности которых для социального познания настаивало догматическое направление буржуазных идеологов. О такого рода «вечных истинах» писали Прудон, Дюринг и многие другие. Утверждение ими вечных истин по сути своей было освящением и увековечиванием буржуазных общественных порядков.

Прудон, отмечал К. Маркс, «не утверждает прямо, что *буржуазная жизнь* является для него *вечной истиной*. Он утверждает это косвенно, обожествляя категории, которые в форме идей выражают буржуазные отношения» [12]. Буржуазные идеологи не понимают, продолжал К. Маркс, что «буржуазный способ производства есть историческая и преходящая форма, подобно тому как исторической и преходящей была форма феодальная» [13].

В работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс подверг критике

---

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 409.
[13] Там же.

дюрингианские рассуждения о вечных истинах, «окончательных истинах в последней инстанции». Ф. Энгельс показал, что некоторые результаты развития отдельных наук представляют собой вечные истины. Причем если они сравнительно редко встречаются в науках о неживой и живой природе, то еще хуже «обстоит дело с вечными истинами в третьей, исторической, группе наук, изучающей, в их исторической преемственности и современном состоянии, условия жизни людей, общественные отношения, правовые и государственные формы с их идеальной надстройкой в виде философии, религии, искусства и т. д.» [14]. Кто здесь погонится за вечными истинами, продолжал Ф. Энгельс, «тот немногим поживится,— разве только банальностями и общими местами худшего сорта, вроде того, что люди в общем не могут жить не трудясь, что они до сих пор большей частью делились на господствующих и порабощенных, что Наполеон умер 5 мая 1821 г. и т. д.» [15].

Итак, вечные, неизменные результаты познания в общественных науках — это либо очень абстрактные, сравнительно тощие обобщения, а также элементарные исторические факты, которые действительно присутствуют в научном знании, либо это не что иное, как абсолютизация, увековечивание общественных отношений, исторических структур, которые на самом деле носят исторически преходящий характер. Если в первом значении допустимо говорить о вечных истинах, то во втором значении речь идет об иллюзии. За вечную истину в этом случае выдается знание, которое на самом деле является исторически преходящим.

Соглашаясь со сравнительной ограниченностью знаний, которые могут быть отнесены к разряду вечных истин, можно признать, что в подавляющей своей части результаты, достигаемые общественными науками, носят конкретно-исторический характер. Больше того, подлинно научной теории свойственна органическая взаимосвязь ее объективного содержания с конкретно-историческим характером. Но признание только конкретно-исторического характера знаний об обществе в ущерб их объективности открывает прямой путь к релятивизму [16],

---

[14] Там же. Т. 20. С. 90.
[15] Там же.
[16] «Релятивизм, — отмечал В. И. Ленин, — как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, неза-

субъективно-идеалистической философской гносеологической концепции. В связи с этим В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» подверг критике позицию Богданова, «отстаивавшего» принцип историзма в целях опровержения объективной истины. Поскольку последнюю Богданов понимал лишь как организующую форму человеческого опыта, обладающую признаком общезначимости, постольку он сводил истину к чисто субъективному условному знанию, исключающему устойчивые объективные результаты в науке, по существу сводящему на нет преемственность в ее развитии, что ведет к скептицизму, агностицизму, софистике. «Историзм» А. А. Богданова игнорирует основной тезис материалистической гносеологии о соответствии наших знаний объекту, тогда как марксистский историзм органически связан с признанием объективного источника знаний и неуклонного движения человеческого разума к его адекватному постижению.

Основоположники марксизма связывали ценностный аспект познания с приобретением объективно-истинного знания в определенных исторических условиях. Вместе с изменениями в общественной жизни, с появлением противоречий в сфере материального производства, а затем во всей общественной структуре осуществляется коренная переориентация общественного сознания. Происходит переоценка ценностей, которая направляет поиски истины. То, что считалось справедливым и разумным, начинает восприниматься прямо противоположным образом. По-иному, критически осмысливается наличное общественное устройство, рождается другое понимание перспектив общественной эволюции, а вместе с тем потребность в новом теоретическом объяснении общественной жизни.

Изменения общественного сознания в ходе исторического развития, по Ф. Энгельсу, осуществляются таким образом: когда общественный строй является исторически прогрессивным, находится на подъеме, ему воздают должное и хвалу даже те, кто остается в убытке. Когда же он идет к упадку, то наступает критическое его осмысление: «Пробуждающееся понимание того, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, что «разумное стало бессмысленным, благо стало мучением»,— является лишь симптомом

висимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 139).

того, что в методах производства и в формах обмена незаметно произошли такие изменения, которым уже не соответствует общественный строй, скроенный по старым экономическим условиям»[17].

Из этого следует, что новые социальные теории могут формироваться в обстановке изменившихся экономических потребностей, причем глубина и зрелость этих теорий в решающей степени зависят от степени зрелости этих экономических потребностей и появившихся средств для их реализации. От развитости новых экономических потребностей, следовательно, зависит и объективная истинность социальных теорий.

Зависимость истинности теории от степени развитости объекта познания, экономических отношений и экономических потребностей специфична для социального познания. «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать ее существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем больше разрабатывались они в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии»[18].

Само диалектико-материалистическое учение об объективной истине также могло возникнуть лишь в определенных исторических условиях: лишь тогда, когда с развитием капитализма упростились общественные отношения и обнажилось экономическое основание, формирующееся независимо от общественного сознания людей и определяющее все надстроечные элементы общества.

Историческим условием эффективного познания объективной истины явилось появление нового субъекта социального познания — пролетариата и его теоретиков. Последовательная революционность пролетариата освобождает его теоретических представителей от тех ограни-

---

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 210.
[18] Там же. С. 194.

ченностей, которые сопровождали исследования идеологов эксплуататорских классов.

Помимо этого, меняются и социально-классовые условия. В предшествующие капитализму эпохи почти повсюду существовало расчленение общества на различные сословия, которые составляли в совокупности целую лестницу различных общественных положений, затемняющих и вуалирующих сущность классовых противоречий. Эпоха буржуазии отличается от прежних эпох как раз тем, что классовые отношения упростились: буржуазное общество все более раскалывалось на два больших враждебных лагеря, на два противостоящих друг другу класса — буржуазию и пролетариат [19].

Устранение препятствий с пути социального познания основоположники марксизма-ленинизма связывали с революционной общественно-исторической практикой пролетариата. В условиях социализма постепенно исчезают объективные основания для появления «извращенного сознания».

В социалистическом обществе кризисная ситуация, порождаемая антагонистическими противоречиями, перестает быть необходимой предпосылкой, стимулирующей поиски объективной истины. В новых исторических условиях, когда политические революции уступают место социальной эволюции, становится настоятельной потребность в объективном ви́дении общественных отношений. Вместе с тем познание общественной жизни в условиях социализма не застраховано от заблуждений, которые, однако, не приобретают концептуального характера. Истоки возможных ошибок перемещаются в надстроечную сферу. Не преодолеваются также гносеологические корни заблуждений, связанные с реальными трудностями познания общественной жизни.

Новый исторический этап характеризуется тем, что социальное познание в условиях социализма усложняется в силу идеологического противостояния двух мировых систем, в связи с чем необходима решительная борьба за чистоту марксистско-ленинской теории, воплощающей в себе объективно-истинное знание об обществе.

В партийных документах обращается внимание на опасность влияния буржуазной идеологии, определяется важность идеологической борьбы на современном этапе, раскрываются основные задачи, которые должны быть

[19] См.: Там же. Т. 4. С. 425.

решены, чтобы успешно бороться с потоком ложной информации, поступающей из империалистических стран. При этом подчеркивается, что сила идейно-воспитательной работы, как и политики партии в целом,— в ее научной обоснованности, в ее опоре на самую передовую, постоянно развивающуюся теорию [20].

Основоположники марксизма-ленинизма всегда сверяли теорию с теми результатами, к которым она приводит в ходе социально-практической деятельности. Революционную практику пролетариата они рассматривали как основу создания своей теории и как критерий ее истинности. В работе «Государство и революция» В. И. Ленин показал, что К. Маркс развивал теорию на почве обобщения опыта борьбы пролетариата и проверял ее выводы, соотнося с революционной практикой трудящихся масс. Опыт революции 1848 г., Парижской коммуны и т. д. служил тем основанием, из которого они черпали новые теоретические выводы и с которым сверяли их истинность.

В. И. Ленин, развивая дальше марксистскую теорию, соотносил истинность ее выводов с опытом революции в России 1905 г., февральской 1917 г. и Великой Октябрьской социалистической революции. Ленинская теория строительства социализма была органически связана с социально-практической творческой деятельностью трудящихся по созданию нового общества. В. И. Ленин развивал эту теорию, и обобщая практику строительства социализма, и одновременно проверяя на практике правильность теоретических выводов. Так он подходил к оценке теоретических положений, лежащих в основе политической линии, направленной на строительство социализма в 1917—1918 гг., политики «военного коммунизма», «новой экономической политики».

В период разработки второй Программы партии В. И. Ленин сформулировал требования, которые непременно должны быть учтены при ее составлении, то основное и главное, что она должна содержать. Он писал: «Нисколько не преувеличивая, совершенно объективно, не отходя от фактов, мы должны сказать в программе о том, что есть, и о том, что мы сделать собираемся» [21].

Опираясь на эти ленинские требования, КПСС в тесной связи с жизнью развивает марксистско-ленинскую

---

[20] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 163.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 55.

теорию, совершенствует свою программу. В основе развития теории и совершенствования программы лежит поиск знания, объективно верно отражающего общественную жизнь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РОЛЬ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА» В ПОЗНАНИИ ОБЪЕКТИВНЫХ ЗАКОНОВ ОБЩЕСТВА

Как известно, практика в качестве основы, движущей силы познания, критерия истины, определителя того, что нужно общественному субъекту в данное время, пронизывает весь познавательный процесс и органически входит в марксистскую гносеологию. В советской и зарубежной марксистской литературе эти многообразные функции практики в познании раскрыты довольно основательно. Однако при этом главное внимание уделялось всегда рассмотрению гносеологической роли практики на общетеоретическом, так сказать диаматовском, уровне. Подобный анализ очень существен для исследования социального познания и является его необходимой методологической основой. Однако учет специфики социального познания предполагает движение от более абстрактного уровня к уровню более конкретному. Это в полной мере относится и к проблеме практики, ибо для выяснения того, каким образом происходит отражение общественных явлений в сознании субъекта, недостаточно пользоваться общим, нерасчлененным понятием практики. На более конкретном уровне методологически целесообразно расчленить практику на ее реально функционирующие виды, с тем чтобы выявить их взаимодействие и роль в познании.

В нашей литературе утвердилось выделение двух основых видов практики, один из которых направлен на преобразование природы в целях удовлетворения материальных потребностей общества, а другой — на изменение самого общества, его отношений, структур, институтов. Несмотря на то что это разделение прочно вошло не только в научную литературу, но и в учебники, тем не менее в конкретном анализе проблем исторического материализма, в том числе и гносеологических, оно до

сих пор почти не используется, и о практике авторы говорят лишь в ее общем виде[1]. Более того, отсутствует в литературе само обоснование методологической необходимости такого разделения; не исследуются работы основоположников марксизма-ленинизма с точки зрения анализа в них того или иного вида практики.

В данной главе предпринята попытка, во-первых, обосновать методологическую продуктивность конкретизации категории «практика» для исторического материализма и, во-вторых, показать роль общественно-исторической практики в социальном познании.

§ 1. Конкретизация категории «практика» и формирование материалистического понимания истории

Рассмотрение вопроса о практике и ее видах мы не случайно начинаем с краткого анализа процесса формирования марксистской философии. Обращение к истории марксизма даст возможность раскрыть то значение, которое имеет для материалистического понимания истории выделение двух основных видов практики — производственной и общественно-исторической.

---

[1] Из работ 50—70-х годов отметим: *Безчеревных Э. В.* От мысли к действию. М., 1964; *Воронович Б. А.* Философский анализ структуры практики. М., 1972; *Воронович Б. А., Плетников Ю. К.* Категория деятельности в историческом материализме. М., 1975; *Илиади А. Н.* Практическая природа человеческого познания. М., 1962; Практика — критерий истины в науке. М., 1960; *Рожахедьи Т.* Целенаправленный характер человеческой деятельности. Понятие практики//Проблемы марксистско-ленинской философии. М., 1975; *Руткевич М. Н.* Практика — основа познания и критерий истины. М., 1952; *Он же.* Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск. 1970; *Самарская Е. А.* Понятие практики у К. Маркса и современные дискуссии: О диалектике субъективного и объективного в историческом процессе. М., 1977; *Скворцов Л. В.* В. И. Ленин о единстве познания и практики. М., 1961; *Хофман Д.* Марксизм и теория «праксиса». М., 1978; *Ярошевский Т.* Размышления о практике. М., 1976. Та же тенденция продолжается и в работах 80-х годов. Сошлемся в этой связи на интересную книгу Ю. В. Петрова «Практика и историческая наука» (Томск, 1981), а также на содержательную монографию коллектива авторов «Диалектика и практика» (М., 1984). В обеих работах в той или иной мере речь идет о социальном познании. Однако практика при этом анализируется только в общем виде. Исключение составляют работы И. Т. Якушевского: «Практика и ее роль в процессе познания мира» (М., 1961) и «Ленинизм и советология» (М., 1970). Однако они вышли уже давно, и автор, к сожалению, не разрабатывал дальше выдвинутые им идеи.

Важнейшей вехой на пути к материалистическому объяснению общества являются Марксовы «Тезисы о Фейербахе», в которых уже отчетливо выражена одна из центральных идей новой философии — практика, а не теория есть основная форма жизнедеятельности человека; последний относится к миру не созерцательно, а активно, преобразуя его в ходе предметно-чувственной деятельности. Отсюда и принципиально целевая установка новой философии: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [2].

Раскрытие решающей роли практики стало своего рода рычагом переворота, произведенного Марксом в философии. Введение практики в гносеологию и философию вообще позволило Марксу подвергнуть критике спекулятивные принципы и насильственные конструкции, свойственные старой философии истории, и перенести анализ на вполне реальные факторы: людей, их деятельность и условия этой деятельности. Все эти эмпирически воспринимаемые предпосылки человеческой истории могли быть осмыслены только с позиций практики: люди формировались в процессе труда; общественные связи, отношения, конкретно-исторические формы деятельности и условия жизни людей складываются и изменяются в ходе практики.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что Маркс и Энгельс никогда не отождествляли практику с деятельностью вообще, не растворяли в ней все другие виды деятельности общества. Это различение четко прослеживается в «Святом семействе» и «Немецкой идеологии», где большое внимание уделено соотношению теории и практики, а также практике и воспитанию. Может показаться, что этому положению противоречит утверждение Маркса, выдвинутое им в «Тезисах о Фейербахе», где он называет всю общественную жизнь по существу практической [3]. Отсюда как будто бы следует вывод, что в обществе все есть практика. Однако представляется, что в контексте всех работ Маркса и Энгельса этого периода данное положение выглядит иначе. Его смысл состоит в том, что в своей сущности жизнь общества носит практический характер, так как любая форма деятельности, будь то деятельность идеолога, теоретика, воспитателя, пропаган-

---

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 4.
[3] См.: Там же. С. 3.

диста, в конечном счете порождена нуждами практики, служит ей и движется ею. Но определяющая роль практики никогда не абсолютизировалась Марксом и Энгельсом до уровня тотальности, поглощающей все другие формы деятельности.

Более того, начиная с ранних работ, Маркс и Энгельс всегда раскрывали не только связь и взаимодействие, но и противоположность теории и практики. Под этим углом зрения велась критика Фейербаха и младогегельянцев, питавших наивную веру в преобразующую мир силу слова, новой религии, воспитания, теории. В «Святом семействе» и «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс разоблачили эти опасные и вредные иллюзии. Сама по себе теория ничего не может изменить в мире; новые идеи способны вывести лишь за рамки идей старого мира; философия без масс бессильна — в таких и подобных выражениях основоположники марксизма многократно повторяли чрезвычайно важную мысль: сознание, теория не являются той решающей силой, которая преобразует общество. Они только объясняют его и в лучшем случае определяют пути и способы борьбы. Но изменяют мир не они, а материальная сила — практика.

Было бы наивным видеть в такой постановке вопроса какую-то недооценку сознания или усматривать в ней черты сведения практики к простому, бессознательному манипулированию объектами. Творцы новой теории лучше чем кто бы то ни было понимали и умели раскрыть великое значение передовой теоретической мысли и революционного учения. И вместе с тем именно они со всей определенностью раскрыли сущность характера теоретического и практического воздействия: новая теория творит новый мир *идеально*, а *практика* — это способ *материального* воздействия на мир, способ его преобразования. Поэтому смешение их теоретически несостоятельно, а практически опасно, ибо это порождает в обществе вредные иллюзии о возможности его преобразования путем просвещения, пропаганды, морального совершенствования, образования и т. д. Фразы, даже самые миропотрясающие, останутся фразами, пока они не воплотились в практическую деятельность масс. Тогда, и только тогда, идеи становятся революционной силой.

Однако введение практики в философию — это необходимое, но все же недостаточное условие материалистического понимания истории. Дело в том, что саму практику нужно было осмыслить и истолковать материалистически,

т. е. выявить ее объективные основания, ответить на вопрос, что же детерминирует практическую деятельность, ее направленность, ее тенденции. Практика как исходный пункт анализа общества еще не выводит нас за пределы идеализма и не дает научного объяснения общественной жизни, потому что сама она направляется целью и представляет собой перевод субъективных целей в предметно-чувственный результат. И значит, чтобы уйти от субъективизма и неизбежного при этом произвола, следует, как и во всякой науке, найти объективные законы самой практической деятельности. Сложность проблемы состоит в том, что история людей — это история их деятельности, и в первую очередь практической. Она не произвольна, а имеет объективные детерминанты. Однако последние представляют собой не какую-то логическую сетку законов, которая извне определяет деятельность, как это было у Гегеля. Объективные детерминанты практики складываются в ней самой, будучи и ее результатом, и ее предпосылкой.

Но ведь и деятельность, и возникающие в ходе ее отношения чрезычайно разнообразны. Маркс уже в ранних работах выделяет в этом многообразии материальное производство, а в «Немецкой идеологии» отчетливо проводит грань между двумя видами практики — обработкой природы людьми и обработкой людей людьми.

В соответствии со сложившейся у нас традицией первый из видов практики («обработка природы людьми») мы будем называть производственной, а второй («обработка людей людьми») — общественно-исторической деятельностью.

Проведенное Марксом разделение практики на два основных вида создало необходимые теоретические основания для материалистического решения основного вопроса философии применительно к обществу. Прежде всего выделение именно производственной практики и ее анализ позволили найти в обществе, где действуют сознательные существа, объективную основу, независимые от сознания и воли людей отношения, которые складываются не вне и помимо, а в ходе их сознательного воздействия на природу. В производственной практике, так же как и в общественно-исторической, люди действуют, конечно же, сознательно и целенаправленно. Они ставят целью получить больше продукта, улучшить орудия, облегчить труд, сделать его экономичнее и т. д. Однако отношения, в которые они при этом вступают и в рамках которых только

й может совершаться производство, не осознаются ими. Более того, общество даже в лице своих теоретиков долгое время вообще не подозревало об их существовании. Но и тогда, когда наука дает возможность осмыслить существо производственных отношений, их независимость от сознания и воли людей, т. е. их объективность, сохраняется. Люди и в этом случае не могут менять их произвольно, и свобода субъекта состоит не в отказе от законов, а в возможности действия с учетом требований объективных законов.

Что же касается общественно-исторической практики, то она также протекает в исторически сложившихся формах общественных отношений. Однако в отличие от производственных эти отношения складываются, по выражению В. И. Ленина, «проходя предварительно через сознание людей».

Таким образом, мы имеем два вида практической деятельности. Их объединяет то, что составляет существенную особенность практики вообще: они оба являются реально-преобразующим материальным процессом, оба направляются сознанием субъекта. И вместе с тем различие между ними таково, что только его выявление и фиксация позволили прийти к материалистическому пониманию истории. В одном из видов практики складываются отношения объективные, материальные, которые определяются характером и уровнем производительных сил и которые, в свою очередь, определяют общественное сознание, интересы общественных субъектов и тем самым направленность их сознательной общественно-исторической практики. Выделение двух видов практической деятельности создало, таким образом, возможность для научного объяснения деятельности людей в истории. Сознательный, целенаправленный характер этой деятельности имеет под собой объективное основание в виде тех отношений, которые возникают в ходе производственной практики, преобразующей природу. Принцип объективности, начало разработки которого положил немецкий идеализм, был преобразован на базе материализма и получил научную интерпретацию в связи с анализом производственной практики и тех законов, которые присущи материальной сфере общества.

После всего сказанного можно дать в качестве своеобразного вывода более подробное определение производственной и общественно-исторической практики.

Первая — это протекающий в определенных экономи-

ческих формах процесс воздействия на природу, в результате которого субъект при посредстве орудий труда осуществляет изменение объекта в соответствии со своими целями, интересами и потребностями, а также формирует и развивает навыки, знания о свойствах и законах природных и производственных процессов.

Вторая — это деятельность, протекающая в форме идеологических отношений, в ходе которой осуществляется преобразование общественных отношений и учреждений в соответствии с интересами и целями общественного субъекта.

Производственная практика относится к области материального производства; общественно-историческая — к сфере надстроечных явлений.

В реальном общественном процессе оба вида практики неразрывно связаны, подобно тому как связаны и взаимодействуют базис и надстройка, бытие и сознание. Но в теории их необходимо различать, вычленять, потому что только таким образом мысль может отразить и зафиксировать во всеобщем взаимодействии первичные и вторичные срезы, их зависимости и переходы.

§ 2. Роль общественно-исторической практики в познании объективных законов общества

Выделение общественно-исторической деятельности в качестве относительно самостоятельного вида практики имеет весьма важное значение для теории социального познания. Но прежде чем говорить об этом, остановимся вкратце на некоторых общетеоретических посылках марксистской гносеологии, выступающих в роли общих методологических принципов теории социального знания, развиваемой в рамках исторического материализма.

Исходным принципом марксистской теории познания В. И. Ленин считал принцип отражения — «признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове» [4].

Отражение неразрывно связано в марксистской гносеологии с пониманием активной природы субъекта, обусловленной его включенностью в практику конкретного общества, являющуюся основой его познавательного отношения к объекту. К. Маркс показал, что последний дан субъекту не непосредственно, а в тех формах деятельности, которыми располагает конкретно-исторический субъ-

---

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 5.

ект, т. е. в конечном счете общество. Для гносеологического анализа познавательного процесса чрезвычайно важно учитывать неразрывное единство обоих этих принципов и не делать «перекосов» ни в сторону абсолютизации отражения, ни в сторону одностороннего преувеличения активности субъекта. Между тем в ходе конкретного анализа отражение порой отходит на второй план, а активность непомерно гипертрофируется. В результате получается, что субъект познает не мир и его законы, а свои собственные формы деятельности, которые он отождествляет с объектом. На самом деле, хотя процесс познания и опосредован практикой, интересами, потребностями субъекта, последний познает не свою деятельность, а закономерности объективной реальности. В противном случае практика не связывала бы нас с внешним миром, а удаляла бы от него, возводя такой «частокол» форм деятельности, через который не было бы «прорыва» к объективной действительности. И тогда уже нет принципиальной разницы, берем ли мы за исходное ощущения или практику. Подобно тому как, отсекая ощущения от внешнего мира, делая их единственным источником знания, идеализм замкнул познание внутренним миром субъекта, так и любая недооценка принципа отражения чревата субъективацией практики. Признание практики основой и движущей силой познания еще не есть материализм, потому что практика в принципе может рассматриваться как деятельность субъекта, обусловленная не законами объекта, а лишь его внутренней субъективной активностью.

Эти исходные положения марксистской гносеологии при всей их важности не избавляют от трудностей, с которыми мы сталкиваемся при исследовании такого сложного образования, как общество.

В работах по историческому материализму принцип отражения, на наш взгляд, пока еще весьма слабо увязывается с анализом активной деятельности субъекта, и в первую очередь его активной практически-преобразующей деятельности. Если в общефилософском анализе познавательного процесса уже много сделано в плане исследования активности субъекта (а порой, как было сказано ранее, эта активность даже гипертрофируется), то в работах по гносеологии социального познания до сих пор основной крен наблюдается в направлении исследования сознания как отражения общественного бытия.

Это обстоятельство, как нам представляется, в значи-

тельной мере объясняется сложностью и многообразием тех взаимосвязей и взаимовлияний, которые характерны для общественного организма. Действительно, социально-преобразующая деятельность с ее главной формой — политической практикой классов протекает в надстроечной области и как таковая направляется общественным сознанием. Поэтому перед исследователем на первый план выдвигается вторичность, определяемость общественного сознания общественным бытием, а вместе с тем и зависимость общественно-исторической практики, направляемой общественным сознанием, от характера и противоречий общественного бытия.

Но при этом остается как бы в тени важнейшая гносеологическая проблема: какова же роль самой общественно-исторической практики в познании? Каким образом в процесс познания включается социальная практика, приводя в действие, активизируя и направляя весь механизм отражения?

Попробуем раскрыть этот сложный механизм опосредования практикой процесса познания общественного бытия и его законов.

Объективная логика человеческой истории складывается в рамках и на основе деятельности людей по созданию и совершенствованию орудий труда. К. Маркс раскрыл величайшей важности закономерность, присущую этому процессу: труд — не только своеобразный способ обмена веществ между человеком и природой, свойственный обществу, но и обмен деятельностью между людьми. В процессе труда возникают социальные связи, которые и формируют, «задают» человека с его интересами, потребностями, установками.

Но дело не ограничивается лишь этим. Открытие Маркса состояло не только в том, что труд порождает социальные связи, но и в том, и это главное, что такого рода отношения на каждом историческом этапе не произвольны, не случайны, а закономерно обусловлены состоянием производительных сил. Отсюда следует, что законы общественного развития, хотя и существуют только в человеческой деятельности, от сознания людей не зависят. Это значит, что практикой людей создаются такие материальные условия, которые для их нормального функционирования и развития требуют некоторых вполне определенных, устойчивых, необходимых, повторяющихся связей и отношений, устанавливающихся между большими общественными группами.

Объективная необходимость, или, что то же самое, объективная закономерность, как раз и возникает на базе тех условий, которые создают сами люди. Поэтому их деятельностью в полном смысле слова создано в обществе все без исключения. Но это «все» накапливается, совершенствуется, ломается, воссоздается не произвольно, а в соответствии с тем, что уже сделано, с возможностями, потребностями и горизонтами, открываемыми достигнутыми результатами, в первую очередь в сфере материального производства. Здесь корни и самые глубинные истоки потребностей в общественных преобразованиях, тенденции перехода общества от одной ступени к другой. Разумеется, говорить о такой тенденции можно лишь во всемирно-историческом плане, а не применительно к каждой отдельной стране.

Складывающиеся в деятельности людей материальные связи и отношения, хотя и составляют существо их общественного бытия, не даны им непосредственно. Они существуют в реальной истории, будучи опутанными и завуалированными целой системой идеологических отношений, юридических установлений, правовых и политических институтов, духовных форм, которые всегда представлялись идеологам порождением чистой мысли. Участвуя в производственной практике, люди оказываются вместе с тем участниками политических действий, создателями правовых и государственных учреждений, творцами и потребителями общественных взглядов и теорий. В процессе осуществления обоих видов практики объективные законы как бы выпадают из их поля зрения и непосредственного целеполагания: в одном случае люди стремятся усовершенствовать производство, в другом — перестроить политическую сферу. Но своеобразная «хитрость истории» состоит как раз в том, что именно эта их общественно-историческая практика открывает путь к осознанию объективных потребностей и тенденций исторического процесса. Участие в ней создает возможность постепенного приближения ко все более полному и всестороннему познанию объективной необходимости. Социальная практика, осуществляемая в надстроечной области, ставит перед мышлением задачу обоснования как ее собственных целей и средств, так и отражения тех глубинных причин, которые вызвали ее к жизни.

Обусловленная развитием производительных сил необходимость замены одного типа производственных отношений другим, более прогрессивным историческим типом

вызревает как определенная объективная потребность, реализация которой тормозится сложившимися в обществе идеологическими отношениями, закрепляющими их учреждениями, т. е. всей структурой общественной практики господствующего класса. Основой этой практики является интерес класса, определяемый его материальным положением в системе производства. Соответственно и интерес прогрессивного класса связан с революционными сдвигами, которые происходят в материальном производстве,— с потребностью в утверждении новых производственных отношений. Однако этот класс и его идеологи сталкиваются непосредственно не с этой тенденцией, а с политической и юридической практикой господствующего класса. Именно она непосредственно мешает ему утвердиться, осуществить свой интерес, поэтому именно эту практику идеологи класса подвергают критике, отвергают, обосновывая необходимость новых юридических норм, политических сдвигов, государственного переустройства. Фактически за всем этим стоит потребность в изменении общественного бытия. Но путь к осознанию этой потребности опосредован общественно-исторической практикой класса. Действуя в надстроечной области, этот класс сталкивается с ущемлениями, несправедливостью, неспособностью существующих институтов удовлетворить его интерес, и именно это рождает первоначально смутное, затем все более явственное, а в пределе — теоретическое осознание необходимости ломки сложившихся порядков.

Разумеется, сама степень понимания этой необходимости весьма различна; однако при всех случаях класс борется в конечном счете за изменение или сохранение существующих экономических отношений, но познание назревшей исторической задачи происходит через призму практики, которая сложилась в надстроечной области и которую он заинтересован либо коренным образом изменить, либо закрепить. «Принципы и теории, которые выдвигались буржуазными писателями во время борьбы буржуазии с феодализмом,— писал К. Маркс,— были не чем иным, как теоретическим выражением практического движения, причем можно с точностью проследить, как это теоретическое выражение бывало в большей или меньшей степени утопическим, догматическим, доктринерским в зависимости от того, относилось ли оно к более или менее развитой фазе действительного движения» [5].

---

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 319.

Все буржуазные революции были вызваны к жизни объективной необходимостью: развитие производительных сил сковывалось феодальной собственностью. Но коль скоро эта собственность освящалась религией, юридически закреплялась в законах, опиралась на мощь абсолютистского государства, с которым не в сознании, а на практике постоянно сталкивался новый класс в своих стремлениях к прогрессу, то в общественном сознании необходимость изменения общественного бытия выражалась в форме обоснования новой идеологии, права, политики.

Таким образом, участвуя в общественной практике, передовой класс на собственном опыте распознает, кому и чему служит практика господствующего класса. Обосновывая линию собственного практического поведения, передовой класс выражает тем самым назревшую историческую потребность.

Возникает вопрос: можно ли считать, что класс в этом случае опосредованно, на основе социальной практики познает общественное бытие и его законы?

Думается, что однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Поскольку познание предполагает выявление объективных законов, обнаружение сущности исследуемого объекта, постольку следует сказать, что вплоть до открытия материалистического понимания истории не только знания объективных законов бытия, но и самого понятия общественного бытия философия не могла дать. Но несомненно и то, что без теоретических предпосылок наука об обществе сложиться не могла. И поскольку в рамках домарксистской философии такие предпосылки накапливались, постольку можно говорить о движении к сущности, к познанию общественно-исторической необходимости даже в том случае, когда в общетеоретическом плане научное представление о ней еще не сформировалось.

Отметим в этой связи, что одна из гносеологических причин господства идеалистического понимания истории состояла в том, что познание материальных отношений, объективных законов всегда опосредовано социальной практикой классов, направляемой политическими, правовыми и прочими идеями. Отсюда возникает возможность отрыва этой сознательной целенаправленной деятельности от объективных детерминант, которые определяют интересы и характер целеполагания больших общественных групп. Неразвитость общественного объекта и соответст-

вующая классовая позиция теоретика превращают такую возможность в действительность. В этом случае идеолог даже исторически прогрессивного класса остается в рамках анализа и теоретической критики идеологических отношений и взглядов людей по вопросам права, политики и т. д., не будучи в состоянии выявить их реальную основу.

Изучение верхних этажей без исследования фундамента не может, конечно, дать представление о здании в его целостности, а главное — о его конституирующей основе. Но вместе с тем и оно — ступенька в историческом движении познания, если только рассматривать последнее как процесс, а не как набор готовых абсолютных истин.

§ 3. Общественно-историческая практика и познание объективных законов в условиях социализма

Развитие и совершенствование социалистического общества чрезвычайно актуализирует задачу исследования социального познания. Это обстоятельство определяется самой природой социализма. Общество, планомерно развивающееся, овладевающее стихийными силами и ставящее их постепенно под свой контроль, свободное от социальных антагонизмов, создает благоприятные условия для познания объективных законов. Но это лишь одна сторона дела. Другая состоит в том, что социалистическое общество для нормального функционирования и развития нуждается во все более точном отражении и учете таких законов. Разумеется, само по себе познание еще не обеспечивает успешного продвижения вперед, но оно теоретически обосновывает и направляет организованную практику трудящихся по правильному руслу.

Сейчас, когда партия выработала и приняла долговременную стратегическую программу ускорения социально-экономического развития на базе научно-технического прогресса, становится особенно острой и очевидной потребность в раскрытии объективных законов, присущих социализму, изучении механизмов активизации человеческого фактора. В новой редакции Программы КПСС среди задач, стоящих перед общественными науками, на одно из первых мест выдвинуты такие, как изучение «закономерностей становления коммунистической формации, путей и средств постепенного продвижения к ее высшей фазе», всесторонний анализ «объективных противоречий

социалистического общества...»[6]. Решение этих задач во многом зависит от гносеологического обеспечения, т. е. диалектико-материалистического анализа социального познания, его движущих сил и особенностей.

Первой исходной предпосылкой такого анализа является положение о наличии объективных законов при социализме. При всем его качественном отличии от предшествующих этапов человеческой истории социализм также подчиняется в своем развитии законам, независимым от воли и сознания людей.

Второй важный общеметодологический момент, рассмотренный нами в предыдущем параграфе, состоит в том, что люди в практике обнаруживают, в какой мере созданные ими организационные формы, т. е. юридические, политические и даже моральные нормы, соответствуют потребностям и тенденциям развития. Тем самым открывается путь к познанию глубинных сущностей общественного организма — его объективных законов. Общество заинтересовано в их познании, но путь к нему лежит только через практику: действуя, изыскивая определенные, все более гибкие и совершенные формы, получая соответствующие результаты, люди тем самым все более полно осознают законы, сущностные моменты общественного бытия. Последние даны, таким образом, не в созерцании, но всегда лишь через общественную практику, которая тем самым опосредствует процесс научного познания исторической необходимости.

Блестящим образом научного анализа социальной практики и познания объективных законов общественного развития явилось исследование В. И. Лениным социальной практики и ее форм, сложившихся в период «военного коммунизма» и вступивших в противоречие с объективными потребностями общественной жизни. Обнаружение этого противоречия позволило Ленину раскрыть ряд новых закономерностей переходного периода, имеющих не чисто русское, а международное значение.

К этому следует добавить, что возможность познания объективных законов социализма осуществляется в соответствии с диалектикой абсолютного и относительного в познавательном процессе. Как отмечал Энгельс, «мы никогда не забываем, что все приобретаемые нами знания по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоя-

---

[6] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 168.

тельствами, при которых мы их приобретаем»[7]. И дело здесь не только в сложности объекта, степени его зрелости, наличии накопленного предшествующего теоретического материала. Проблема состоит еще и в том, что сам объект познания изменчив и подвижен. В ходе практики постоянно складываются новые, далеко не всегда учитываемые в науке тенденции, новые объективные потребности. Знание общих наиболее существенных законов социализма не гарантирует от возникновения новых, непредвиденных обстоятельств. Жизнь, а тем более область материальных отношений, независимых от общественного сознания, всегда богаче наших знаний о ней. Эти новые явления существуют объективно, как некоторая назревшая потребность, без учета которой нельзя успешно продвигаться вперед. А между тем сложившаяся социальная практика продолжает функционировать в тех формах, которые, может быть, и соответствовали прежним условиям, но уже не отвечают новым. Такое несоответствие может проявляться в каких-то деформациях, отставаниях, иногда довольно серьезных.

Так, в новой редакции Программы КПСС отмечается, «что в 70-е — начале 80-х годов в развитии страны наряду с достигнутыми и бесспорными успехами имели место определенные неблагоприятные тенденции и трудности. В значительной мере они связаны с тем, что не были своевременно и должным образом оценены изменения экономической ситуации, необходимость глубоких сдвигов во всех сферах жизни...»[8].

Нужно иметь в виду, что само возникновение противоречия — явление закономерное: изменения в материальной сфере жизни общества осуществляются с необходимостью; вместе с тем формы социальной практики обладают в известной мере здоровым консерватизмом, они не могут меняться непрерывно. Соответственно задача состоит в том, чтобы своевременно выявлять это отставание и на основе анализа сложившегося противоречия теоретически раскрывать все более и более глубоко как сами объективные законы социализма, так и те новые потребности и тенденции, которые возникают в материальной сфере общественной жизни.

Обнаружение и теоретический анализ этих объективных процессов позволяют разрабатывать и совершенство-

---

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 302.

[8] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 139.

вать соответствующие формы социальной практики. Эти новые формы зачастую рождает само творчество масс, а теоретический анализ подмечает их, очищает от случайностей, обосновывает их необходимость и тем самым способствует утверждению этих форм в практике социалистического строительства. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал мысль о том, что именно практика дает многообразные формы организации общественной жизни. Более того, он писал, что «только практика может выработать... *наилучшие* приемы и средства борьбы» [9]. И чем более эти последние соответствуют объективной необходимости, тем легче, полнее и безболезненнее для общества она осуществляется. Однако и в этом случае формы социальной практики не остаются абсолютно и всегда целесообразными. Развивающееся материальное производство на определенном этапе требует их изменения. Возникающее противоречие снова ведет к рождению проблемы, и цикл повторяется. Но всегда и при всех обстоятельствах познание объективных законов стимулируется социальной практикой, поскольку сами эти законы действуют лишь как общая тенденция, осуществлению которой способствует или мешает социальная практика, закрепленная в политико-юридических институтах и нормах.

Как справедливо отметил советский экономист А. Корягин, «социалистическому обществу жизненно необходимо знать объективную направленность экономических процессов; она познается не вне практического опыта, а на основе его глубокого изучения. Знание объективных экономических законов необходимо для того, чтобы вырабатывать хозяйственные решения, диктуемые потребностями развития социалистического общества. И это знание, конечно, приобретается далеко не только в процессе разработки планов, но и при подведении итогов предшествующего развития» [10].

Решения партийных съездов и пленумов ЦК КПСС дают нам чрезвычайно важный и не вполне еще освоенный обществоведами материал для анализа процесса познания тех объективных тенденций, которые возникают в ходе социалистического строительства и которые фиксируются и исследуются в важнейших документах партии. Знаменательны в этом отношении материалы XXVII съезда КПСС и ряда предшествовавших ему пленумов и со-

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 204.
[10] *Корягин А.* О некоторых трактовках оптимизации социалистической экономики//Вопр. экономики. 1983. № 7. С. 62.

вещаний, проведенных ЦК КПСС. В этих партийных документах дан глубокий и критический анализ тех форм практической деятельности, которые сложились у нас прежде всего в области руководства народным хозяйством. Некоторые из них обнаружили свою ограниченность: препятствовали стимулированию труда, росту его производительности, порождали равнодушие, самоуспокоенность, безынициативность, местничество.

Исследование практической деятельности и форм ее организации позволяет выявить, насколько эти формы соответствуют требованиям объективных законов. Критерием при этом является то, в какой мере эти формы способствуют развитию инициативы, самодеятельности личности в интересах общества, стимулируют ли они рост производительных сил или препятствуют их всестороннему и полнокровному развитию.

Опыт реального социализма показал, что организационные формы общественно-исторической практики далеко не всегда способствуют всестороннему развитию и совершенствованию производственных отношений. Более того, они могут стать препятствием на пути такого совершенствования. И тогда социалистические производственные отношения начнут отставать от развития производительных сил, перестанут стимулировать их рост. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии был поставлен вопрос о том, что социалистические производственные отношения вовсе не всегда и совсем не автоматически соответствуют производительным силам. «Да, социалистические производственные отношения,— говорилось в нем,— открывают простор развитию производительных сил. Но для этого они должны постоянно совершенствоваться. А это значит, что нужно вовремя замечать устаревшие методы хозяйствования и заменять их новыми» [11].

Практика обнаруживает, таким образом, способность или неспособность выработанных форм давать простор действию объективных законов социализма. Но это лишь одна сторона дела. Другая, не менее важная, заключается в том, что, исследуя эти формы, их реальное практическое действие, мы тем самым открываем путь ко все более глубокому познанию сущности, т. е. тех объективных законов, учитывая которые мы только и можем добиваться успехов в своей деятельности. Так, в совре-

---

[11] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 38.

менных условиях на одно из первых мест выдвигается задача изучения распределительных отношений и отношений обмена при социализме. Практика социалистического строительства показала огромное значение всестороннего учета объективных законов, характеризующих эти отношения, для успешного строительства социализма и коммунизма. В практике же обнаружилось, что в нашем обществе имеют место как такие формы материального распределения и обмена, которые соответствуют этим законам, так и такие, которые либо не соответствуют им, либо начинают отставать и устаревать [12]. Так, например, распределение по труду относится к числу объективных законов, заложенных в самой природе социалистических производственных отношений. Однако организация общественной деятельности людей в соответствии с требованиями этого закона поставила перед наукой множество вопросов, связанных не только с выработкой наиболее оптимальных способов соотнесения и сравнения различных видов труда, соизмерения их общественной значимости при отсутствии стихии рынка, но и общетеоретических проблем, например о двойственном характере труда непосредственно ассоциированных производителей [13].

Закон, конечно, действует независимо от воли и сознания людей. Такова его природа. Но он действует не вне практической деятельности, а в ней и через нее. Поэтому всякое стремление изучать общественные законы, не анализируя практику и ее результаты, обречено на схоластический перебор категорий. Теория обнаруживает свою действительную силу и значение тогда, когда она не тянет нить из самой себя, а занимается познанием и объяснением тех ситуаций и противоречий, которые сложились в процессе общественной практики, когда она, по словам Маркса, вступает «в соприкосновение и во взаимодействие с действительным миром своего времени» [14]. В. И. Ленин видел в отрыве теории от практики «самую отвратительную черту старого буржуазного общества» [15], «одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества...» [16]. В этой связи уместно вспомнить, как резко и

---

12 См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза: (Новая редакция). С. 33.

13 Об этом см.: *Мазур В.* Важнейший принцип социалистического производства//Коммунист. 1983. № 2.

14 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 105.

15 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 302.

16 Там же.

беспощадно критиковали основоположники марксизма крикливые претензии буржуазных идеологов на создание учений и принципов, с которыми, с их точки зрения, должна согласовываться жизнь общества. В статье «О Прудоне» К. Маркс писал, что этот «философ нищеты» «гоняется за так называемой „*наукой*“, с помощью которой можно было бы a priori изобрести формулу для „решения социального вопроса“, вместо того, чтобы источником науки делать критическое познание исторического движения, движения, которое само создает *материальные условия освобождения*»[17]. Общественное движение находит «себе завершение не в чистой, т. е. абстрактной, *теории*, как этого хотела бы критическая критика, а в весьма *практической практике*, которая никоим образом не станет беспокоиться о категорических категориях критики»[18].

Практика всякий раз посрамляла отрывавшуюся от нее, воспарявшую в облака теорию. Практика не обязана следовать за априорными построениями идеологов. Она идет по своим законам, которые теория либо раскрывает, либо неизбежно вступает в противоречие с действительностью. В «Набросках к критике политической экономии» Ф. Энгельс дает пример такого рода пустых теоретизирований, когда желаемое выдается за действительное, но, разумеется, не в состоянии подчинить себе эту действительность. «Экономист является со своей прекрасной теорией спроса и предложения, доказывает вам, что «никогда не может быть произведено слишком много», а практика отвечает торговыми кризисами, которые появляются снова так же регулярно, как кометы...»[19]

Опасность отрыва от практики состоит не только в том, что теория в таком случае вырождается, теряет свою силу и значимость, но и в том, что общество на какое-то время может оказаться в плену ложной идеологии, пустых абстракций, которые хотя и не выражают сути жизненных процессов, но воспринимаются людьми как подлинная действительность. «Люди преклоняются перед пустыми названиями и отрицают действительность, не хотят ничего о ней знать, противятся признанию того, что действительно существует, что сами создали; они обманывают самих себя и пользуются условным языком с искусственными категориями, из которых каждая — паск-

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 27.
[18] Там же. Т. 2. С. 169.
[19] Там же. Т. 1. С. 561.

виль на действительность; они трусливо цепляются за пустые абстракции, лишь бы не признаваться себе в том, что в жизни, на практике дело идет совсем о других вещах»[20].

Социализм создает благоприятные условия и реальные возможности для познания объективных законов. Это определяется не только тем, что при социализме отсутствуют социальные слои, заинтересованные в искаженной картине действительности. Дело прежде всего в том, что уничтожение капиталистических отношений, утверждение общественной собственности освобождают сознание от фетишизма товарных и иных превращенных форм, обнаруживают суть общественных связей как отношений между людьми, а не между вещами. Но отсюда не следует, что законы и сущность этих отношений лежат на поверхности или легко обнаруживаются. И в условиях социализма люди не могут учесть все последствия происходящих в экономической области изменений, и здесь необходимость складывается из массы случайностей и отклонений. Поэтому знание самых общих и существенных признаков производственных отношений социализма, раскрытых классиками марксизма-ленинизма, не освобождает теорию от необходимости все большего углубления в сущность этих отношений, постоянного движения к получению все более и более конкретного знания. А это можно сделать, лишь обращаясь к практике реального социализма.

Во взаимодействии социально-преобразующей деятельности и социального познания присутствует та же диалектика, которая характерна для соотношения теории и практики вообще. Теория никаким иным образом не может обнаруживать и изучать законы человеческой деятельности, кроме как изучая саму эту деятельность и ее материализованные результаты. С другой стороны, проникая в сущность, теория способна прогнозировать, в силу чего она становится основой для выработки конкретных рекомендаций и программы действия.

По словам Ленина, «теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...»[21]. Речь идет о диалектическом единстве теории и практики, суть которого состоит в том, что теория раскрывает закономерности поступательного развития общества и тем самым дает мощный научный

---

[20] Там же. С. 641.
[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 202.

ориентир практике, а последняя, в свою очередь, воздействует на теорию, проверяя ее, ставя новые проблемы, стимулируя ее рост и развитие, утверждая в науке объективно-истинное и помогая освобождаться от догматизма, элементов схоластики и заблуждений.

Характерно в этом отношении изменение наших представлений о двух фазах коммунистической формации. Не только сразу после Октябрьской революции, не только до Великой Отечественной войны, но и вплоть до середины 60-х годов основной акцент в исследованиях о социализме делался на обосновании возможности достаточно быстрого достижения высшего этапа коммунистической формации. Соответственно этому социализм рассматривался главным образом с точки зрения перехода к коммунизму. Такая позиция, во многом порожденная социально-психологическими факторами (революционный энтузиазм, великая победа в тяжелейшей войне), в значительной мере отразилась в старой редакции Программы КПСС. Теоретически и практически она вела к забеганию вперед, поискам «ростков» коммунизма зачастую там, где их не было, к недооценке собственных законов социализма.

Практика показала несостоятельность такого подхода и необходимость более углубленного исследования сущности и закономерностей социализма. В партийных документах был поставлен вопрос об исторических этапах, которые проходит социалистическое общество. Но самое главное — обобщение практики позволило обосновать чрезвычайно важную теоретическую идею: движение к коммунизму возможно лишь через совершенствование социализма, на пути использования заложенных в нем объективных законов. Поэтому недопустимо создавать искусственные «ростки» коммунизма, перескакивая через незавершенные этапы развития. Задача состоит в том, чтобы, ориентируясь на отдаленные цели и идеалы, всесторонне и ускоренно развивать социализм.

Эта идея является стержневой во всех последних партийных документах, особенно начиная с апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС.

Своеобразным промежуточным звеном от теории к социальной практике общества и от практики к теории является эксперимент. Вообще говоря, эксперимент — это часть, или, лучше сказать, специфическая форма, социальной практики, так как он всегда связан с реальным преобразованием каких-то общественных процессов. Но его

специфика состоит в том, что это пребразование происходит в ограниченных масштабах и осуществляется со специальной целью проверки и уточнения научных рекомендаций и прогнозов.

Социализм открывает широкие возможности для социального эксперимента. Общество, основанное на общественной собственности и научном управлении, способно выделить часть своих производственных, административных и научных кадров для работы в каком-то заранее заданном, еще не освоенном всем обществом режиме. Вместе с тем социализм остро нуждается в систематическом, научно обоснованном экспериментировании. Это объясняется тем, что, во-первых, отставание сложившихся форм от новых потребностей имеет место и здесь, а, во-вторых, распространение новых методов организации и управления сразу же на все общество может иметь весьма негативные следствия, так как проверить и оценить их жизнеспособность или нежизнеспособность может только практика. Примерами социальных экспериментов, получивших широкую известность, могут служить щекинский опыт, метод бригадных подрядов. Проверенный на практике, подтвердивший свою высокую эффективность, метод бригадных подрядов сейчас распространяется повсеместно как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Однако до последнего времени такие социальные эксперименты были все же единичными. Но уже в 80-х годах партия поставила задачу широкого использования в практике социалистического строительства социальных экспериментов.

В настоящее время такого рода работа связана главным образом с решением задачи совершенствования управления экономикой и перестройкой хозяйственного механизма. Проводимый сейчас крупномасштабный экономический эксперимент имеет целью проверку комплекса мер, направленных на расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, повышение их заинтересованности в конечном результате и ответственности за выполнение договорных обязательств. «Последовательная реализация такого подхода,— отмечает Д. Гвишиани,— создает предпосылки к тому, что впоследствии централизованно планироваться будет лишь продукция, имеющая народнохозяйственное значение и определяющая долгосрочную структурную политику» [22].

[22] *Гвишиани Д.* Ключевые резервы управления народным хозяйством//Коммунист. 1984. № 4. С. 39.

Таким образом, изучая социальную практику, наука вырабатывает обоснованные рекомендации, направленные на совершенствование механизма деятельности людей по реализации объективных законов. Эти меры первоначально апробируются в ходе эксперимента. Последний может что-то подтвердить, но что-то и опровергнуть, и это уже порождает научную проблему. Переход от эксперимента к социальной практике — не чисто количественное расширение поля деятельности. Количество здесь переходит в качество, так как сложность договорных и прочих связей гигантски возрастает. Поэтому социальная практика обязательно вносит дополнительные по сравнению с социальным экспериментом уточнения. Но и то положительное, что усвоено ею, не остается таковым вечно. Развивающиеся производительные силы требуют совершенствования производственных отношений, а следовательно, и изменения организационных форм социальной практики, теоретического осмысления происшедших изменений, прогнозов на будущее, новых проверок, новых экспериментов.

Диалектическая связь теории и практики — это постоянное беспокойство, самокритика, здоровый скептицизм, противоречивое единство. Но ведь и сама жизнь существует лишь до тех пор, пока существуют и взаимодействуют связанные с нею противоречия.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОНЯТИЕ МЕТОДОЛОГИИ. СООТНОШЕНИЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Спор о дефинициях является одним из наиболее сложных. А в отношении понятия «методология», вопроса о соотношении методологии и метода, теории и метода, теории и методологии он постоянно ведется в нашей литературе, и разрешить его в конечном итоге может только исследовательская практика. Она свидетельствует, что методология обществознания, и тем более методология науки в целом, представляет собой разветвленную область знания.

Наиболее принято в настоящее время определение методологии как совокупности методов теоретической и практической деятельности и учения о них, рефлексии по их поводу. Методологию науки в первую очередь интересуют методы научной работы, хотя в известной мере рефлексии подвергаются и методы применения полученного знания, ибо, как отмечал К. Маркс, «разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным *только практическим* путем, только посредством практической энергии людей, и ... поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу» [1].

Хотя приведенный взгляд на методологию стал почти хрестоматийным, в его истолковании нет единства, во-первых, потому что нет единства в понимании метода и, во-вторых, потому что различны взгляды на проблему соотношения теории и метода, мировоззрения и метода. Отсюда даже при общей дефиниции методологии возни-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 123.

кает разное понимание ее содержания и задач, не говоря уже о том, что и само указанное определение разделяется далеко не всеми.

Кроме названной, имеются еще достаточно распространенные точки зрения. Одна из них состоит в том, что методология науки — это методы познания [2], другая — что это учение о методах, теория методов [3].

Решение проблемы соотношения метода и теории методов важно для дефиниции самого предмета методологии. Чтобы понять действительное соотношение методов и теории методов, необходимо коснуться вопроса о соотношении метода и теории. Данная проблема, в свою очередь, включает в себя три вопроса: 1) что такое метод, 2) может ли теория выполнить функции метода, 3) может ли быть построена теория методов, и если да, то какой она должна быть.

При характеристике метода одни исследователи говорят о совокупности приемов и операций, узко трактуя понятие «метод» как правило, которое может быть зафиксировано и в соответствии с которым можно автоматически действовать. При этом подходе формально неэксплицируемые познавательные приемы иногда называют в противоположность методам средствами познания [4]. Другие понимают метод не столь узко, не только как те или иные правила, а как путь исследования, включающий все способы познания. С этой точки зрения можно говорить о теории как о методе, о методологической функции мировоззрения. Представляется, что этот взгляд более правилен и что задача методологии состоит не в том, чтобы сформулировать некий реестр формальных правил, а прежде всего в изучении всех способов деятельности субъекта познания, всех факторов, способных оказывать методологическое влияние.

Сторонники «узкого» понимания метода согласны с тем, что теория выполняет методологическую роль, но утверждают, что ее нельзя рассматривать как метод. На наш взгляд, подобное утверждение лишено смысла: методоло-

---

[2] См.: *Андреев И. Д.* Проблемы логики и методологии познания. М., 1972. С. 86; *Гиргинов Г., Янков М.* Методология как раздел гносеологии//Вопр философии. 1973. № 8. С. 128; и др.

[3] См.: *Копнин П. В., Спиркин А. Г.* Методология//Филос. энцикл. 1964. Т. 3. С. 420. См. также работы П. Гиндева, В. А. Лекторского, Б. Г. Туровского, В. С. Швырева, Э. Г. Юдина, М. Г. Ярошевского и др.

[4] См.: *Бухалов Ю. Ф.* Особенности теории и метода в научном познании//Филос. науки. 1984. № 4. С. 135—137.

гическая роль теории как раз и состоит в использовании теории как метода. При этом необходимо иметь в виду, что данное положение справедливо для любой теории: и для той, которая раскрывает сущность социальных процессов, и для теории познания, и для теории методов. Исторический материализм включает в свой состав ряд теорий социальных процессов, объясняющих всемирную историю, соотношение базиса и надстройки, сущность государства, революций и т. д. Все эти теории играют методологическую роль в познании общества специальными науками. Теория познания вскрывает сущность, социальную природу познания, дает учение об истине. Давая знание о процессе познания, она вместе с тем указывает на его методы и методологически значима для всех специально-научных дисциплин и для построения более частных теорий. Теория методов, раскрывая способы деятельности субъекта в познании, тем самым выступает и в методологической роли.

Общенаучной закономерностью является то, что теория более высокого уровня выступает как метод, способ истолкования фактов и построения теорий более низкого уровня, независимо от того, о каких конкретных теориях идет речь. По этой причине теория методов сама может стать методом, и, следовательно, противопоставление методов и теории методов в предмете методологии является в определенной степени условным.

При формальном понимании метода происходит также разделение мировоззрения и метода. А между тем познавательная деятельность постоянно заставляет и специалиста в области какой-либо частной общественной науки, и философа сталкиваться с методологической ролью мировоззрения и мировоззренческим содержанием методологии. Включенность мировоззренческих аспектов в методологию обогащает представление о ее содержательных аспектах, не сводя их только к теории.

Разумеется, среди методов есть такие, которые можно представить в виде правила, но методология изучает не только их, но и все прочие методы, которые могут быть представлены только содержательно. Изучением правил деятельности в точном значении этого слова занимаются соответствующие методики, которые далеко не всегда имеют тесную связь с методологией. Учитывая это, методологию науки можно определить как учение о методах, теорию методов, а шире — как учение об активности субъекта познания, выясняющее отношение теоретизирую-

щего субъекта к готовому и добываемому знанию. Методология не налагает ограничений на анализ форм деятельности субъекта: ее содержательный характер определен тем, что она включает в себя и изучает не только формально эксплицируемые правила, но и все содержательные элементы науки и даже вненаучные факторы в их способности воздействовать на процесс познания, а также те проявления активности субъекта, которые связаны с его мировоззрением, социально-культурными условиями его деятельности, его ценностными ориентациями, а также с характером воздействия объекта исследования на субъект и со спецификой деятельности субъекта, диктуемой объектом.

В этом смысле методология связана с гносеологией, центральным вопросом которой является отношение знания к реальности. В методологии оно задано теорией. Исключить значение теории как метода — это значит видеть в методологии субъективную деятельность по правилам, не зависящим от объекта изучения. Через теорию объект представлен в знании, и через теорию он влияет на характер деятельности субъекта, в значительной мере определяя все прочие ее познавательные приемы. Наличие научных специализаций, определяемых существованием специфических объектов исследования и соответствующих им теорий, приводит к появлению специально-научных методов, частично совпадающих, частично различающихся в разных научных областях.

Наряду с движением от теории к методу, при котором происходит определенное приспособление теории к решению познавательных задач, ее переориентация с гносеологических функций на методологические, есть обратное движение — от метода и методологии к теории. Методы должны быть адекватны поставленной проблеме: «...не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным» [5]. Методология является вместе с тем теорией методов.

Методология всегда имеет конечную цель не только в развитии собственно философских представлений, но и в совершенствовании всей системы науки, в интересующем нас случае — марксистско-ленинского обществознания. Поэтому весьма существенно иметь верное представление как о дисциплинарном статусе методологии, так и о ее отношении к специально-научной исследовательской деятельности.

---

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 7.

Методология, если брать ее во всем объеме, лежит на пересечении философии, специальных наук, науковедения. Это не случайное явление, и типичным оно могло стать в силу некоторых закономерностей развития науки, которые позволяют и требуют междисциплинарных взаимодействий. Широта исследовательских интересов методологов вполне понятна исходя уже из того, что методология характеризуется рядом различных (см. гл. девятую) уровней, выделенных по степени общности методов. Всякое методологическое исследование предполагает анализ взаимосвязи всей совокупности методов, т. е. взаимодействия всех уровней.

В философской науке ставится, однако, вопрос: может ли методология науки стать самостоятельной дисциплиной? Здесь высказываются разные мнения. Авторы, признающие подобную возможность, считают, что это будет философская дисциплина, изучающая всю совокупность методов научного познания, включая сюда как собственно философские, так и специально-научные методы. В качестве ее подразделов выделяются специальные (но тоже философские) методологии — методология истории, наук о праве, экономических наук и т. д. Но поскольку подобные исследования неразрывно связаны со своим предметом (историей, правом, экономикой) и осуществляются специалистами этих областей знания, то нередко ставятся вопросы о статусе этих «методологий» в соответствующих науках. Например, весьма часто можно встретить утверждения, что методология истории стала столь органичной частью исторической науки, что ее можно рассматривать как одну из исторических дисциплин.

Аргументы в пользу самостоятельного дисциплинарного статуса методологии исходят из одной-единственной предпосылки — возможности вычленить специфический предмет методологии — методы науки в целом или методы специальных дисциплин. Это, с нашей точки зрения, необходимое, но недостаточное условие перехода от методологических исследований к методологии как совокупности отдельных дисциплин.

Проблема дисциплинарного статуса методологических исследований требует обращения к профессиональному анализу тенденций развития науки, к исследованию наличной организационной структуры науки и происходящих здесь изменений. Оставив в стороне вопрос о критериях выделения отдельных дисциплин (он нуждается в специальном разборе, а это увело бы нас от рассматри-

ваемой проблемы) и тот факт, что само соотношение процессов дифференциации и интеграции требует содержательного анализа, отметим только, что для решения вопроса о дисциплинарном статусе методологии необходим учет ведущих тенденций развития современной науки. Исследователи отмечают возрастание в условиях НТР тенденций к комплексности развития и изучения науки. Само «современное системное состояние науки... связано с новыми, присущими только этому этапу комплексными проектами и государственной организацией науки наряду с продолжающимся развитием и университетско-академических форм, а также с попытками в капиталистических странах приспособить к новым условиям частнокапиталистические способы организации и присвоения науки» [6]. В социалистическом обществе тенденция к интеграции наук осуществляется не стихийно, а предполагается в качестве составной части мер по организации науки. Междисциплинарный характер современного научного знания во многом определяет интерес к методологическим вопросам науки и служит одним из факторов организации всей науки [7]. Таким образом, очевидно, что тенденция к обособлению методологических исследований не соответствует общей направленности развития науки.

Философский характер методологии и вместе с тем ее междисциплинарное значение делают поставленный выше вопрос о соотношении методологии и исследовательской деятельности ученых-обществоведов чрезвычайно актуальным. При всем стремлении специалистов обществоведов и философов к взаимному сотрудничеству между ними не всегда достигается взаимопонимание на уровне реальной исследовательской практики.

В реальной деятельности ученых неразрывно переплетены методы разного уровня общности, и в лучших образцах научного исследования они органически связаны. Добиться такой связи — одна из задач, которую ставят как философы, так и все обществоведы, решение которой невозможно без правильного понимания соотношения методологии и специально-научных исследований.

Иногда высказывается метафизический, наивно-реалистический взгляд на методологические выводы как на некий рецепт, являющийся следствием отождествления методологии с реальным процессом исследования, при котором

---

[6] *Старостин Б. А.* Параметры развития науки. М., 1980. С. 212.

[7] См.: *Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980.

знание рассматривается как абсолютный слепок с познаваемого объекта, как зеркальное воспроизведение объекта в знании. Идеал рецептурного знания большей частью соответствует дотеоретическому уровню науки, той стадии, когда научное и обыденно-практическое знание трудноразличимы. Однако по мере усложнения теоретического уровня науки связь ее с реальностью становится все более сложной, опосредствованной. В соответствии с ленинской теорией отражения последнее ни в коей мере не является зеркальным, но выступает как сложный познавательный процесс, имеющий социальную природу и лишь в конечном итоге дающий образ объективного мира [8].

Каждый фрагмент науки в этой связи вовсе не обязательно имеет объективного референта в реальности. Для характеристики этого обстоятельства вводится понятие научной реальности, ибо в широком смысле реальностью называют не только объективный мир, но и те идеальные образования, которые он порождает. Так, в физике, биологии, исторической науке имеются такие построения, которые создают систему теоретических объектов, имеющих онтологический статус. Объективный мир воспроизводится в каждой из этих наук в виде своей реальности, в которой он представлен сквозь призму определенной теории. В связи с этим объективный мир может быть описан в различных теориях системой различных теоретических объектов. Как отмечает Э. М. Чудинов, «в вышеупомянутой ситуации нет ничего мистического. Она объясняется тем, что различные теории могут „высвечивать" различные аспекты объективно реального мира или одни и те же его аспекты, но с различной степенью глубины и точности» [9]. Таким образом, выражаемое теоретическим объектом содержание существует в объективном мире, но не обязательно в тождественной ему (теоретическому объекту) форме. Понятие физической, математической, биологической, исторической, экономической и других реальностей, характерное для теоретического уровня соответствующих наук, свидетельствует о том, что соотнесение теории и объективного мира, теории и практики само выступает как одна из сложнейших проблем науки [10].

---

[8] Подробнее об этом см.: Диалектика и практика. М., 1984.

[9] *Чудинов Э. М.* Природа научной истины. М., 1977. С. 227—228.

[10] См.: *Антипенко Л. Г.* Проблема физической реальности. М., 1973; *Ракитов А. И.* Историческое познание. М., 1982; Теория общественно-экономической формации. М., 1982.

В свете сказанного методология науки как рефлексия ее методов и, шире, как учение о всех формах активности субъекта в познании дает нам такие теоретические построения, которые могут быть названы по аналогии с перечисленными выше видами теоретических объектов своего рода методологической реальностью. Это значит, что теоретические построения методологии имеют содержание, присущее реальному исследовательскому процессу, но не тождественны ему. В методологических выводах могут отображаться разные стороны процесса познания, на разной степени глубины и проникновения в его сущность, с разной степенью общезначимости. Необходимость диалектико-материалистического понимания соотношения теории и описываемого ею процесса присуща и соотношению методологии и изучаемой ею исследовательской деятельности. При этом, разумеется, следует учитывать опасность релятивистского истолкования этой связи, отрывающего теоретическое построение от его объективной основы. Непонимание этого порой затрудняет процесс сотрудничества философов и представителей специальных общественных наук в силу разногласий, возникающих между ними из-за различного представления о том, как соотносится методологическое построение с познавательной деятельностью. Для его преодоления представляется целесообразным выделить ряд параметров для соотнесения методологических выводов и исследовательского процесса. Это, во-первых, масштаб методологической экспликации, т. е. учет того, для какого именно объекта получены методологические выводы; во-вторых, характер действия методологических регулятивов; в-третьих, «контекст» получения и использования методологических выводов, т. е. учет условий их получения и проверка их возможной применимости к новым условиям.

Масштаб методологической экспликации означает, что методологические выводы имеют определенную степень общности, и нарушение этой меры, применение их к задачам иной степени общности ведут к трудностям, взаимонепониманию между философами и представителями других наук. Подобные разногласия могут возникнуть и из-за несоответствия степени зрелости объекта, при изучении которого делаются методологические суждения, степени зрелости объекта, к анализу которого они применяются. Например, вывод о том, что ведущей тенденцией во взаимоотношении наук является их интеграция, имеет в качестве масштаба методологической экспликации науку

в целом, ориентирован на наиболее развитые образцы существующих взаимодействий между науками. Очевидно, что узкоориентированный специалист не видит этой тенденции и будет отрицать ее существование.

Методологические выводы, не обладая характером рецептурного занятия, играют все же роль методологического регулятива деятельности ученых. Методология имеет значение не только постфактум полученного знания о деятельности ученого, но заключает в себе и эвристические возможности. Для правильного их использования необходимо знать характер действия методологического регулятива: зафиксирована в нем тенденция или норма, действует он опосредствованно или непосредственно. Если, например, принять вывод об интеграции наук за норму, а не за тенденцию, он сразу же становится неверным. Нарушение характера действия методологических регулятивов — придание тенденциям статуса нормы, восприятие опосредствованно действующих факторов как непосредственных — приводит к ошибочному применению методологических выводов в специально-научном исследовании.

В буржуазной методологии такое нарушение соотнесения характера действия методологических регулятивов является весьма частым. Так, например, некоторые западногерманские социологи науки (Штарнбергская группа) предложили концепцию развития науки, согласно которой естествознание подвергается такому социальному воздействию, что теряет свою специфику и становится «социальным естествознанием» [11]. Здесь некоторые тенденции развития науки превращены в норму, что влечет за собой определенные вульгарно-социологические упрощения.

Другим примером может служить вульгарно-социологическая интерпретация вывода о методологической роли социально-культурных факторов в развитии обществознания. Убедительная критика такого подхода была дана В. И. Лениным на примере ошибок В. М. Шулятикова, который огрублял социальные влияния на науку, считая их всегда непосредственными [12], видя в каждом фрагменте философских систем от Декарта до Маха прямой слепок с классовых отношений.

Многие методологические представления формируются в определенном контексте, в рамках определенной мето-

---

[11] Starnberger Studien I. Die gesellschaftlichen Orientierung des wissenschaftlichen Fortschritts. Frankfurt a/M, 1968. S. 380.

[12] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 459—474.

дологической программы. В другом контексте они могут вообще не иметь смысла или иметь совершенно иной. Например, метод понимания введен в рамках концепций, абсолютизирующих специфику гуманитарного знания (Дильтей, Баденская школа неокантианства). В настоящее время о нем говорят и в рамках марксистской методологии, но совершенно ясно, что без перевода данного метода в контекст марксистской концепции науки его содержание остается неопределенным, а нередко и двусмысленным.

Выделенные параметры не исчерпывают всех факторов, определяющих способ соотнесения методологических выводов со специально-научными исследованиями, но свидетельствуют о том, что успех совместной работы философов и обществоведов в значительной мере определен учетом всей степени сложности связи методологических построений и деятельности представителей специальных наук.

Возможности эвристических функций методологии обществознания нельзя понять без анализа ее ядра — исторического материализма, выступающего как социально-философская теория. Вместе с тем, поскольку такие науки об обществе, как социология, история, культурология, охватывают общество в его целостности, в последнее время подчеркивается также общесоциологический[13], общеисторический[14] и общекультурологический[15] характер исторического материализма.

Будучи философской теорией общества, исторический материализм дает вместе с тем осмысление его социальной структуры, теорию исторического процесса, теорию культуры. Раскрытие двойственной природы исторического материализма — его социально-философского и вместе с тем общенаучного характера — для тех наук, которые изучают общество в целом,— социологии, истории, культурологии — показывает его органическую включенность в систему обществознания. Сказанное не должно быть понято как разделение исторического материализма на составные части. Так, обсуждая соотношение в

---

[13] См.: *Плетников Ю. К.* Проблемы дальнейшей разработки теоретической системы исторического материализма//Филос. науки. 1981. № 4. С. 12.

[14] См.: *Желенина И. А.* О трех аспектах марксистской теории исторического познания//Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1985. № 2. С. 67—74.

[15] См.: *Межуев В. М.* Культура как философская проблема//Вопр. философии. 1982. № 10.

нем философского и социологического, Ю. К. Плетников отмечает: «Действительно, исторический материализм — социально-философское и общесоциологическое знание. Однако то и другое не две части, а два аспекта единой теории. Социально-философское знание отражает развитие общества в плане материалистического решения основного вопроса философии, общесоциологическое — в плане целостности этого развития»[16]. Социально-философский аспект исторического материализма связан с выделением в общественной жизни первичного и вторичного уровней, что методологически значимо при решении любых социальных проблем.

В отношении исторического материализма проблема соотношения теории и метода несет на себе следы тех решений, которые были уже обсуждены выше, при общей постановке этого вопроса. Взгляд на исторический материализм как на социально-философскую теорию является достаточно распространенным, но отношение к нему как к методу длительное время оставалось дискуссионным. Так, ряд авторов отмечают, что «если имевший место отрыв метода от теории при изложении диалектического материализма так или иначе преодолевается, то этого еще нельзя сказать применительно к историческому материализму. Конечно, значение исторического материализма как метода признается, но часто лишь формально, на словах»[17].

Одной из причин такого положения дел является взгляд на метод как на правило, о чем говорилось выше. Если метод — это правило, прием, то исторический материализм представляется теорией (и совокупностью теорий) слишком общего порядка, чтобы выступить в качестве такого правила. Если же метод трактуется в широком значении как средство познания, тогда вопрос о роли исторического материализма как метода не является проблематичным. Именно так понимал его Ф. Энгельс, когда указывал, что «материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом ис-

---

[16] Материалы совещания по проблемам исторического материализма в редакции журнала «Вопросы философии»//Вопр. философии. 1982. № 6. С. 23.

[17] *Ельмеев В. Я., Жуйков Г. С., Караваев Г. Г.* В. И. Ленин об историческом материализме как методе познания общественных явлений. Л., 1971. С. 71.

следовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты»[18].

В соотношении исторического материализма как теории и метода проявляется единство его гносеологического и методологического аспектов, рассмотренное выше в общем виде. Теория делает метод зависимым от исследуемого объекта — общества. Благодаря теоретическому содержанию методы исследования общества приобретают объектную определенность.

В настоящее время взгляд на исторический материализм как на единство теории и метода является в значительной мере принятым. Однако вопрос о том, как теории исторического материализма «работают» в качестве метода, не является простым. Поэтому значительная часть усилий методологов направлена на раскрытие особенностей теорий исторического материализма и его категориального аппарата в качестве метода[19]. Отмечается при этом, что методологическое воздействие исторического материализма на отдельные дисциплины обществознания имеет свои особенности и трудности. Психология нуждается, например, в разработке философских представлений о взаимосвязи социального и индивидуального[20]. Аналогичные трудности имеются и в историческом познании. То есть успех применения диалектического и исторического материализма в качестве методов познания в существенной мере связан с разработкой их теорий и категориального аппарата.

Для понимания единства гносеологического и методологического аспектов исторического материализма принципиальное значение имеет ленинский принцип тождества диалектики, логики и теории познания. В этой связи исторический материализм является выражением диалектики и логики самого исторического процесса, а также логики его постижения, теорией познания. Гносеологические принципы единства отражения и деятельности, роли практики в познании составляют ядро теории познания социальных явлений, влияющее на методы их познания. Как гносеология исторический материализм способствует раскрытию сути познавательного процесса. Как методология он превращает учение о познании в учение о бы-

---

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 351.

[19] См., напр.: Теория общественно-экономической формации. М., 1982.

[20] См.: Диалектика познания. Компоненты. Аспекты. Уровни. Л., 1983. С. 40—49.

тии. Но подобное разделение есть следствие реального единства гносеологических и методологических функций исторического материализма в изучении общества.

Об историческом материализме говорят не только как о теории и методе, но и как о методологии общественных наук. Такой взгляд правомерен и объясняется тем, что исторический материализм не только указывает путь познания, но и содержит определенные методы и принципы познания. Среди них принцип объективности социального познания, раскрываемый на основе понятия общественного бытия, принцип партийности (классовости и мировоззренческих оснований знания), принцип историзма и т. д. Однако некоторые авторы указывают на нетождественность понятий «исторический материализм как методология обществознания» и «методология обществознания». В. Ж. Келле пишет: «Конечно, исторический материализм — стержень методологии социального познания, но последняя включает в себя также еще логические, гносеологические и вообще общефилософские аспекты. Поэтому можно сказать, что методологией социального познания является диалектический и исторический материализм»[21]. Здесь, безусловно, можно согласиться с тем, что диалектический и исторический материализм является методологией социального познания, но отсюда нельзя сделать вывод, что методология обществознания тождественна диалектическому и историческому материализму. При таком взгляде на методологию обществознания были бы упущены методы специальных общественных наук, а значит, методологическая роль философии в известной мере задана декларативно. Поэтому возникает задача характеристики структуры методологии обществознания, которая должна стать предметом специального рассмотрения.

---

[21] *Келле В. Ж.* Проблемы исторического материализма в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»//Вопр. философии. 1979. № 5. С. 86.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРОБЛЕМА УРОВНЕЙ МЕТОДОЛОГИИ В НАУЧНОМ ОБЩЕСТВОЗНАНИИ

Для лучшего уяснения характера взаимосвязи философии и специальных общественных наук полезна идея методологических уровней, выделяемых на основе определенных методов исследования. Большинством авторов выделяются следующие методы и соответствующие им уровни методологии: общефилософский — диалектический материализм, общесоциологический — исторический материализм, специально-научный. Однако вопрос о взаимосвязи этих уровней еще недостаточно разработан. Дискуссионным, например, является понимание характера «работы» общефилософского уровня методологии в обществознании: действуют ли общефилософские категории прямо или опосредствуются общесоциологическими категориями?

Здесь существуют две точки зрения. Согласно одной из них функции диалектического материализма в социальном познании берет на себя исторический материализм. И. Д. Андреев пишет: «Специфика проявления и действия закономерностей диалектического материализма в исследовании общественной жизни раскрывается историческим материализмом. Поэтому он и выступает всеобщим методом познания социальных явлений» [1].

Согласно другой точке зрения диалектический материализм сохраняет самостоятельное методологическое значение и для общественных наук. Например, принципы всестороннего рассмотрения явлений, конкретности истины не имеют в обществознании какого-то специфического социально-философского смысла. В. Ж. Келле, признавая, что многие аспекты диалектико-материалистического подхода в обществознании преломляются сквозь призму социальной философии, отмечает и самостоятельность методологии диалектического материализма в науках об обществе: «Диалектический материализм есть общефилософская основа историко-материалистического анализа исторического процесса. Применение последнего предполагает использование и общих принципов диалектики.

Но в познании общества диалектический материализм выступает не только в этом качестве. Его положения имеют всеобщее значение и непосредственно применимы

---

[1] Очерки по историческому материализму. М., 1981. С. 319.

к познанию не только природы, но и общества. Было бы неверно ограничивать сферу применения диалектического материализма областью природы на том основании, что философской методологией познания общественной жизни является исторический материализм. Вольно или невольно подобное разделение их „сфер влияния" возвращает нас к структурам философского знания, преодоленным марксизмом, и потому является шагом назад» [2].

Попытаемся определить собственную позицию, поставив, например, следующий вопрос: сохраняется ли в обществознании принцип объективности в «чистом виде» как общефилософская категория, или он приобретает специфическое содержание, получая социально-философскую конкретизацию?

По своему статусу общефилософские принципы могут быть применены всюду, ибо они всеобщи. Но эвристические функции они, на наш взгляд, выполняют тогда, когда трансформируются соответственно специфике исследуемого объекта. И принцип объективности выполняет свою роль в общественных науках тогда, когда он содержательно конкретизирован историческим материализмом, т. е. когда речь идет не просто об объективности, а об объективных основах общественной жизни, объективных условиях социальных преобразований, объективности классовых интересов и т. д. Только раскрытие этих основ позволяет обеспечить объективный характер общественно-научного познания.

Исследования в области исторического материализма являются ядром системы марксистского обществознания, органически входят в его структуру.

Говоря о структуре обществознания, многие авторы обнаруживают в целом сходное понимание этого вопроса, которое, однако, не исключает различий. Так, А. И. Вербин и Д. И. Кошелевский различают в обществознании следующие структурные элементы: систему философского знания, исторического знания, специальных общественных наук и систему социологического знания [3]. В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, Н. И. Макешин выделяют философско-социологическое знание, сферу специальных общественных наук, исторические науки. Последние от-

---

[2] *Келле В. Ж.* Проблемы исторического материализма в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»//Вопр. философии. 1979. № 5. С. 86.

[3] См.: *Вербин А. И., Кошелевский Д. И.* Социальное знание//Исторический материализм как наука. М., 1974.

несены к особой области в связи с тем, что они ориентированы в своей совокупности не на отдельные стороны жизни общества, а на общество как целостность[4]. Исходя из этого, в структуру обществознания, на наш взгляд, входят: социально-философское знание (исторический материализм), социологические, исторические науки, а также специальные общественные науки, изучающие отдельные сферы общественной жизни (экономику, государство, право и т. д.). Поскольку социологические и исторические науки характеризуют общество как целостность, то исторический материализм выступает не только как социально-философская дисциплина, но и как общесоциологическая и общеисторическая теория.

Идея методологических уровней помогает разрешению многих проблем. Она предполагает движение методологического знания от низшего уровня к высшему. В ряде работ отмечается, что далеко не всякое методологическое исследование является философским, что переход к философскому уровню методологии возникает на определенном этапе углубления методологического размышления. «Процесс углубления логико-методологического анализа науки имманентно, с неизбежностью приводит к постановке философских вопросов. Эти философские вопросы возникают тогда, когда анализ методологической тематики доводится до уровня коренных вопросов отношения субъекта и объекта, отношения форм знания к внешнему миру»[5]. Следовательно, философская методология рассматривается в неразрывной связи с гносеологией. В этом контексте следует подчеркнуть, что объект внешнего мира представлен опосредствованным теорией, а точнее — в предметном содержании теории, ибо для философских вопросов специальных наук первичный материал — это теории этих наук.

Трудности возникают тогда, когда решается вопрос не о выделении методологических уровней из реальной методологии знания, а об их действительной взаимосвязи и взаимосогласованности. Методологическая работа в обла-

---

[4] См.: *Ковальзон М. Я., Макешин Н. И.* Общественное сознание и общественные науки. М., 1973; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М., 1981. С. 8; *Железина И. А.* Объективность как принцип социально-исторического исследования//Творчество и социальное познание. М., 1982. С. 81—97.

[5] *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Методологический анализ науки (типы и уровни)//Философия, методология, наука. М., 1972. С. 14.

сти специальных наук в конечном итоге является предметом философского исследования, причем в зависимости от уровня общности методов специальных наук, от способов теоретизирования в этих науках по-разному осуществляется философская рефлексия над ними. Поэтому предмет общей методологии — философской методологической науки — неоднороден. Методы специальных наук не стоят вне общего методологического рассмотрения, они подключаются к арсеналу методологических средств, но не путем механического присоединения, а путем выделения особенностей специально-научных методов.

Многие авторы предлагают для уточнения структуры методологии ввести дополнительные звенья, позволяющие осуществить переход от одного уровня к другому, опираясь на разную степень общности используемых в науке методов: различают при этом частнонаучные, или специально-научные, методы, применяемые в отдельных отраслях знания; особенные (общенаучные) методы [6], действующие во всех науках, но для исследования отдельных сторон (индукция, дедукция, анализ, синтез и др.), причем их особенность подчеркивается в связи с наличием более общих методов — социально-философского, общесоциологического, общеисторического (исторический материализм) и общефилософского (материалистическая диалектика).

В. С. Готт, А. Д. Урсул, Э. П. Семенюк отмечают, что общенаучный уровень методологии, как самостоятельный, служит в качестве опосредствующего связь философии и специальных наук [7]. Для нас здесь важно то, что особенные (общенаучные) методы познания выступают как одна из задач методологического изучения, характеризующая особый уровень методологии. Это позволяет учесть включенность общественных наук в общенаучный «поток», представить их, с одной стороны, в их единстве с естественными и математическими дисциплинами, с другой — сохранить их специфические отличия. Методология общественных наук обладает чертами методологии обще-

---

[6] См.: *Кедров Б. М.* Наука (предмет, методы и структура научного познания)//Филос. энцикл. 1964. Т. 3. С. 564.

[7] См.: *Готт В. С., Урсул А. Д.* Общенаучные понятия и их роль в познании//Коммунист. 1974. № 9; *Семенюк Э. П.* Общенаучный уровень методологии как особая форма связи философии и социальных наук//Философские проблемы современного естествознания. Киев, 1977. Вып. 42; *Готт В. С., Семенюк Э. П., Урсул А. Д.* Категории современной науки: (Становление и развитие). М., 1984.

научной и в то же время определенными особенностями. Вопрос о последних тесно связан с пониманием специфики социального познания. Предмет методологии общественных наук обладает особенностями, присущими социальному знанию, и, следовательно, она строится с учетом законов социального знания.

В последние годы в связи с активным интересом к методологическим вопросам появилось представление, подтвержденное в ряде случаев практическими результатами, о возможности методологической экспликации для наук, относящихся к одному циклу, или, как иногда говорят, научному региону, возглавляемому ведущей в теоретическом отношении дисциплиной (лидером), в которой складываются так называемые «теории среднего уровня» [8].

Вопрос о выделении научного региона и в особенности ведущей его дисциплины далеко не всегда самоочевиден. Представляется перспективным выделение двух аспектов лидерства — практически-функционального и структурно-теоретического [9] при определяющей роли последнего. Очевидно, можно выделить конкретно-исторические аспекты лидерства, характеризующие особенности развития системы науки на определенном этапе.

Разработка вопроса о ведущем научном регионе в общественных наука́х должна вестись как с учетом опыта исследования этой проблемы в естествознании, так и с выяснением особенностей его постановки и решения для обществознания. (При этом фундаментальные дисциплины обществознания, по-видимому, обнаружат сходные

[8] См.: *Александров В. Б., Федотова В. Г.* Всеобщая история как теоретическая основа общенаучного метода исторических наук// Эмпирическое и теоретическое в гуманитарном познании. Калинин, 1978. С. 60—67; *Андреева Г. М.* О соотношении микро- и макросоциологии//Вопр. философии, 1970. № 7. С. 14—23; *Здравомыслова О. М.* Исторический материализм как методологическая основа специальных социологических теорий: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1981; Проблемы философии. Киев, 1977. Вып. 40; *Ядов В. А.* О соотношении теоретического и эмпирического подходов к конкретному социологическому исследованию//Методологические проблемы социального исследования. Л.. 1970; *Украинцев Б. С.* Марксистско-ленинская философия и методы общественных наук//Вопр. философии. 1977. № 7. С. 83—93; *Ярошевский М. Г., Гургенидзе Г. С.* Л. С. Выготский — исследователь проблем методологии науки//Вопр. философии. 1977. № 8. С. 91—105.

[9] *Баженов Л. Б., Ильин А. Я., Карпинская Р. С.* О лидере современного естествознания//Синтез современного научного знания. М., 1973. С. 122.

черты с лидером естественных наук.) Вероятно, выделение лидера социального знания связано с его онтологической значимостью для всех других предметных областей, с зависимостью других наук от предмета ведущего региона и его закономерностей. Таким предметом может быть, скорее всего, история человеческого общества, понимание законов которой определяет решение проблем в других общественных науках, и, следовательно, исторический материализм может быть рассмотрен как ведущая теоретическая дисциплина научного обществознания. Такая его роль еще раз позволяет подчеркнуть, что исторический материализм органически входит в систему марксистского обществознания и структурирует науки об обществе, участвуя в выделении присущих им объектных областей. Среди специальных общественных наук наиболее фундаментальное значение для других дисциплин имеет и политическая экономия.

Вопрос возникает не только в отношении ведущего региона, но и в отношении ведущей дисциплины в научном регионе. Какую дисциплину следует считать ведущей: наиболее развитую, или наиболее общую (фундаментальную), или методологически более важную, или эти три аспекта достаточно взаимосвязаны, чтобы использовать их все для характеристики регионального лидера? Всегда ли есть ведущая дисциплина? Всегда ли она единственная? Специфика обществознания в сравнении с естественными науками может обнаружить себя и при выделении ведущих дисциплин региона. Эти дисциплины, складывающиеся, как правило, на основе социально-философской (для общественных наук) теории общественно-исторического развития, сами выполняют функции теоретической основы и метода других наук своего региона. Данное положение наиболее ясно на примере политической экономии, выполняющей роль теоретической основы и метода экономических наук.

Значительный интерес в этом отношении представляет исследование М. Г. Ярошевским и Г. С. Гургенидзе методологических идей Л. С. Выготского[10]. Знакомство с исследованиями Л. С. Выготского по методологии науки показывает перспективность идеи выделения научного региона, а в нем ведущей теоретической дисциплины, которую он называет общей наукой[11]. Он пытался строить

---

[10] См.: *Ярошевский М. Г., Гургенидзе Г. С.* Указ. соч.

[11] См.: *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического

ее для психологии как общую теорию психологического процесса и методологически применять ее для решения конкретных задач. Авторы статьи справедливо показывают, что общая наука создавалась не просто как частнонаучная методология других наук региона «путем прямого распространения универсальных категорий и законов материалистической диалектики на область конкретно-научного познания» [12]. Работа этих принципов в конкретно-научном познании проявляется через их воплощение в «общей науке», т. е. в ведущей теоретической дисциплине научного региона. Ведущую теоретическую дисциплину можно рассматривать в качестве особого методологического уровня, на котором осуществляется синтез общих и специально-научных методов. Общая наука, задавая, в случае психологии, методы конкретно-научного анализа, неразрывно связана с философией. Своеобразие конкретно-научных категорий психологической науки опосредствовано здесь ее общенаучными категориями, которые сложились на базе философской методологии. На уровне общей науки происходит конкретизация философских категорий на материале изучаемой дисциплины.

Идея ведущей теоретической дисциплины научного региона и ее методологической роли хорошо прослеживается и на примере исторических наук. Всеобщая история выступает в них как теоретическая основа и метод конкретных исторических исследований.

Будучи наукой о наиболее общих законах общественного развития, исторический материализм обладает общеметодологической значимостью для всех наук об обществе. Представляя собой в то же время материалистическую теорию истории, он выступает как методология менее общего порядка — методология всеобщей (всемирной) истории, общеисторическая теория. Будем называть всеобщей или всемирной историей целостный процесс истории всего человеческого общества (ибо этот процесс является и всеобщим и всемирным). Открытие его единства, или всеобщности, однопорядково с признанием единства мира, оно не дано эмпирически, а требует вскрытия сущности, всеобщности закона. Онтологический смысл всеобщности, или единства, исторического процесса состоит в том, что история человечества является естественноисторическим процессом смены общественно-экономи-

---

кризиса//*Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291—436.

[12] *Ярошевский М. Г., Гургенидзе Г. С.* Указ. соч. С. 97.

ческих формаций. Этот закон объективно присущ истории и выступает как главная тенденция, основа многообразных конкретных реализаций. Исторический материализм выделяет его в чистом виде как логику истории. Реальная же история всего человеческого общества и исследование этой истории не тождественны закону общественно-экономических формаций и историческому материализму. Не совпадает всеобщая история и с суммой историй отдельных стран. Всемирность истории человечества заключается в том, что общественно-экономическая формация выступает как тип отдельного общества и одновременно как стадия в развитии человечества. Следовательно, в познании, осуществляемом в исторической науке, всемирность целостной человеческой истории отлична и от исторического материализма, и от суммы конкретных историй.

Методологические принципы реконструкции истории всего человеческого общества широко обсуждались историками и философами. В ходе обсуждения было выяснено, что задача всеобщей истории — исследование основных линий развития, требующее «логического выпрямления» истории, раскрытия всеобщего через особенное, через конкретно-исторические формы. Здесь решается проблема соотношения логического и исторического. Выбор особенного, т. е. объектов исторического исследования, определяется историческим материализмом как теоретическим методом всеобщей истории на основе двух аспектов диалектико-материалистической методологии: использования принципа историзма, который требует исследования объекта при его достаточной зрелости, развитости, достижения классической формы [13], и идеализации, которая в данном случае выступает как выделение таких объектов из их многообразия, которые в своей классически развитой форме приближаются к логически чистым [14]. Это не просто частнонаучная идеализация, а диалектическое обобщение, осуществляемое на уровне ведущей теоретической дисциплины исторической науки.

Теоретические выводы всемирной (всеобщей) истории

---

[13] См.: *Караваев Г. Г.* Исторический материализм — метод познания общественных явлений. М., 1973; *Коршунов А. М., Шаповалов В. Ф.* Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984.

[14] См.: *Барг М. А.* Понятие всемирно-исторического как познавательный принцип исторической науки. М., 1973; *Он же.* Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 26—61.

выступают одновременно как метод истолкования фактов в частных исторических исследованиях и как теоретическая основа общенаучного метода исторических наук. Об исторических науках мы говорим здесь в самом узком смысле как о науках, воспроизводящих реальный исторический процесс развития человеческого общества во всем его многообразии и полноте. Каково бы ни было профилирование исторического исследования, всеобщая история выступает определителем его исследовательских задач. Социально-философский уровень методологии, выступающий одновременно и как общеисторический, конкретизирован, таким образом, более специализированным подходом, применимым на уровне всеобщей, всемирной истории. Исторический материализм как общеисторическая теория и всеобщая история как собственно историческая теория представляют свои теоретические выводы в качестве методологических для наук исторического цикла. Конкретные исторические науки определяют своим содержанием выработку конкретных исследовательских методик и программ. В историческом знании действуют, таким образом, общенаучные методологические принципы, в соответствии с которыми теория более общего порядка выступает как метод построения теории более низкого уровня, способ объяснения фактов в этой теории.

Критерием приведенного выше выделения методологических уровней является степень общности методов. Но это выделение не является абсолютным. Опосредствующие звенья (общая наука), как способ содержательной интерпретации философской методологии на материале конкретных наук и особый методологический уровень, усиливают возможность сознательного применения общефилософской и общесоциологической методологии в частных науках. При этом, однако, нельзя отрицать возможности прямых взаимодействий общефилософского и социально-философского методологических уровней с конкретно-научными исследованиями. Они обнаруживаются на любом уровне там, где возникает проблема отношения субъекта и объекта, например вопрос об интерпретации теоретических конструктов путем соотнесения их с объективным миром. Такой вопрос встает в общественных науках, например в экономических, где используются методы моделирования, идеализации. Второй путь непосредственной связи философской методологии и научных исследований заключается в извлечении универсальных черт специально-научных методов и анализа их значения

в науке. Например, количественные методы в экономике не являются предметом философского анализа, но если проследить наличие в них универсального, выходящего за пределы экономики, то можно увидеть прямую работу философской методологии на конкретно-научном уровне. Раскрытие структуры методологии и роли исторического материализма в формировании ведущих теоретических областей научных регионов в обществознании важно для уяснения специфических функций социально-философского уровня в социальном познании. Ныне стала распространенной позиция, что как диалектический, так и исторический материализм имеют общенаучное методологическое значение и что представленная структура методологии относится к науке в целом. Литература по методологии естествознания убедительно раскрывает методологическую роль исторического материализма также и в естествознании, показывает зависимость уровня достигнутого знания от конкретно-исторического уровня практики и соответствующего ей уровня науки. В этом смысле не только процесс получения знания в естествознании, процесс развития науки, но и ее содержание нельзя понять без социально-философского подхода. Например, без исторического материализма нельзя понять связь этапов развития естествознания (и соответствующее им изменение его познавательных средств и методов) с этапами развития промышленности, так называемые «латентные» социальные влияния на основные понятия естествознания, роль прямого социального заказа.

Вместе с тем различие в методологической роли исторического материализма в естественнонаучном и социальном познании велико. Стремясь к объективности знания, любая наука добивается тождества добываемого ею знания с предметом изучения. Предмет естествознания — природа предполагает элиминацию социально-культурных факторов из содержания знания. Как бы сильно ни влияли они на процесс получения знания, на его объем и характер, полноту соответствия объекту, в содержании физических и прочих теорий мы не найдем прямо представленных социальных и культурных явлений. В обществознании же воспроизводятся такие объекты, социальная сущность которых определяет решающую роль исторического материализма в самом содержании знания о них, т. е. без исторического материализма недостижима объективность социального познания, невозможно его структурирование, формирование ведущих теоретических

дисциплин научных регионов. Следовательно, выделение методологических уровней позволяет не только уточнить структуру методологии, но и выявить специфические функции исторического материализма в методологии общественных наук. Кроме того, выделение уровней методологии позволяет глубже и реалистичнее понять связь философских и специально-научных методов.

Анализ структуры методологии, иерархии ее уровней и участия исторического материализма в методологической работе на специально-научном уровне позволяет наметить этапы освоения философского знания в специальных общественных науках, равно как и пути взаимодействия философии и обществознания.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НАУЧНЫЙ ИСТОРИЗМ КАК МЕТОД ПОЗНАНИЯ

В последние годы заметно усилился интерес философов, всех обществоведов к проблематике теории и методологии исторического познания. Об этом свидетельствует необычайно быстрый рост числа публикуемых работ на данную тему[1]. Вполне естественно, что такой интерес проявляют в первую очередь специалисты-историки, стремящиеся более строго и в соответствии с возросшим уровнем исторического знания определить предмет и методы собственной науки. Симптоматично, однако, то, что подобный интерес перерастает сегодня рамки конкретной исто-

[1] Помимо уже хорошо известных и выпущенных ранее работ по методологии исторического познания, принадлежащих таким авторам, как Б. С. Грушин, И. С. Кон, А. И. Уваров, Н. П. Французова, Г. А. Подкорытова, В. С. Добриянов, В. В. Иванов и ряд других, назовем некоторые из тех, которые сравнительно недавно увидели свет и обратили на себя внимание научной общественности: *Кохановский В. П.* Историзм как принцип диалектической логики. Ростов н/Д, 1978; *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1980; *Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981; *Ракитов А. И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982; Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982; *Лооне Э.* Современная философия истории. Таллин, 1980; *Иванов В. В.* Историзм в ленинской методологии научного исследования. М., 1982; *Барг М. А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984.

рической науки, проникая в иные, лежащие, казалось бы, за ее пределами области обществознания — социологию, политическую экономию, науковедение, культурологию и т. д. Нельзя не увидеть в этом прямое следствие отчетливо наблюдаемого в настоящее время процесса бурной «историзации» общественных наук, их поворота в сторону исторического подхода к познанию своего предмета [2].

Наше время с его бурно протекающими изменениями и острыми конфликтами как бы заново открывает ту простую истину, что человек живет в истории, что все происходящее с ним и вокруг него уходит корнями в прошлое и имеет продолжение в будущем, что мир предельно динамичен, подвижен и не может быть теоретически представлен в виде каких бы то ни было устойчивых, неизменных систем и структур. Общество не стоит на месте, и пытаться его понять как функционирующее целое, лишенное элемента развития,— значит закрывать себе путь к его научному объяснению. А там, где мы имеем дело с развитием, с изменениями не только количественного, но и качественного порядка, там методы, ориентированные на описание лишь статических состояний, оказываются малопригодными. Объективная логика развития может быть выявлена в логике только такого исследования, которое обладает всеми признаками и достоинствами исторического познания. Исторический метод и предстает сегодня как наиболее созвучный нашему времени метод научного познания социальной действительности.

---

[2] Интересно отметить, что и среди ученых-естественников все более растет убеждение в необходимости применения исторического подхода к познанию процессов и явлений природы. По словам советского физика Я. А. Смородинского, «классической физике были чужды идеи эволюции и историзма. Современная физика через космологию приобщается к идее развития, и космологические аргументы, по-видимому, очень существенны для понимания микромира, в котором далеко не все объяснимо „локально“, т. е. без учета эволюции, без учета истории тех процессов, которые привели мир к его современному состоянию; в каком-то виде микромир должен „помнить“ свою историю» (*Смородинский Я. А.* Развитие основных понятий в физике XX века//Современное естествознание и материалистическая диалектика. М., 1977. С. 139. Примеч. 16).

§ 1. Принцип конкретности развития в историческом познании

Под историзмом, или историческим типом мышления, принято понимать познание явлений действительности (как природных, так и социальных) под углом зрения их происхождения и развития. Принцип развития оказывается, таким образом, главным, определяющим принципом исторического познания. В философии марксизма он осознается как отражение универсального, всеобщего закона существования природного и социального мира. Соответственно и проблематика исторического познания имеет здесь статус общенаучной проблематики, характеризует научное познание в целом, а не только его отдельную и специализированную отрасль. В этом смысле, очевидно, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что они знают «только одну единственную науку, науку истории» [3], подразделяя ее на историю природы (естествознание) и историю людей. Данную науку нельзя поэтому отождествлять с какой-то отдельной, частной дисциплиной, например исторической, интересующейся лишь прошлым человечества. Создание единой исторической картины мира, последовательно охватывающей все звенья мирового процесса, служит для основоположников исторического материализма общей программной установкой будущего развития науки [4].

Для многих вышедших за последние годы работ по методологии исторического познания характерно отождествление последней с методами исторической науки как частной дисциплины. Следует, очевидно, согласиться с мнением М. А. Барга, различающего философский и исторический уровни разработки проблем исторического познания. «К сожалению,— пишет он,— проблема разграничения этих уровней в зависимости от познавательных целей и форм каждой из упомянутых дисциплин (философии и истории.— *В. М.*), равно как и система понятий, наиболее выпукло отражающих суть этой специфики, остаются до сих пор слабо изученными» [5]. Нас, разумеется, будет интересовать философская проблематика исторического познания, которая не исчерпывается и не сводится к проблематике одной лишь исторической науки.

---

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16 (примеч.).
[4] См.: Там же. Т. 42. С. 124.
[5] *Барг М. А.* Указ. соч. С. 3.

Что характеризует философский уровень рассмотрения проблем исторического познания?

Поскольку развитие является необходимым атрибутивным признаком материального мира в целом, постольку любой вид научного знания об этом мире подпадает под понятие исторического познания. Не является ли в таком случае историческое познание всего лишь синонимом диалектического мышления? Ведь диалектический метод и есть метод познания действительности под углом зрения ее развития. И не исчерпывается ли тогда проблематика исторического познания задачей разработки законов и категорий диалектики?

Диалектический метод мышления, действительно, в наиболее концентрированном и обобщенном виде выражает сущность и смысл исторического познания. Последнее в любом случае имеет дело с развивающимися объектами и не может не быть поэтому познанием диалектическим. В отличие, однако, от диалектики как общей теории развития историческое познание имеет свою специфику: оно ставит своей целью выявление особого характера развития в той или иной конкретной области действительности. В историческом познании мы имеем дело не с развитием «вообще», а с развитием вполне определенного и конкретного объекта — природного или социального, материального или духовного. В этом смысле нет и истории «вообще»: последняя всегда есть история чего-то или кого-то. Можно сказать, что историческое познание есть применение общих законов и категорий диалектики к познанию специфически особых явлений и предметов действительности.

В историческом познании вопрос о развитии неотделим от вопроса о том, где, когда и с чем (или с кем) это развитие происходит. В нем всегда учитывается место (пространство) и время происходящего развития, а также особый характер явления, претерпевающего его. Если в законах и категориях диалектики фиксируются такие характеристики развития, которые свойственны любой его форме и обнаруживают себя в любом отрезке пространства и времени (в этом смысле они лишены предметных и пространственно-временных ограничений), то в историческом познании эти характеристики наполняются, так сказать, конкретным содержанием, облекаются в «плоть и кровь», обретают пространственно-временную определенность. Историческое познание есть, таким образом, не просто осознание общих законов развития в их отвлечен-

ности от конкретных явлений и предметов, а познание самих этих явлений и предметов в процессе их развития. Как правильно отмечает И. С. Кон, «историзм, в его марксистском понимании, не ограничивается указанием на закономерность процесса развития в целом, он ориентирует на конкретное изучение особенностей *каждого отдельного* явления, его собственных фаз и состояний» [6].

Но именно в переходе от общей теории развития, представленной в законах и категориях диалектики, к изучению развития в его особенных формах заключается специфическая сложность исторического познания. Ведь одно дело говорить о развитии в общей форме, на уровне философской теории и совсем другое — исследовать развитие, оставаясь на почве конкретных фактов, сохраняя и учитывая особенность и неповторимость исследуемого явления. Ф. Энгельс отмечал, что со времени Гегеля «великая основная мысль,— что мир состоит не из готовых, законченных *предметов*, а представляет собой совокупность *процессов*, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, причем поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь... до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде» [7]. «Но,— подчеркивал далее Ф. Энгельс,— одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования» [8].

Можно знать, например, что противоречие является внутренним источником развития, но куда труднее обнаружить его в конкретно изучаемом явлении или процессе. Не потому ли в научном познании нередко возникают ситуации, когда принцип развития, постулируемый в качестве общего методологического принципа, в конкретном исследовании не обладает достаточной результативной силой? Познание в этом случае только по видимости оказывается историческим, оставаясь по существу лишь описанием отдельных и внутренне не связанных между собой фактов. Абстрактный подход к развитию (вне изу-

---

[6] *Кон И. С.* История в системе общественных наук//Философия и методология истории. М., 1977. С. 7.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 302.
[8] Там же.

чения конкретных фактов), как и простая констатация этих фактов (вне изучения проявляющегося в них и через них процесса развития), не может называться историзмом в подлинно научном смысле этого слова.

Суть отстаиваемого марксизмом отношения к историческому познанию состоит в утверждении не просто принципа историзма, а *научного историзма*. Как особый тип сознания историзм возник задолго до появления марксизма: те или иные проявления исторического сознания можно обнаружить практически во всех духовных напластованиях прошлого — вплоть до мифологических представлений родового общества. Когда же историческое познание выделилось в особую сферу познавательной деятельности,— в лице, например, философии истории или просто «истории» (эмпирической историографии), обязанных своим происхождением античным мыслителям,— оно отнюдь не соответствовало критериям подлинной научности. Для первой были характерны абстрактно-умозрительные, спекулятивные и мало считающиеся с действительными фактами философско-исторические схемы, для второй — чисто эмпирическое описание событий прошлого, лишенное внутренней связи и единства. Домарксовский историзм, следовательно, страдал либо крайней умозрительностью в своем понимании истории, либо не менее крайней эмпиричностью в ее изучении. Отсюда и характерный для него разрыв между теоретическим пониманием истории и ее эмпирическим изучением.

В рамках данного типа идея развития представала скорее как чисто философская идея, трудно согласующаяся с эмпирическим материалом исторической науки. Факты, с которыми имел дело историк, не всегда и не во всем поддавались истолкованию в духе той или иной концепции развития, вырабатываемой в лоне философского знания. Все это приводило к выводу о принципиальном расхождении, даже противоположности, между философией истории и эмпирической историографией. Подобное представление постоянно рождало чувство недоверия и отчуждения между философами и историками [9].

---

[9] По словам французского историка А.-И. Марру, до сих пор «профессиональные историки относятся весьма недоверчиво ко всякой Geschichtsphilosophie» (цит. по кн.: *Вайнштейн О. Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979. С. 15).

Выход из данной ситуации был указан материалистическим пониманием истории, осознавшим и материалистически истолковавшим идею развития не в ее общем, абстрактно-отвлеченном виде, а применительно к сфере общественной жизни людей. Исторический материализм не просто постулировал факт развития общества (это было известно и до него), а научно обосновал особенность, специфику такого развития по отношению к развитию природного мира. Тем самым была достигнута та необходимая степень конкретизации данной идеи, которая придавала ей характер уже не умозрительно-философской концепции, а научного принципа общественно-исторического познания.

Конкретность есть вообще необходимое свойство научности. По отношению к историческому познанию конкретность означает не просто признание развития как общего условия существования действительного мира, а уяснение его специфически особого характера в каждой определенной части этого мира. *Конкретность развития* — вот что в наибольшей степени характеризует научный историзм. С этой точки зрения он может быть назван также *конкретным историзмом*, конкретно-историческим подходом к познанию действительности. Понятие «историзм» фиксирует здесь направленность на процесс развития, тогда как понятие «научный» указывает на то, что речь идет не о развитии вообще, а о развитии вполне конкретных явлений и предметов действительности.

Следует подчеркнуть, что конкретность есть признак не историзма вообще, любой формы историзма, а только научного историзма. Историзм, как мы уже говорили, может быть и абстрактным. Таковы все формы донаучного историзма, стремившегося понять природу развития вне анализа специфики развивающегося объекта. Примером здесь может служить идея «прогресса вообще», фиксирующая развитие общества безотносительно к особенным формам его существования. «Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом,— писал В. И. Ленин,— в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал *научный* анализ *одного* общества и *одного* прогресса — капиталистического» [10].

Принцип научной конкретности нельзя сводить лишь к эмпирической полноте исследования, ограничивать его

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 143.

рассмотрение обсуждением вопросов о природе исторического факта, исторического источника, исторического описания и т. д. Конкретность исторического исследования иногда усматривают в его фактической обоснованности, в опоре на источники, в учете относящегося к делу эмпирического материала. Отсюда часто встречающееся отождествление конкретного в историческом познании с его эмпирическим базисом, который противопоставляется теоретическим — «общим», «абстрактным» выводам и положениям [11].

Конкретное в научном исследовании действительно противостоит абстрактному. Однако данное противопоставление нельзя отождествлять с соотношением эмпирического и теоретического. Несомненно, что эмпирическая обоснованность знания, то, что К. Маркс называл «конкретным, данным в представлении», является необходимым условием его конкретности. Именно в этом смысле В. И. Ленин говорил о необходимости «брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...» [12]. Но вместе с тем он решительно выступал против сведения исследования к «игре с фактами» против произвольного выхватывания «*отдельных* фактиков». «Факты,— подчеркивал В. И. Ленин,— если взять их в их *целом*, в их *связи*... безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются... только игрушкой...» [13]. Важнейшим условием конкретности познания являются тем самым не факты сами по себе, а факты, взятые в их связи, в их целостности.

Конкретное в познании нельзя свести поэтому к одной лишь его эмпирической основе. Познание обретает характер конкретности в силу своей не только эмпири-

---

[11] Тот же вопрос ставит и М. А. Барг. «Какое знание,— пишет он,— заслуживает наименования „конкретное“? Равнозначны ли — поскольку речь идет об историческом знании — понятия „конкретность“ и „фактографичность“? Наконец, какой срез (уровень) исторической действительности должен быть изучен и каким образом он должен быть воспроизведен в историческом исследовании, чтобы его результаты отвечали указанному требованию, т. е. чтобы объект был представлен „во всей его конкретности“? Таковы вопросы, которые в рамках прикладной методики исторической науки связываются в единый узел, известный под названием „исторический факт“» (*Барг М. А.* Указ. соч. С. 141).

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 351.

[13] Там же. С. 350.

ческой, но и теоретической обоснованности, достигаемой «посредством мышления». «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления»[14]. Соответственно и конкретность исторического познания заключается не просто в достоверном воспроизведении эмпирически наблюдаемых фактов, но и в выработке объясняющей их *исторической теории*.

Теория не противостоит истории как абстрактное конкретному. Наоборот, только теория способна придать историческому познанию научную конкретность. И поэтому только в своей теоретической форме историческое познание может достигнуть уровня действительной науки. Историческая теория есть, таким образом, теория развития конкретного объекта (или теория развивающегося объекта), ставящая своей главной задачей обнаружение объективных законов этого развития. Соответственно совокупность условий, приемов, принципов выработки такой теории может быть названа методом научного историзма, который не сводится к процедурам одного лишь эмпирического описания объекта, а представляет собой способ его мысленного воспроизведения в теории — теоретический метод познания.

Развитие того или иного объекта вообще не может быть понято и проанализировано на уровне его эмпирического описания. Этим, в частности, объясняется то, что эмпирическая историография отказывалась, как правило, от формулировки каких-либо исторических законов, ограничивая себя изучением единичных, индивидуальных явлений и событий. Развитие может быть познано только через закон, определяющий его, а это достигается на уровне теоретического мышления, обладающего способностью к научному обобщению.

Теория, разумеется, не отрицает эмпирии, а предполагает и объясняет ее. Но она не сводится и к простой констатации эмпирических данных, к их только формально-логическому обобщению и классификации. Недостаток эмпирико-индуктивистской модели науки, возникшей на базе эмпирического естествознания и затем превращен-

---

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 37.

ной неопозитивизмом в идеал научности вообще, особенно четко обнаруживается именно тогда, когда перед наукой встает задача познания предметов и явлений в их изменении и развитии, т. е. задача создания уже не абстрактно-общей, а исторически-конкретной теории.

Каким же образом может быть создана такая теория? Этот вопрос, несомненно, находился в центре логико-методологических изысканий классиков марксизма при разработке ими экономической теории капитализма. «Тут,— как отмечал Ф. Энгельс,— надо было решать... вопрос, который не имеет отношения к политической экономии как таковой» [15],— вопрос, ка́к развивать науку. То есть речь шла не просто о создании политической экономии как науки, а о выработке теории, способной объяснить законы развития буржуазного производства, а именно о выработке исторической теории. Отсутствие историзма в понимании капиталистических производственных отношений и, как следствие, их фетишизация — вот, по К. Марксу, главный порок буржуазной экономической науки.

Единственно пригодным методом для создания исторической теории мог стать, как писал Ф. Энгельс, диалектический метод, освобожденный от спекулятивно-идеалистической формы, которую он приобрел у Гегеля. «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению» [16]. Данный метод Ф. Энгельс называет «логическим способом рассмотрения» предмета, который является «тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы (т. е. от формы литературного отражения истории буржуазного общества в истории политэкономической науки.— *В. М.*) и от мешающих случайностей» [17]. Сущность логического (т. е. теоретического) рассмотрения исторической действительности Ф. Энгельс формулирует следующим образом: «С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действитель-

[15] Там же. Т. 13. С. 495.
[16] Там же. С. 497.
[17] Там же.

ный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы»[18]. Историческая теория дает, следовательно, теоретическое воспроизведение реального исторического движения согласно действующим в нем законам, а не просто исходя из сопутствующей ему массы случайных фактов и обстоятельств. Теория, основанная на законах развития, исходящая из них в объяснении действительности, характеризует историческое познание со стороны не только его научной конкретности, но и объективности. Объективность исторического познания заключается в его способности воспроизводить развитие в его действительном, а не вымышленном виде. Говоря иначе, такая теория позволяет представить развитие как естественноисторический процесс, подчиненный действию «естественных законов».

В этом смысле нет существенного различия между естественнонаучным и общественным познанием. В той мере, в какой они обретают характер исторического познания, т. е., по терминологии Ф. Энгельса, характер «упорядочивающей науки», их роль сводится к осознанию и теоретическому воспроизведению объективных законов развития, действующих либо в природной (для естествознания), либо в общественной (для общественных наук) сфере действительного мира. Поэтому все, что мы говорили до сих пор об историческом познании, в одинаковой степени применимо как к познанию природы, так и к познанию общества. Но на этом и кончается общее между ними. Объективность исторического познания в сфере социальных наук достигается иными, чем в естествознании, логическими средствами в силу специфичности исследуемого ими объекта. И только при учете этой специфичности можно до конца понять сущность метода научного историзма.

§ 2. *Научный историзм в общественном познании*

Переход конкретной науки с позиции *«собирающей»* на позицию *«упорядочивающей»*[19], связанный с утверждением исторического взгляда на мир,— сложный процесс. И как это ни парадоксально, всего труднее этот процесс

---

[18] Там же.
[19] См. об этом: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 303.

шел в общественных науках (в отличие от естествознания, где он был подготовлен рядом выдающихся научных открытий, в частности открытием клетки, закона превращения энергии, эволюционной теории происхождения живых организмов), которые по одному своему предмету исследования, казалось бы, обязаны быть науками историческими. Но истинный историк не тот, кто изучает историю, а тот, кто мыслит исторически, кто является историком не только по предмету, но и по способу своего мышления. Если по своему предмету наука и может считаться исторической (поскольку имеет дело с фактами истории), то по способу исследования, по характеру подхода к нему она может быть (и часто является) наукой не исторической и даже антиисторической. Внеисторический подход к исторической действительности свидетельствует о том, что историческая наука существует в данном случае только по форме, по чисто внешнему признаку, но никак еще не по существу.

Возможность перехода в рамках общественных наук на позиции историзма связывается в марксизме не только с методологической, но прежде всего с социально-классовой позицией исследователя. Это-то и придает процессу «историзации» общественных наук особую сложность по сравнению с науками естественными. Данный процесс не может быть подготовлен одной только логической перестройкой сознания, простой сменой теоретико-познавательных установок. Он требует особого — в конечном счете критического — отношения исследователя к познаваемой действительности — разумеется, не в смысле ее абстрактного отрицания, а в смысле уяснения ее исторически конечных пределов и границ, в смысле установления ее особенного и потому преходящего характера. Исторически мыслящий человек не может быть апологетом наличного порядка вещей уже по той простой причине, что, как только он придает ему вечный, неизменный и, следовательно, вневременной характер, он тотчас же покидает почву историзма, для которого любое состояние есть состояние временное и исчезающее во времени. Поэтому историзм — не только логический прием, но именно позиция, заключающая в себе критическое осознание эпохи, ее самокритику. Самокритичность исторической эпохи, по Марксу,— решающее условие объективного (а не одностороннего) понимания ею других эпох. Историческое «самодовольство», превратно судящее о собственном месте в истории, увековечивающее и абсолютизи-

рующее его, не способно увидеть в других эпохах ничего иного, кроме как одностороннее изображение самого себя. «Так называемое историческое развитие,— писал К. Маркс,— покоится вообще на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике... Так и буржуазная политическая экономия лишь тогда подошла к пониманию феодальной, античной, восточной экономики, когда началась самокритика буржуазного общества» [20].

Однако не всякая критика существующего ведет к научному историзму. В XIX в., как известно, не было недостатка в различного рода опытах критического осмысления буржуазной действительности. Не говоря уже о социалистах-утопистах, критический пафос пронизывает и романтическое и либеральное крыло буржуазной идеологии. Критика составляла неотъемлемый элемент даже таких идейных программ, которые не ставили перед собой далеко идущих целей. Будучи направлена, однако, не столько на выявление объективных условий существования критикуемого явления, сколько на изобличение его отрицательных последствий для «человека вообще», абстрактного человека, такая критика неизбежно приобретала вненаучный, «морализирующий», а то и откровенно «мистический», по выражению К. Маркса, характер.

С другой стороны, изображение реальной действительности в буржуазной общественной науке, например экономической, при всей, казалось бы, заземленности и приближенности к эмпирическим фактам, утрачивало всякий налет самокритичности и, следовательно, историчности в ее объяснении. Показательна в этом смысле оценка К. Марксом взглядов физиократов — ранних представителей буржуазной политической экономии. Отмечая, что «для них буржуазные формы производства с необходимостью принимают вид естественных форм производства», он ставит им в заслугу то, что «они рассматривали эти формы как физиологические формы общества: как формы, вытекающие из естественной необходимости самого производства и не зависящие от воли, политики и т. д. Это — материальные законы; ошибка состоит здесь лишь в том, что материальный закон одной определенной исто-

---

[20] Там же. Т. 46, ч. I. С. 42—43.

рической ступени общества рассматривается как абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми формами общества»[21].

Ошибкой физиократов (как и всего последующего развития буржуазной политэкономии) является, следовательно, неспособность сочетать в единой системе знания материалистическое истолкование законов общественного производства с их историческим объяснением, с пониманием их исторически-конкретного характера. В результате они приходят к натурализации этих законов, придающей им вид абстрактно-общих законов, действующих во всех формах общества (по прямой аналогии с законами природы). Подобный материализм, исключающий исторический процесс, К. Маркс называл «абстрактным естественнонаучным материализмом»[22].

Переход на позиции научного историзма, или, что то же самое, исторического материализма, сочетающего в себе материалистическое и одновременно историческое понимание действительности, требует преодоления не только идеалистического, но и натуралистического ее истолкования. Именно натурализм является главным противником историзма в общественных науках, ощутимо дающим о себе знать и в практике современного научного исследования.

Весьма характерным является отношение натуралистического позитивизма к истории и к исторической науке. Признавая историю в качестве эмпирически существующего факта, он упраздняет ее в ходе последующего теоретического объяснения, усматривая за любыми возможными и видимыми переменами вечную и неизменную природу человека. В этом состоит принципиальный теоретический антиисторизм позитивистской (т. е. по существу натуралистической) общественной науки, сводящей историю лишь к сумме эмпирических фактов, которую только надо обнаружить и описать со всей возможной точностью и достоверностью.

С другой стороны, в области социально-теоретического познания натурализм в лице социологического позитивизма теряет историю, стремится освободиться от нее, с тем чтобы достигнуть в знании о человеке той же общезначимости, какая свойственна наукам о природе. Иными словами, в пределах теоретического знания натурали-

---

[21] Там же. Т. 26, ч. I. С. 12.
[22] Там же. Т. 23. С. 383. Примеч. 89.

стический позитивизм не видит существенного различия между науками о природе и обществе. В результате различие между природным и общественным процессами получает в нем только эмпирическое, но никак не теоретическое обоснование. На уровне теории существование общества оказывается проявлением все той же природной необходимости, порождением естественной связи причин и следствий.

Натурализация общественных связей и отношений, отрывающая их от человеческой деятельности, оборачивается антиисторическим объективизмом, который не имеет ничего общего с подлинной научностью. «Так называемая *объективная* историография заключалась именно в том, чтобы рассматривать исторические отношения в отрыве от деятельности. Реакционный характер»[23],— подчеркивал К. Маркс.

Объективизм в науке — это лишь видимость науки, которая в конечном счете смыкается с субъективизмом и идеализмом. Сущность его состоит в отказе от определенной — классовой, партийной — исторической оценки изучаемого явления, в отрыве теоретического познания от практического дела. Утверждая независимость теоретического объяснения от социально-классовой позиции исследователя, от целей и задач революционной практики, объективизм порывает именно с объективным пониманием характера происходящего движения, закрывает себе путь к объяснению сущности и смысла исторического процесса. Доказывая «необходимость данного ряда фактов», он, по словам В. И. Ленина, «всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов»[24]. При всем демонстрируемом им «уважении» к фактам, при всей видимости «научности», «непредвзятости», «достоверности» своих выводов и обобщений объективизм тем не менее представляет собой постоянный пример теоретического произвола и схоластики, абстрактной «игры в фактики», вполне допускающей их самые неожиданные комбинации и группировки. В этом смысле объективизм есть прямой антипод научного историзма, стремящегося поставить каждый факт в определенный исторический контекст, выявить его социально-классовое содержание, раскрыть выраженные в нем тенденции общественного развития.

Несостоятельность натурализма, позитивизма, объек-

---

[23] Там же. Т. 3. С. 39. Примеч.
[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 418.

тивизма для общественного познания достаточно полно раскрыта и подвергнута критике в нашей философской литературе. Вместе с тем нельзя сказать, что метод научного историзма применяется достаточно последовательно к познанию конкретных явлений и процессов в обществознании. Утверждение принципа научного историзма в общественных науках предполагает в первую очередь преодоление «постулата онтологического натурализма». Последнее связано с признанием не только развития общества, но и его качественного отличия от развития природы. Здесь обнаруживается прямая зависимость методологии общественно-исторического познания от теории общественного развития, раскрывающей специфику и особенность предмета исследования общественных наук.

История людей как объект познания в одном пункте существенно отличается от истории природы: если природа существует (и может быть поэтому теоретически представлена) независимо от человека и человеческой деятельности, то человеческая история существует постольку, поскольку существуют сами люди, активно и до всякого познания осуществляющие процесс исторического развития. Подчеркивая это принципиальное различие между природой и человеческой историей, Ф. Энгельс писал, что «и животные имеют историю, именно историю своего происхождения и постепенного развития до своего теперешнего состояния. Но они являются пассивными объектами этой истории...» [25]. Человек же является творцом, субъектом истории, он сам создает необходимые условия и предпосылки своего исторического существования.

Объект социально-исторического познания, следовательно, не только познается, но и создается людьми: прежде чем стать таким объектом, он должен быть ими предварительно создан, сформирован. В общественно-историческом познании человек имеет дело, таким образом, с результатами собственной деятельности, а значит, и с самим собой как практически действующим существом. Будучи субъектом исторического познания, он оказывается — в качестве субъекта практической деятельности — и его объектом. В этом смысле историческое познание есть общественное самопознание человека, в ходе которого он открывает для себя и исследует свою собственную исторически создаваемую им общественную сущ-

---

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 358.

ность. Методологическая сложность общественно-исторического познания, отличающая его от познания естественнонаучного, в том и состоит, что оно является не просто знанием человека о чем-то другом, что противостоит ему в качестве независимого от него предмета, но и знанием о самом себе, получающем, однако, форму не отвлеченного философского рассуждения, а научно-теоретического исследования, базирующегося на всем богатстве фактических данных.

Историческая практика во всем ее объеме и содержании выступает здесь, таким образом, не только как критерий истинности исторической теории, не только как источник потребности в ней, но и как предмет ее непосредственного интереса. Можно сказать, что социально-историческое познание — в той мере, в какой оно претендует быть научным,— есть теория практики, теоретическое постижение законов практической деятельности людей, которые в конечном счете и оказываются законами исторического развития. Если задачей любой науки является открытие законов существования и развития той или иной предметной области действительности (ибо без стремления сформулировать такой закон нет и не может быть никакой науки), то в границах общественно-исторического познания эти законы не могут быть не чем иным, как законами материальной и духовной деятельности людей, благодаря которым только и возможна их история. Подобное понимание исторической реальности — как закономерно осуществляемой человеческой деятельности — марксизм и противопоставил «онтологическому натурализму» общественных наук с его отождествлением природных и социальных закономерностей.

Научный историзм не имеет ничего общего и с историческим телеологизмом. В своем познании истории он апеллирует не к абстрактно сформулированной «цели истории», не к ее «смыслу» или «идеалу», изначально предопределяющему ход событий (подобного рода терминология вообще отсутствует в научном лексиконе классиков марксизма) [26], а к ее объективно складывающемуся

---

[26] В этом смысле К. Маркс и Ф. Энгельс писали о том, что «коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 34).

результату, возникающему чаще всего помимо воли и сознания людей. Потребность в научном познании истории вообще возникает там, где последствия человеческой деятельности перестают соответствовать ожиданиям людей, где их стремления, интересы и цели наталкиваются на неподатливость, сопротивляемость исторического материала. В ситуации расхождения между целями и результатами общественно-исторической деятельности (примером здесь может служить отчетливо выявившийся в буржуазном обществе крах просветительского идеала «разумного государства») наука оказывается единственным средством обнаружения действительных причин этого расхождения, коренящихся в самой природе осуществляемого на данном этапе типа деятельности. Тем самым социально-историческое познание исходит не из субъективно постулируемых целей людей, а из объективных результатов их предшествующей деятельности, которые являются одновременно и необходимой предпосылкой их будущей деятельности.

Отсюда следует, что задачей научно-исторического познания является такой анализ настоящего, который, обнаруживая в нем объективный результат предшествующего развития, способен раскрыть его как необходимую и закономерную предпосылку будущего развития. Увидеть в настоящем момент перехода от прошлого к будущему — значит ухватить в нем сам процесс исторического развития. Научно-историческое познание предстает с этой точки зрения не как простое описание прошлого развития и не как пророчество о будущем, а как именно теоретическое осознание законов движения от прошлого к будущему — законов, которые и определяют ход истории.

Согласно Марксу, именно настоящее, современное, реально существующее должно стать прежде всего предметом исторического рассмотрения. Историк — не тот, кто судит о прошлом в отрыве от настоящего, а тот, кто судит о настоящем в контексте прошлого и будущего. Исторически понять настоящее — значит обрести ключ к пониманию прошлого и будущего. Такой подход позволяет понять не только особый характер настоящего, но и характер прошлого, содержащего в себе предпосылки настоящего, а также характер будущего, предпосылки которого зреют в настоящем. «Наш метод,— писал К. Маркс, характеризуя особенность своего исторического подхода к анализу капиталистической экономики,— показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмот-

рение предмета, т. е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства... Эти указания наряду с правильным пониманием современности дают в таком случае также и ключ к пониманию прошлого... С другой стороны, это правильное рассмотрение приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему. Если, с одной стороны, добуржуазные фазы являются *только лишь историческими*, т. е. уже устраненными предпосылками, то современные условия производства выступают как *устраняющие самих себя*, а потому — как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя»[27]. Исторический метод позволяет, стало быть, увидеть в настоящем такую особенную форму исторического развития, которая заключает в себе указание на характер предшествующего и на характер последующего развития.

С этой точки зрения настоящее служит своеобразной «точкой отсчета» для понимания прошлого. Однако, чтобы не превратиться в абсолютную «систему отсчета», имеющую уже внеисторический масштаб, настоящее само должно быть понято в своей особенности, должно стать предметом исторического и, следовательно, критического рассмотрения с точки зрения приходящего ему на смену будущего состояния. Так, К. Маркс, говоря о «культурности», «цивилизованности» буржуазного общества по отношению к предшествующим ему общественным формациям, имеет в виду, что характер культурного процесса на этапе капитализма будет служить ключом к пониманию исторически предшествовавших ему «цивилизаций» и «культур». Но вместе с тем К. Маркс вскрывает и историческую ограниченность буржуазного общества по отношению к будущему коммунистическому развитию. Буржуазное общество выступает при этом и как «субъект» исторической оценки предшествующего состояния и как «объект» такой оценки со стороны последующего состояния. В результате такого подхода становится понятным его объективное место и значение в общей цепи исторического движения, его связь с остальными звеньями этой цепи.

---

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 449.

Здесь мы сталкиваемся еще с одной очень важной проблемой исторического познания — соотношением в нем всеобщего и особенного. Именно особенное, специфическое, конкретное в развитии является подлинным предметом исторического знания. Так, «хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие» [28]. Следовательно, там, где речь идет о развитии, познавательная задача состоит не просто в фиксации общего, сходного, одинакового для всех фаз этого развития, а именно в обнаружении отличия каждой такой фазы от общего, т. е. в ее особенности. В историческом исследовании «мы должны либо проследить процесс исторического развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой...» [29].

Вместе с тем характер, природа исторически особенного, выделяемого в качестве предмета исследования, отнюдь не сводятся к внешним и эмпирически фиксируемым различиям. Не все, что отличает одну эпоху от другой, характеризует ее историческую особенность. Очевидно, научным основанием для выделения исторически особенных форм должен служить не любой эмпирический признак, а такой, который в наибольшей степени раскрывает сущность изучаемого явления (например, материального производства), т. е. является для понимания данного явления решающим. Иными словами, в понимании особенной формы явления мы должны исходить из некоторого общего представления о нем, фиксирующего его наиболее существенный признак. И только по отношению к такому общему можно говорить об особенном. Поэтому «определения, имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства... не были забыты существенные различия» [30]. В этом высказывании К. Маркса подчеркивается значимость для исторического исследования не только особенных форм изучаемого явления, но и того всеобщего, что характеризует его целостность и единство в процессе развития. Научный историзм требует тем самым выявления того всеобщего начала в развитии предмета или явления, которое только и позволяет выделить его особенные,

[28] Там же. С. 21.
[29] Там же.
[30] Там же.

внутренне взаимосвязанные и последовательно возникающие фазы.

Но каким образом можно выявить это всеобщее начало, учитывая, что в реальной истории оно всегда существует в особенной форме? Ведь всеобщее, взятое само по себе, есть только абстракция от особенного, хотя и «разумная», как подчеркивает К. Маркс, поскольку «избавляет нас от повторений» [31]. Здесь обнаруживается специфическая для всего исторического познания сложность: нельзя выявить особенную форму движения, не имея некоторого общего представления о движении в целом, но, с другой стороны, выработать такое общее представление весьма трудно, поскольку развития «вообще», безотносительно к его особенной форме, не существует.

Данная проблема не может быть решена формально-логическим путем, т. е. путем выделения некоторого абстрактно-общего признака, в равной мере свойственного каждой особенной форме. Ведь выделение такого признака может быть получено путем сравнения, сопоставления особенных форм, которые сами, в свою очередь, выделяются на основании некоторого общего признака. Получается логический круг, из которого не видно выхода. В практике конкретного исторического исследования данная проблема решается обычно за счет игнорирования теоретических оснований для выделения той или иной особенной формы и сведения ее к чисто эмпирически фиксируемому отличию (например, только пространственно-временному) от другой формы. Вопрос о том, является ли такой внешний признак, по которому мы отличаем одну форму от другой, действительно существенным основанием для выявления и определения их особенности, остается в этом случае невыясненным.

Формально-логическая неразрешимость проблемы соотношения всеобщего и особенного в историческом познании объясняется тем, что данная проблема порождена здесь ситуацией, требующей совершенно иной логики и приемов исследования,— ситуацией исторически совершающегося процесса развития. Всеобщее в процессе развития не есть формально общий, абстрактный признак любой особенной формы, а представляет собой некоторый итог, результат этого развития. Всеобщее в развитии появляется не сразу, в начале движения, а на его определенной — высшей на данный момент — фазе. Всеобщее

[31] Там же.

с этой точки зрения есть показатель развитости той или иной формы движения по сравнению с предшествующими ей формами. Будучи всеобщим по отношению к предшествующим ступеням развития, оно вместе с тем предстает как особая — высшая на данный момент — ступень этого развития, т. е. в своей исторически особенной форме. Всеобщее в историческом познании существует, таким образом, не как абстрактно-всеобщее, а как конкретно-всеобщее, т. е. в неразрывной связи с особенной формой своего проявления.

Диалектическое понимание соотношения всеобщего и особенного в процессе развития, при котором всеобщее выступает по отношению к особенному как более высокая ступень развития, позволяет снять традиционное противопоставление теоретического и исторического познания, придать историческому исследованию характер теоретической науки. Вместе с тем оно позволяет ввести в русло исторического рассмотрения не только прошлое, но настоящее и будущее и тем самым расширить рамки исторического познания до масштабов всей социальной науки в целом.

Анализ методологических основ исторического познания (проведенный здесь, разумеется, в самом общем виде) привел нас к выводу, что последнее достигает уровня подлинной научности тогда, когда ориентируется в исследовании социальной действительности на объективные результаты человеческой деятельности, служащие связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим и позволяющие усматривать в каждой конкретной форме исторического движения его всеобщее содержание. Научный историзм с этой точки зрения есть метод познания действительности под углом зрения ее развития, осуществляемого в процессе человеческой деятельности и имеющего своим главным результатом развитие самого человека как субъекта этой деятельности. Данный метод, следовательно, позволяет увидеть в общественном развитии не просто натурально осуществляемый процесс и не просто абстрактное движение мысли, а процесс развития самого человека, изменяющего и преобразующего своим трудом всю совокупность своих общественных сил и отношений. Но тем самым он служит методом такого теоретического познания действительности, которое непосредственно совпадает с ее практическим преобразованием и изменением. Здесь вырисовывается еще одна очень важная особенность научно-исторического

подхода к действительности, учитывающего в своих теоретических построениях интересы и запросы революционно осуществляемой практики. Ведь развитие, о котором здесь идет речь,— это не развитие натуральных или идеальных сущностей, а развитие сил и отношений, целиком предопределяемое законами человеческой практики. Сформулировать эти законы и понять, как они действуют в той или иной конкретной исторической ситуации, и составляет главную задачу научно-исторического познания. В этом смысле метод научного историзма как бы ставит историческое познание на службу историческому развитию, революционной практике людей, в которой изменение обстоятельств совпадает с изменением самого человека.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

Реализация принципа историзма в социальном исследовании прежде всего и по преимуществу подразумевает, что главное внимание должно быть сосредоточено на рассмотрении явлений в развитии, т. е. с точки зрения последовательно разворачивающихся во времени преобразований их состояния. Следовательно, объект всегда представлен познающему взору одновременно в двух взаимоисключающих формах своего обнаружения — в тех определяющих различиях, которые характеризуют его отношение к самому себе в качестве более и менее развитого, и в том безусловном внутреннем единстве, благодаря которому более развитый и менее развитый объекты суть сменяющие друг друга стадии существования одного и того же явления, или, что то же самое,— в той внутренне расчлененной целостности, которая позволяет отражать изменяющийся объект посредством тождественного самому себе понятия. Это обстоятельство выдвигает серьезную методологическую задачу поиска средств адекватного отражения социальных явлений как диалектически противоречивых. Научный подход к решению указанной проблемы предполагает предварительное обсуждение вопросов о том, что такое социальное противоречие, в чем основание его качественной определенности, каковы особенности его познания.

Очевидно, специфика диалектического противоречия как структурного элемента социальной действительности раскрывается в том случае, если вычленить в общественной жизни параметры, принципиально отличающие таковое в природном бытии. На этом пути проясняется и необходимость существования социального противоречия как такового, а также конкретные формальные и содержательные рамки его отражения в мышлении.

Простой факт, что общественная жизнь развивается, еще не вскрывает тайну самостоятельности существования социального противоречия в отличие от противоречий природных или мыслительных процессов. Однако, исследуя закономерности социального развития, мы приходим к выводу, что единство определяющих его диалектических противоречий состоит в их принадлежности к процессу целенаправленного преобразования мира. Это дает повод предположить, что творческий, самодеятельный момент человеческой практики, ее сознательный характер, имеющий своим объективным следствием принципиальную «открытость», широкий веер возможностей социально-исторического прогресса, и выступают одной из главных характеристик качественного своеобразия диалектических противоречий в обществе. Социальное противоречие всегда результат деятельности людей, обладающих сознанием и свободой выбора. Только отражаясь в общественном сознании как мысленно преодоленное (как идеал), социальное противоречие способно стать действительной силой, определяющей дальнейший ход истории. И самое главное, что эта возможность осуществляется благодаря специальной деятельности общественного субъекта, прямо или опосредованно направленной на разрешение данного социального противоречия. Такая деятельность может быть осознанной или стихийной, а ее программа — достаточно или недостаточно адекватной объективным потребностям осуществляющей ее группы общества. При любых обстоятельствах она остается творческой, целесообразной деятельностью.

К этому необходимо добавить, что общественный субъект в антагонистических формациях внутренне противоречив, так что его совокупная деятельность есть борьба противоположных классовых сил, исход которой не предопределен фатально. В неантагонистических обществах социальное творчество также противоречиво: оно осуществляется во взаимодействии стабилизирующей и инновационной функций, что позволяет его продуктам

быть устойчивыми и развивающимися одновременно. Наконец, человек, как существо социальное, сам есть живое противоречие — с его биологической предосновой (исчезающее и возобновляющееся в ходе преодоления природной ограниченности), с его исторической односторонностью (разрешающееся по мере реализации его универсальной сущности). В этих чертах творческого самоутверждения общества и коренится, на наш взгляд, специфика его противоречий.

Важно также разобраться в том, какова содержательная сторона специфики противоречивости общественных явлений как объектов социального познания. «Познание любого объективного противоречия,— отмечает Б. М. Кедров,— протекает вдвойне противоречиво: во-первых, потому что сам объект познания противоречив, во-вторых, потому что всякий процесс познания всегда носит противоречивый характер» [1]. Оба эти аспекта, взятые применительно к исследованию реальности общественной жизни, и будут служить «рабочим пространством» для анализа поставленной проблемы.

Чем характеризуется социальное противоречие в отличие от других видов диалектических противоречий объективного бытия? Прежде всего тем, что для его содержания характерна включенность социального субъекта (являющегося в то же время субъектом познания) в представленное им объективное отношение реальности. При этом субъект может быть задан в социальном противоречии опосредствованно или непосредственно — в зависимости от того, выступает ли рассматриваемое конкретное противоречие опредмеченным результатом практической деятельности субъекта, или сам он действует внутри противоречия, оказываясь одной из его сторон, в противоположность объекту или другому субъекту [2].

Своеобразие способа освоения диалектического противоречия в обоих случаях заключается в том, что его содержание выясняется сразу в двух взаимоисключающих логических «плоскостях» — как объективное отношение и как отношение самосознания субъекта к его собственной объективной реальности, т. е. как саморефлексия. Это обстоятельство требует, помимо всего прочего, специального

---

[1] *Кедров Б. М.* Противоречивость познания и познание противоречия//Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 9.

[2] См.: *Штракс Г. М.* Социальное противоречие (основные особенности)//Проблемы диалектики. М., 1973. Вып. 3. С. 84.

обращения к изучению общественного сознания (как в нем сказывается проявление данного противоречия), его истории вплоть до наличного состояния, с тем чтобы пронаблюдать меру зависимости (или независимости) содержания исследуемого противоречия и способа его разрешения непосредственно от сознательной, преобразующей деятельности субъекта противоречивого отношения. Иными словами, анализ социальных противоречий предусматривает обязательное исследование их содержания с точки зрения присутствия в них тех или иных общественных интересов субъектов исторического развития.

Существует еще одно чрезвычайно важное отличие социальных противоречий от всех других типов противоречий. Оно заключается в следующем. Природным объектам свойственна «синхронность» присущих им противоречивых отношений на разных уровнях развития материи. Например, в постоянном усложнении форм природной приспособляемости за счет разрешения противоречия, сторонами которого являются, грубо говоря, организм и окружающая среда, более и менее развитый объекты параллельно существуют в пространстве. Именно актуальность сосуществования более простого и более сложного способов разрешения противоречий развивающегося объекта характерна для движения противоречий на биологическом уровне развития материи [3].

Социальные противоречия, напротив, разрешаясь, утрачивают актуальное существование, входя в более развитые объекты как реализованная потенция. Так обстоит дело в объективной реальности. В общественном же сознании (и в социальном познании, в частности) эта особенность проявляется не только как необходимость специального изучения всей истории становления исследуемого объекта с точки зрения выяснения определенного способа разрешения противоречий, присущих его реальному существованию, на каждой ступени предшествующего развития, но и как возможность с точки зрения более «зрелого», т. е. исторически более позднего, состояния объекта глубже и адекватнее понять объективные законо-

---

[3] Такова же в общем картина на физическом и химическом уровнях развития материи, с той только разницей, что здесь более сложная форма разрешения противоречий включает в себя более простую в качестве своего реального основания. Так что их актуальное сосуществование характеризуется взаимной иерархичностью конститутивных противоречий в более сложных объектах.

мерности противоречивого развития от его возникновения до самых последних форм.

Ввиду этого, рассматривая свойственные объекту в прошлом противоречия сквозь призму специфики его современного противоречивого состояния, сравнивая характер, содержание и прежний способ их разрешения с наличным социальным результатом, можно предсказать, по крайней мере в вероятностной форме, возможность их разрешения в будущем. А по этим данным учеными прогнозируются условия, в которых способ разрешения сегодняшних противоречий объективно соответствовал бы результатам, желательным для общества (класса, социальной группы), с позиции которого ведется социальное исследование. Отсюда видно, что партийность общественного субъекта совпадает с его объективностью, когда анализ проводит класс, практика которого воплощает в себе высшую форму развития социальных противоречий на данной исторической ступени.

Одна из наиболее интересных черт социальных противоречий заключается в их «превращенной» форме, когда исторически преходящий феномен — это уже не просто существование, трансформирующее свою сущность, а «нечто такое, что притязает на самостоятельное и замкнутое наличное бытие, на уровне которого оно, тем не менее, есть само себе сущность» [4]. Скажем, противоречие между трудом и капиталом в буржуазном обществе результируется на его поверхности в отчуждении деятельности, сознания и продукта труда от его производителей, так что «общественные отношения их... кажутся именно тем, чтó они представляют... на самом деле, т. е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей» [5].

В приведенном отрывке из «Капитала» К. Маркс четко ставит вопрос о том, что «превращенная» форма общественных отношений капиталистического производства — не субъективная иллюзия его агентов и не абстрактный прием логического мышления, рассуждающего «от противного», а объективный факт внешнего проявления внутренних противоречий капитализма. С ним постоянно приходится считаться в практике производства и общения, и его нельзя «преодолеть» никаким осознанием и понима-

---

[4] *Батищев Г. С.* Противоречие и антагонизм//Проблемы диалектики. Вып. 3. С. 95.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 83.

нием действительной сути вещей, ибо «превращенная» реальность обладает особыми, не зависящими от сознания людей закономерностями своего функционирования.

В связи с этим неизбежным условием постижения социальных противоречий выступает постоянная ориентация субъекта познания на выяснение диалектического взаимоотношения всеобщего и особенного в общественно-исторической практике. Действительно, «превращенная» форма существования противоречивых отношений социальной действительности есть диалектическое единство общего и особенного в ходе разворачивания объективных противоречий той или иной общественно-экономической формации: последние существуют не иначе как в особой, исторически преходящей форме проявления, а сама эта форма существует лишь постольку, поскольку она выражает собой всеобщие отношения социальной реальности на данном этапе ее развития. Для пояснения сказанного рассмотрим, например, характеристики социальных противоречий, представляющих собой источник развития социализма в качестве первой (низшей) фазы коммунистической общественно-экономической формации. При этом речь пойдет, разумеется, не обо всех противоречиях, а только о тех, которые порождаются самим социализмом и воспроизводятся в ходе его развития [6].

Можно отметить два вида таких противоречий. Первый — это противоречия между наступающей широким фронтом сознательностью, которая в тесном союзе с передовой наукой видоизменяет сам естественноисторический процесс, и стихийностью, которая оказывает упорное сопротивление, опираясь на невежество, ложь и предрассудки как на свои «резервы». Такие противоречия детерминируются принципиальными особенностями самого социалистического социально-экономического строя, впервые прерывающего стихийное по преимуществу течение

[6] Проблема социальных противоречий в условиях социализма обсуждается в литературе уже на протяжении почти двух десятков лет. И поскольку социалистическая реальность бурно развивается, постольку не может быть снята с повестки дня и эта проблема. Наоборот, она все более остро встает перед исследователями, открывая новые аспекты и возможности своего исследования См., напр.: *Козловский В. Е.* Развитие В. И. Лениным марксистского учения о противоречиях. М., 1966; *Он же.* Противоречия в условиях социализма//Вопр. философии, 1984. № 8; *Столяров В. В.* Диалектические противоречия и движущие силы социализма. М., 1979; *Смирнов Г. Л.* Советский человек. М., 1980; *Медведев В. А.* Теоретические проблемы развитого социализма. М., 1980; и др.

истории и направляющего его в русло, определяемое общественной наукой в самом строгом смысле этого слова. Второй вид социальных противоречий, играющих серьезную роль в развитии общественных процессов при социализме, связывается с такими диалектическими противоположностями, ни одна сторона которых не может быть квалифицирована как отрицательная (например, материальное и моральное стимулирование к труду, общественное и государственное начала в системе социалистической демократии и т. д.). Такие противоречия складываются в процессе изменения соотношения тех сторон нашей жизни, которые неразделимы между собой и немыслимы друг без друга.

Исходя из особенностей противоречий социализма, в марксизме-ленинизме разрабатывается объективный к ним подход — научное, политически зрелое их восприятие, суть которого состоит в следующем. Не только глубоко истинное и перспективное исследование социальной реальности, но и эффективную практическую деятельность в ходе коммунистического строительства можно гарантировать лишь при условии соотнесения выделенных противоречий с действительным сознательным творчеством, революционными действиями, целенаправленными социальными преобразованиями, базирующимися на двух основных принципах: обеспечении постоянной исторической преемственности актуально значимых достижений мировой человеческой культуры и строгом различении между обреченными на гибель явлениями и процессами социального бытия, с одной стороны, и теми чертами и проявлениями общественной жизни, с которыми приходится временно сосуществовать, поскольку они еще не изжили себя, не исчерпали своих внутренних возможностей развития,— с другой. Образцом такого отношения к противоречиям при социализме является ленинская установка на соединение противоположностей, которая состоит в том, чтобы, вскрывая противоречия, выявляя составляющие их противоположности, включать последние в сферу своей деятельности так, что и новое и старое оказываются суть сопряженными моментами, сторонами одной и той же практики, направленность которой, руководствуясь революционной теорией, определяет партия.

Подытоживая все изложенное выше, следует сделать общие выводы относительно характерных особенностей социальной действительности в целом как противоречивого объекта познания. Во-первых, она противоречива не

только в своей скрытой сущности, но и на самом поверхностном уровне ее эмпирического существования, так что даже феноменологическое описание явлений (как они непосредственно даны наблюдателю) натыкается на неразрешимые парадоксы. К примеру, тот реальный факт, что средняя норма капиталистической прибыли зависит от величины вложенного капитала, оказывается в неустранимом противоречии с тем практическим обстоятельством, что только живой труд способен произвести новую стоимость. К. Маркс показал, что свойство внутренних противоречий социальных явлений обнаруживать себя самим себе как реальные противоречия их внешнего существования — неизбывный атрибут социальной реальности.

Во-вторых, историческое движение, выступающее способом бытия социальной реальности, открыто будущему, и для его познания необходим метод ретроспективного (или прогнозирующего) «вскрытия» и «снятия» противоречий, лежащих в основе (у истока) актуальных (потенциальных) альтернатив. Иначе говоря, так как история общества есть результат сознательной деятельности его членов, цели и интересы которых достаточно часто противоречат друг другу не только в индивидуальном, но и в групповом выражении, ее познание требует понять смысл таких взаимных противоречий, связанный с объективным существованием их носителей как представителей данного, а не какого-либо иного, «абстрактного» общества, и на этой основе представить наличный (ожидаемый) исторический итог в качестве способа практического разрешения противоречий.

Третья особенность противоречивости общественной жизни как объекта познания заключается в том, что ее отношения в своем противостоянии всегда взаимно «равноправны», но не в том смысле, что, положим, прошлое и настоящее в общественно-историческом прогрессе можно поменять местами без малейшего ущерба для адекватного представления о его реальном течении, а в том, что прошлое, настоящее и будущее суть равно необходимые, друг с другом взаимно сопряженные и друг друга взаимно определяющие элементы социального, исторического времени, что ни одно из них не существует без другого. Более того, каждое из них есть в то же время другое: настоящее — это будущее прошлого и прошлое будущего.

В соответствии с основным законом диалектики о спиралевидном характере всякого развития будущее в той же мере есть настоящее, в какой настоящее есть прошлое.

Ибо потенции каждого момента истории общества, реализуясь через практику общественного субъекта, образуют объективную, закономерную основу его дальнейших творческих усилий, создают исходные условия для появления и осуществления его будущих проектов. В свою очередь, будущее общества — это в известном смысле возврат к его историческому прошлому, ибо оно есть возведенное на высшую ступень прошлое, которое победило, превозмогло настоящее, преодолев и свою и его ограниченность в качестве одномоментного, стало быть, одностороннего существования.

Указанная особенность присуща и движущим силам исторического развития. Несмотря на то что в антагонистическом обществе одни из них стимулируют, а другие тормозят прогресс, и те и другие в равной степени значимы как взаимоисключающие элементы совокупной практики общественного субъекта, ибо, во-первых, могут быть количественно равновеликими (или уравновешивать количественный недостаток качественными преимуществами — сознательностью, организованностью, талантливостью и т. д.). Во-вторых, результаты их действий могут быть взаимообратимы по значению: иногда то, что инициаторам прогресса представляется способствующим процветанию общества, несет в себе, как выясняется впоследствии, семена его кризиса, разложения или гибели[7]. К тому же деятельность упомянутых сил всегда взаимно ориентирована.

В ряду таких противоречивых социальных отношений можно назвать еще взаимозависимость производительных сил и производственных отношений, субъекта и объекта преобразовательной деятельности, ценностных ориентаций и реальных содержательных форм практики и пр. Диалектическая противоречивость подобных отношений составляет их существо, источник развития не только их самих, но и всей социальной реальности, познавая который мы открываем смысл человеческой истории. Для прогнозирования методов постижения и актуализации исторических потенций социальных преобразований необходи-

---

[7] Отсюда не следует, что кризис той или иной исторической формы существования социальных явлений обязательно венчает их прогрессивное развитие. Возможна (и все более актуальна в эпоху становления коммунизма) такая ситуация, когда «цена прогресса» заранее осознается и учитывается, так что опасность кризиса можно отвести специальными, дополнительными преобразованиями.

мо не только обнаружить внутреннюю противоречивую суть описанных «равноправных» отношений, но и выявить всю цепь сложных опосредствований (логических и исторических), через которые данное противоречие может разрешаться или уже разрешается.

Какова же в таком случае логика исследования социальной реальности? Достаточен ли здесь формально-логический анализ, задачей которого является фиксация объекта в постоянстве и неизменности его структуры (гарантирующей возможность абстрагирующего отражения), а не в живой, подвижной текучести и изменчивости, составляющих суть его конкретного существования?[8] Для отражения процесса развития в человеческом сознании важно, безусловно, и то и другое. Ибо без фиксации момента устойчивости диалектика превратилась бы в абсолютный релятивизм, превратно представляющий объективную реальность, поскольку абсолютизация движения и изменения исключает возможность установить какие бы то ни было закономерности развития. Однако формальная логика как таковая способна лишь «анатомировать» движение, но не передать его суть. А как раз этот вопрос представляет главный интерес исторического рассмотрения, без которого недостижимо истинное социальное знание. Недостаток формальной логики состоит также и в том, что она способна дать лишь абстрактное знание, сколь бы точным оно ни было, так как сумма постигнутых с ее помощью аспектов предмета не есть его конкретно-целостная полнота.

Абстрактная односторонность, вытекающая из «запрета противоречия», отличает формальную логику от содержательной, диалектической логики, которая учит, что единство и борьба противоположностей необходимо присущи объективной реальности как источник самодвижения развивающихся явлений[9]. На это обращал внимание Э. В. Ильенков, говоря, что метафизик, абсолютизирующий формальную логику, «всегда старается свести внутреннее отношение к внешнему. Для него противоречие „в одном отношении“ — показатель абстрактности знания... Для Маркса, наоборот, если предмет предстал в мышлении лишь как внешнее противоречие, то это показатель односторонности, поверхностности знания... Дело не в сведении внешнего противоречия к внутреннему,

---

[8] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 233.
[9] См.: Там же. С. 98—99.

а в том, чтобы из внутреннего вывести внешнее и тем самым понять и то и другое в их объективной необходимости»[10].

Но принцип историзма в социальном познании как раз и требует показать, как из внутреннего противоречия объекта, из его противоречивого отношения к самому себе (и изменяющемуся, и в то же время остающемуся одним и тем же) вытекает непреложность конкретного пути его перспективного преобразования. Следовательно, рассмотрение внутренних, диалектических противоречий общественной жизни есть фундаментально важный, существенный, центрально-группирующий момент метода ее познания. Только при этом условии можно проследить объективные, необходимые переходы изучаемого целого из одного состояния в другое, выразить эти переходы в виде истины-процесса.

Значит ли это, что формальная логика «не работает» в обществознании? Отнюдь нет. Она играет необходимую, хотя и вспомогательную роль, поскольку генетическое исследование общественной жизни не только не отрицает ее структурного исследования, но и обязательно предполагает его. Разговоры об иррациональном постижении истины находятся за пределами научной гносеологии. Чтобы познать общее в истории, нужно иметь предварительное представление о частностях, в которых она проявляется, а «чтобы познавать эти частности, мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности...»[11]. В этом и состоит содержательный вклад формально-логического мышления в диалектическое познание исторической реальности.

Кроме того, формально-логические средства незаменимы для обнаружения противоречий социальной действительности, выступающих исходным пунктом диалектического ее рассмотрения. Анализируя отдельные стороны социальных явлений в тех законченных формах выражения их сущности, которые присутствуют на поверхности, исследователь в конце концов наталкивается на противоречия в собственных высказываниях. При отсутствии логической ошибки здесь кроется симптом необходимости обратиться к диалектической логике, решающей возникающие антиномии через обнаружение их объективных

---

[10] *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. М., 1974. С. 243.
[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20 С. 20.

оснований в самой реальности. Таким образом, формальная логика играет здесь «диагностическую» роль, которую Гегель обозначил в кратком парадоксе: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения» [12].

Недостаточное понимание этого обстоятельства, недооценка роли формально-логического анализа противоречий объективной действительности могут привести к печальным недоразумениям. Именно это и случилось с нашими обществоведами в ходе дискуссий о противоречиях социализма в 50—60-х годах. Признавая на словах диалектическое взаимоотношение между категориями «единство» и «противоречие», они на деле утверждали бесконфликтность социалистического общества, отталкиваясь от метафизического понимания единства его социальной основы, понятого как однообразие, статичность и т. п., в то время как противоречия трактовались ими как недостатки реальной жизни, требующие своего устранения независимо от того, позволяют ли это сделать объективные условия их существования на данном этапе развития общества.

Наконец, не менее важное значение формальной логики в социальном познании заключается в том, что диалектический подход к анализу общественных явлений не есть абсурдное, противоречивое мышление. Это построенные по правилам формальной логики непротиворечивые высказывания о механизмах и результатах действия и проявления противоречий на различных этапах развития общественной жизни. «Запрет противоречия» относится лишь к технике оформления мыслительных схем [13], в то время как в реальности следует, наоборот, отыскивать противоречащие друг другу (или самим себе) явления, отношения, процессы и рассматривать весь комплекс выделенных характеристик во взаимодействии, изучая объективную необходимость установленной связи, закономерность изменения ее существа при преобладании той или иной стороны рассматриваемого противоречивого отношения в ходе развития практики.

Это требование можно выполнить, прослеживая последовательный взаимопереход понятий, постигаемый в диалектической логике методом «восхождения от абст-

---

[12] *Гегель.* Работы разных лет. М., 1970. Т. 1. С. 265.
[13] См.: *Ильенков Э. В.* Проблема противоречия в логике // Диалектическое противоречие. С. 133.

рактного к конкретному». В его процессе абстрактные определения действительности, полученные формально-логическим путем, «ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления»[14]. Принципиальное отличие такого конкретного от исходной конкретики социального познания состоит прежде всего в том, что вместо хаоса противоречивых отношений общественной жизни, констатируемого по мере формально-логического упорядочивания чувственных данных, сознанию открывается внутренняя закономерность их функционирования, диалектически структурированный взаимный переход от сущности к явлению и обратно[15].

Фиксация социального противоречия во всей его исторической конкретности — это лишь начальный этап диалектического исследования общественных явлений. Полученное при этом конкретное знание, «будучи результатом процесса познания на основе практики, выступает уже вторично, производно и опосредованно как исходный пункт для более эффективного практического преобразования мира»[16]. Эту функцию конкретное знание может выполнить потому, что его содержанием являются не технические приемы «сглаживания» или «устранения» противоречия через его теоретическое выражение, а способы его практического разрешения в самой объективной реальности. Иначе говоря, диалектическое исследование противоречивой социальной реальности требует не простой констатации представляющих ее фактов, а выработки «руководства к действию» по ее преобразованию. В этом в отличие от спекулятивной диалектики проявляется активный характер подлинно диалектического, диалектико-материалистического мышления, о котором писал в «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс[17].

Критикуя экономические взгляды Прудона, К. Маркс подчеркивал, что для этого «диалектика» «разрешение современных проблем заключается... не в общественном действии, а в диалектических круговоротах, совершающихся в его голове»[18]. Так как для Прудона категории и являются движущими силами, то незачем изменять практическую жизнь для того, чтобы разрешить противо-

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.
[15] См.: Там же. С. 726—727.
[16] *Спиркин А. Г.* Восхождение от абстрактного к конкретному // Филос. энцикл. 1960. Т. 1. С. 295.
[17] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 3—4.
[18] Там же. Т. 27. С. 410.

речие. Достаточно изменить категории, чтобы изменить существующее общество. Причину такого отношения к социальным противоречиям К. Маркс видит в том, что «г-н Прудон — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии» [19] и в качестве мелкого буржуа «обожествляет *противоречие*, потому что... он сам — не что иное как воплощенное общественное противоречие» [20].

Говоря о причинах выбора того или иного подхода к социальным противоречиям, мы, по сути дела, перешли уже к обсуждению того аспекта функционирования диалектической логики, который связан с противоречивым характером самого обществознания. Рассматривая этот вопрос, следует в первую очередь подчеркнуть особый характер противоречивого отношения между теорией и практикой в ходе исследования общественных форм и их истории. Дело в том, что хотя практика выступает здесь, как и в естествознании, объективным критерием истинности знания, однако сам характер привлечения практического материала для подтверждения социальных гипотез несколько иной — как в качественном, так и в количественном выражении.

Прежде всего речь идет о невозможности поставить лабораторный эксперимент. Правда, реально возможен социальный эксперимент. Однако в ходе его выполнения практика и теория, как правило, взаимно проникают друг в друга до такой степени, что принципиально нельзя четко разграничить их. Например, когда теоретик является свидетелем предсказанной им социальной ситуации, последняя воплощает в себе не только теоретически предсказанные и в этом значении необходимые моменты, но также и другие (не всегда предсказуемые или точно учитываемые) возможности, в том числе исторические случайности. Если же историк ставит «мысленный эксперимент», ретроспективно «предсказывая» уже осуществившуюся ситуацию, то в ходе ее интерпретации возникает другая опасность — слишком переоценить теоретические представления, содержание которых на самом деле не вполне адекватно реальному течению общественной практики. Ведь прошлое невосстановимо в современном сознании полностью, во всех своих бесконечных деталях, а «факты» исторического знания, поскольку они поддаются источниковедческой критике, могут быть оспорены в

---

[19] Там же. С. 411.
[20] Там же. С. 412.

том или ином отношении[21], и нет возможности усовершенствовать человеческую способность восприятия прошлого объективно регистрирующими реальность приборами

Перечисленные проявления противоречивости общественного познания лаконично резюмировал К. Маркс, когда писал, что «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»[22]. В зависимости от умения четко и правильно выделить требуемые абстракции, которые были бы одновременно объективными по содержанию и исторически конкретными для каждой определенной исследовательской задачи[23], субъект социального познания либо способен, либо не способен преодолеть указанные гносеологические трудности. Однако само это умение зависит не только от индивидуальных особенностей исследователя, но и детерминируется объективной позицией в реальной системе определенных общественных отношений, в рамках которых протекает современная ему практическая деятельность, ибо сегодняшняя практика является всего лишь звеном непрерывно длящегося из прошлого в будущее процесса исторического развития человечества и именно в этом качестве выступает критерием истинности социального познания.

Такая связь объективной и субъективной позиций исследователя общественной жизни объясняется тем, что он создает свой объект не только благодаря продуктивной способности воображения, но и реально участвуя в преобразовательной деятельности общества, продуктом которой выступает социальная действительность во всех ее проявлениях. Ориентируясь на те или иные ценности, общезначимые для всей общественной группы, представителем которой он является и интересы которой реализует как в познании, так и в практическом созидании общественной жизни, субъект обществознания ограничивает свой исследовательский кругозор, саму свою способность к отражению тех или иных черт реальности теми

---

[21] См.: *Библер В. С.* Исторический факт как фрагмент действительности // Источниковедение. Теоретические проблемы. М., 1969. С. 90.

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 6.

[23] Иначе они не смогут служить эффективным методологическим инструментарием социального познания. См. об этом: *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1979.

рамками, которые задают эти ценности на каждом отдельном этапе развития познания и практики. Здесь граница объективности социального исследования.

В то же время, поскольку сами указанные ценности суть опредмеченные в вещах, идеях, отношениях или процессах выражения объективной значимости окружающих явлений в системе практической деятельности человека, указанная выше социальная ограниченность познания общественной жизни диалектически связана с безграничностью процесса человеческого познания и практики. Эта противоречивая взаимосвязь выражается в том, что, познавая и разрешая одни объективные антиномии, человек создает тем самым другие, новые, подлежащие дальнейшему изучению и соответственно практическому разрешению. При этом гарантия эффективности диалектической логики как одного из средств разрешения социальных противоречий состоит в том, что, овладевая ею, «субъект принимает ориентацию на познавательную и — шире — общекультурную самокритичность. Благодаря ей конкретный историзм имеет силу не только во всех сферах применения диалектической логики, но и в построении самой этой логики. Ибо такая логика может быть только открыто творческой»[24]. Если же исследовательская логика остается некритичной, догматической схемой, то у познания, а значит и у практики, нет реальной перспективы движения. Вся его миссия сводится к описанию «раз и навсегда данных», неразрешимых, статических противостояний, что несовместимо с диалектическим представлением о познавательном процессе.

Таким образом, изучение диалектических противоречий в общественной жизни имеет своим содержанием отражение движения объективных противоречивых отношений социальной реальности с учетом не только бесконечности процесса их реального развития, но и фактической неисчерпаемости процесса познания, на каждой ступени которого субъект тем не менее способен овладеть относительной истиной. Причем относительность истины проявляется не только в незавершенности ее как процесса, но и в социально-исторической обусловленности ее содержания на каждой данной стадии развития общественно-исторической практики человечества. Отсюда, правда, не следует, что абсолютная истина недоступна социальному

---

[24] *Батищев Г. С.* Категория противоречия и ее мировоззренческая функция // Диалектическое противоречие. С. 45.

познанию. В. И. Ленин писал, что «человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»[25]

Изучаемые с помощью диалектической логики противоречия могут быть и основополагающими и частными, корениться в фундаменте общественного развития либо вытекать из других причин — все зависит от выбора конкретного объекта социального исследования. Чтобы представить спектр таких противоречий в качестве необходимо присущих социальной реальности и потому требующих диалектического отражения в обществознании, следует подчеркнуть, что всякое ставшее явление общественно-исторического развития есть результат предшествующей деятельности человечества; все становящееся в нем определяется борьбой противоречивых интересов отдельных социальных групп и индивидов; все предстоящее задано в виде противоположных по содержанию общественных идеалов и ценностей — продуктов духовного творчества людей, обладающих сознанием и свободой выбора.

Поэтому, чтобы понять движущие силы общественных процессов, закономерности социальной жизни и характер их развертывания, частные их проявления, составляющие предметы самых различных общественных наук, нужно, с одной стороны, проанализировать сущность диалектической противоположности общественного сознания и общественного бытия: ее внутреннее содержание, механизмы взаимосвязи сторон, ее проявления в процессе общественного производства. На этой основе возможно изучение особенностей функционирования и противоречивых превращений социальных объектов на макро- и микроуровне исследования (объективная кажимость явлений, превращение следствия в причину и т. д.). С другой стороны, надо исследовать противоположность интересов и потребностей различных социально-групповых образований (классов, слоев и т. д.), в связи с чем при изучении социальных феноменов в антагонистических обществах учитывать превращенные формы их существования (отчуждение труда, профанация обще-

---

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 137.

ственных интересов, манипулирование сознанием масс и т. п.).

Этими крупнейшими блоками противоречий общественного развития занимается исторический материализм. Именно поэтому он и служит методологией всех частных общественных наук, внутри которых настоящее научное исследование есть прежде всего анализ социальных противоречий в конкретной форме их проявления. Ибо ко всякому социальному объекту (будь то в истории, экономике, языковедении, искусстве и т. д.) следует подходить с точки зрения выявления источников и закономерностей его изменений, превращения. А такая точка зрения обязательно подразумевает раскрытие его внутреннего, диалектического содержания, в центре которого всегда заключено то или иное социальное противоречие. И адекватное отражение этого противоречия в сознании исследователя — залог глубокого проникновения в существо изучаемого процесса или явления, гарантия успешной деятельности конкретного специалиста-обществоведа.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БУРЖУАЗНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Критический анализ буржуазных методологических концепций — это задача историко-философского характера, решение которой требует серьезного размышления над методами такого анализа. Классики марксизма-ленинизма дали блестящие образцы научной критики своих теоретических противников — буржуазных философов и выработали ее общие принципы. Изучение и применение методов критики современной буржуазной философии получило серьезное развитие в советской литературе[1].

Руководствуясь этими подходами, мы стремимся показать, во-первых, философские основания тех или иных методологических схем в буржуазном обществознании, во-вторых, найти реальную связь философской ориентации

---

[1] См.: Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977; *Ойзерман Т. И.* Главные философские направления. М., 1984; *Он же.* Проблемы историко-философской науки. М., 1982; и др.

и научного исследования, для чего вводится уже применяемое в отечественной литературе понятие исследовательской программы, но, пожалуй, впервые характеризуются основные исследовательские программы социального знания и дается картина их эволюции, и, в-третьих, изменения в этих программах и философских ориентациях связываются с реальными трансформациями буржуазного общества и его сознания. На этой концептуальной основе дается анализ тех исследовательских программ, противоречие между которыми определило развитие буржуазной методологии обществознания, оцениваются перспективы ее развития (при этом мы стремимся показать как преемственность, так и различие основных методологических ориентаций социального знания в классический и современный периоды) и дается анализ ряда частных вопросов, связанных со структурой социального знания, спецификой его познавательных средств, с проблемой интеграции наук об обществе.

§ 1. Основные философские ориентации буржуазной методологии социального познания

В западной философской литературе работам, посвященным методологии науки в целом и методологии социального познания в частности, принадлежит заметное место. Однако в содержательном отношении они чрезвычайно пестры в силу ориентации на различные и многообразные философские школы и направления. Поэтому разобраться в направлениях *методологии* социального познания можно на основе предварительного анализа основных ориентаций современной буржуазной *философии*.

В настоящее время существует определенная ясность относительно различий классической (XVII—XIX вв.) и современной (XX в.) буржуазной философии [2]. Произведена периодизация современной буржуазной философии на довоенную и послевоенную [3].

В качестве ведущей черты постклассической (современной) философии многие исследователи отмечают пере-

---

[2] См.: *Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазного сознания // Философия и наука. М., 1972; *Ойзерман Т. И.* Философский иррационализм и кризис капиталистической системы // Философия и современность. М., 1976.

[3] См.: *Автономова Н. С.* В поисках новой рациональности: опыт типологической характеристики некоторых тенденций современного буржуазного сознания // Вопр. философии, 1981. № 3.

ход от ориентации на каноны наук, изучающих природу, к признанию равноправия с природой культуры, социальной сферы и соответственно равноправия изучающих их наук с естествознанием. Так, Н. С. Автономова отмечает: «Принципы классического мышления XVII—XIX вв. были обусловлены научной практикой того времени, то есть изучением природы, экспериментальным естествознанием... Напротив, главная особенность „неклассического" мышления заключается в том, что история, культура — не универсальное творение рук человеческих — признаются равноценными и равномощными природе и как онтологическая реальность, и как объект познания» [4].

Отличительной чертой послевоенного этапа буржуазной философии является ломка довольно устойчивых ее структур и направлений, сложившихся в XX в. Она характеризует размывание традиций, сближение различных школ и направлений, нередко выступавших прежде как взаимоотрицающие друг друга. Например, в 60-х годах казался еще несколько неожиданным диалог между постпозитивизмом и Франкфуртской школой [5], сами теоретические основания которой заключали в себе весьма радикальную критику позитивизма. Франкфуртская школа декларировала принципы критики в противоположность анализу явлений в их «позитивной форме». Разработанная ею «негативная диалектика» предполагала непрерывное действие отрицания, не позволяющее «выделиться» позитивному моменту процессов. Однако Франкфуртская школа ограничила область критики сферой общественной жизни и познания. Природа же рассматривалась как лишенная всякого отрицания, в силу чего и изучающее природу естествознание оценивалось как неспособное развернуть диалектику до критики и остающееся «традиционным». Школа занимала антисциентистские позиции и посредством критики науки как социального феномена отрицала и ее «традиционную» методологию, не находя, однако, для нее «критической» альтернативы. По существу же позитивизму было в неявной форме оставлено место, на которое он по преимуществу и претендовал,— сфера исследования процедур получения знаний в науках о природе. И когда Франкфуртская школа обратилась к прежде ей чуждой области *методологии* науки, в особен-

---
[4] Там же. С. 146.
[5] Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie. Neuwied und Berlin, 1972; *Wellmer A.* Kritische Gesellschaftstheorie und Positivismus. Frankfurt a/M., 1969.

ности социального знания, то ее «спор» с позитивизмом (Positivismusstreit) оказался в значительной мере согласием с его методами. «Равным» образом критический рационализм усваивал отдельные элементы «критического духа» Франкфуртской школы.

Не вдаваясь в обсуждение всех причин сближения различных направлений буржуазной философии, мы выделяем одну — сближение на почве стремления внести свою лепту в методологию науки. Так, Ю. Хабермас совершенно определенно разъясняет, что его «критика направлена не против исследовательской практики строгих опытных наук и не против опытно-научной социологии...» [6]. «Я не оспариваю,— пишет он,— что аналитическая теория науки... способствует ясности методологических решений» [7]. Он выступает лишь против ограничения рефлексии эмпирико-аналитической философией, против нахождения постпозитивизмом, в частности в его попперовском варианте, многообразных норм запрета на ряд проблем, которые в силу этого отдаются «иррационалистической установке, хотя они... могут быть очень хорошо критически разъяснены» [8].

Сходные тенденции можно заметить и в феноменологии. Трансцендентальная феноменология Гуссерля представляет собой философскую концепцию, оказывающую большое влияние на западную философию. На основе понятия «естественной установки» экзистенциалисты (Сартр, Мерло-Понти) под влиянием феноменологии сумели обратиться к анализу обыденного сознания. Но методологическая ориентация этого анализа стала возможной на основе усвоения тех философских влияний, которые уже имели место в психологии, эстетике, социологии [9].

Констатируя связь методологических проблем с философскими, необходимо отметить ее сложный характер. Иногда философские системы прямо ориентированы на то, чтобы сформировать определенный взгляд на науку и на используемую ее дисциплинами совокупность мето-

---

6 Positivismusstreit, S. 235.
7 Ibidem.
8 Ibid., S. 235—236.
9 Можно привести пример влияний М. Вебера и позитивистской эмпирической традиции на феноменологию А. Шюца, понимаемую как методология социологических исследований. // См.: Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 204—271.

дов и принципов. Например, все разновидности позитивизма, в особенности неопозитивизма, критический рационализм прежде всего, осознавали себя как философию науки. В то же время феноменологии потребовалось существенно трансформироваться, чтобы дать методологические ориентации психологии, социологии, эстетике.

Порой и различные философские направления обладают равной методологической значимостью благодаря общему методологическому принципу, например принципу функциональности, системности, историзма и т. д. Так, системно-структурный анализ может быть лишь элементом позитивистского, функционального анализа, а может быть представлен в целостном философском миропонимании, как это характерно для французского структурализма.

Для того чтобы разобраться в многообразии способов связи того или иного философского учения с методологией науки и учесть возможность методологического сходства различных философских направлений, а также обозначенную выше тенденцию к взаимной ассимиляции ряда философских ориентаций, представляется целесообразным ввести понятие «исследовательская программа», или «научная программа» [10].

Наибольшую теоретическую разработку и эвристическую проверку это понятие получило в работе П. П. Гайденко [11], где показано становление первых научных программ античности и средневековья. Исследовательская программа — это философская программа развития науки. Но она не тождественна тому или иному философскому направлению, ибо не всякое философское направление служит базой развития научных теорий, иногда ряд философских ориентаций объединяются для формирования одной исследовательской программы. Исследовательская программа отличается от философских направлений тем, что содержит в себе «не только характеристику предмета исследования, но и тесно связанную с этой характеристикой возможность разработки соответствующего метода исследования. Тем самым научная программа как бы задает самые общие предпосылки для построения научной теории, давая средство для перехода от общемировоззрен-

---

[10] В советской литературе оно введено в научный обиход в работах Н. И. Родного, В. С. Степина, А. И. Ракитова, М. Г. Ярошевского.

[11] См.: *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки. М., 1980.

ческого принципа, заявленного в философской системе, к раскрытию связи явлений эмпирического мира»[12]. Отличаясь от философской системы, научная программа не тождественна и научной теории: «В отличие от научной теории научная программа, как правило, претендует на всеобщий охват всех явлений и исчерпывающее объяснение всех фактов, т. е. на универсальное толкование всего существующего. Принципы или система принципов, формируемая программой, носит поэтому *всеобщий характер*»[13]. Исследовательская (научная) программа является посредником между философским мировоззрением и культурой, с одной стороны, и наукой — с другой.

Понятие исследовательской (научной) программы плодотворно для анализа методологических построений, ибо последние, будучи философскими по своему статусу, несут на себе печать изучаемой области научного познания — социальных наук и потому не являются всецело совпадающими с тем или иным философским направлением.

Отмеченная выше особенность классической философии — ориентация на изучающие природу науки — позволяет предположить, что генетически первой исследовательской программой социального знания нового времени была *натуралистическая программа*, которая формировала идеал и нормы научности обществознания по образцу естественных наук. Этот стиль изучения сменил прежде господствующую антропологизацию природы, космоса и т. д. При этом надо иметь в виду, что «смена и противоборство историко-научных концепций выражает собой различные альтернативные тенденции в самой культуре»[14]. Это означает, что натурализм в методологии обществознания является продуктом исторически обусловленной социальной апелляции к природе. Исторически первым таким образцом была механика, определившая характерные черты всего домарксовского материализма и придавшая этой программе конкретный вид. Так, на основе механицизма были предприняты попытки не только анализа социальной реальности, но и синтеза на уровне теоретических построений — «поиски экономистами фундаментального отношения экономического механизма,

---

[12] Там же. С. 11.
[13] Там же. С. 10.
[14] *Огурцов А. П.* История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура. М., 1984. С. 159.

историками и философами — основного „фактора“ истории» [15].

Центральное положение механики в натуралистической исследовательской программе было обусловлено уровнем развития естествознания. Позже появляются классификации наук, в центр которых помещаются химия (М. Шеврель), в XIX в. география (Г. Бокль, Ф. Ратцель, И. Мечников и др.), демография (А. Кост, М. М. Ковалевский и др.), биология (Г. Спенсер и др.), в XX в. психология (Ж. Пиаже и др.), физика (О. Нейрат, Р. Карнап и др.). Это перенесение центра тяжести натуралистической программы с одной науки на другую отражает степень зрелости естествознания, появление в нем все новых лидирующих дисциплин.

На основе методов какой-либо из названных наук формируются определенные школы в социологии — географическая, демографическая, биологически-организмическая и т. д. Вместе с тем эволюция натурализма отражает и социальные сдвиги, что делает его различные этапы мировоззренчески существенно отличными, меняющимися от исторически обусловленного и в этих рамках прогрессивного содержания механицизма до социал-дарвинистских реакционных концепций.

В рамках натуралистической исследовательской программы постепенно происходит осознание нетождественности предметов социальных наук изучаемым объектам природы. Программа трансформируется, но не сдает своих позиций. Предельной формой развития натуралистической социологии XIX в. является экономический материализм, вульгарно сводящий весь социально-культурный процесс к проявлению первичного экономического фактора, действующего в качестве естественного.

Натурализм в методологии социальных наук XX в. связан с развитием всех разновидностей позитивизма, а также со структурно-функциональным подходом. Последний вписывается в натуралистическую программу, в частности, потому, что функциональные связи общества понимаются без заметных качественных отличий от взаимодействий, присущих природе. Эти структурные и функциональные сходства природных и социальных объектов были подмечены еще в XIX в. (Спенсер, буржуазные

---

[15] *Хотякова В. А.* Научное обществознание как система: (Историко-материалистический анализ): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1981. С. 17.

экономисты). Шаг от анализа субстанциональных свойств к функциональным в натуралистической исследовательской программе был ее значительным достижением в области социального знания, но вместе с тем и пределом ее развития.

Ограниченность натурализма обнаруживается уже в XVII—XVIII вв. В философских концепциях Локка, Юма уделяется большое внимание человеку и обнаруживается тенденция перехода от рассмотрения его «естественного» состояния к гражданскому. Однако труд как основа гражданского состояния понимается еще натуралистически — как естественная способность, из которой вытекает столь же естественное право собственности [16].

В большей мере ограниченность натуралистической исследовательской программы была осознана немецкой классической философией. Диалектический подход к социальным явлениям, рассмотрение истории деятельности людей служили основой для формирования культур-центристской исследовательской программы [17]. Ее формирование было медленным и влияние слабым вплоть до XX в. Учет исторических характеристик социальных объектов в XIX в. вполне уживался с натуралистической программой в ее историко-эволюционистском варианте, будь он продуктом перенесения биологических закономерностей на социальные объекты или следствием применения позитивистского подхода к обществу.

Кризис натуралистического подхода в конце XIX — начале XX в. был связан с осознанием различий природы и культуры.

Открытие второй по сравнению с природой онтологической реальности — культуры означало отказ от ее понимания как деятельности, направленной на соответствие с природой. Культура была теперь понята как формирование человека и общественных связей, как продукт истории и сама история, как самоосуществление человека, в ходе которого меняется его собственная природа. На той ступени развития, когда отношение к природе предстает как общественное отношение, получающее «*всеобщее* (*универсальное*) *развитие, впервые и полагается объективное различие между природой и культу-*

---

[16] См.: *Мотрошилова Н. В.* Познание и общество: Из истории философии XVII—XVIII веков. М., 1969. С. 185—197 и др.

[17] В советской литературе можно встретить и другие ее названия: субъективистская, социоцентристская, неоидеалистическая, историцистская.

рой» [18],— отмечает В. М. Межуев, раскрывая далее смысл этого утверждения следующим образом: на начальных стадиях капитализма человек, сохраняя формы личной зависимости, остается в определенной мере элементом природной среды, составляя с ней непосредственное единство, на более поздних ступенях развития сама природа становится элементом человеческой среды, реализуется деятельностное единство человека с природой. «В культуре тем самым представлен *всеобщий специфический именно для человека характер его связи с природой*, возвышающий его над особенностями чисто природного бытия и прямо совпадающий с его существованием как общественного субъекта деятельности» [19].

Таким образом, культура как созданное человеком и создание самого человека выступает как всеобщая характеристика человеческого бытия, которая, однако, предстает в конкретно-исторических формах. Первоначальная природная зависимость сменяется открытием социальных связей, произведенных совокупным общественным трудом, т. е. отношений людей, создаваемых не природным способом, а исторически созданными условиями труда, активностью общественного субъекта, производством человека. Этот позже, чем природа, открытый «объект» (культура) становится логически первым в идеалистической методологии обществознания XIX—XX вв.

Открытие культуры как особой реальности не упраздняет связей человека с природой. Это одна из причин, в силу которой абсолютизация культуры в буржуазной методологии обществознания не упраздняет натуралистического подхода. Природа остается в качестве предпосылки деятельности человека, но культур-центристской идеалистической установкой не схватывается, оставляя место натурализму.

В силу сказанного натурализм может распространяться и на такой объект изучения, как сама культура. Способ натурализации культуры состоит в рассмотрении ее не как самоосуществления человека, в ходе которого меняются он сам и его социальные связи, а как деятельности, источник которой лежит в индивидуальных устремлениях абстрактного индивида. Абстрактный индивид, как феномен культуры, есть продукт ее натуралистической редукции. Натурализация культуры состоит также

---

[18] *Межуев В. М.* Культура и история. М., 1977. С. 122.
[19] Там же.

в превращении ее из процесса в объект, состояние, лишь результат деятельности, воплощение активности природного существа.

Для того чтобы культур-центристская исследовательская программа окрепла, необходимы были условия, при которых, как уже отмечалось выше, область культуры получила признание в качестве столь же значимой, как и область природы. Подобное признание стало возможным в силу кризиса рационалистических установок, обнаружения иррациональности, «неразумности» самой капиталистической действительности и попыток найти «противоядие» социальным реальностям капитализма в более консервативной, менее изменчивой сфере культуры — в обращении к истории, опыту прошлого.

Культур-центристская программа прошла *две стадии* в своем развитии. Сначала она формировалась только применительно *к наукам о культуре и истории*. Классическим вариантом ее реализации является концепция Виндельбанда и Риккерта. Они, по существу, указали на *границы* натуралистической программы, которая, в их понимании, не исчерпывала область действия естествознанием. Ее отличительной особенностью была признана способность к построению обобщающих законов посредством отказа от учета индивидуальных характеристик объектов. Поэтому социология была признана Риккертом как номотетическая (обобщающая) наука в той же мере, что и естествознание. Номотетическим наукам были противопоставлены идиографические (описательные, индивидуализирующие). Процедура индивидуализации была разработана Риккертом как логическая процедура, присущая историческим наукам (истории и наукам о культуре). То есть культур-центристская программа охватывала такие области действительности, где индивидуальные качества объектов не элиминировались, а как наиболее характерные, исключительные способны дать ключ к среднетипичному.

В настоящее время, на наш взгляд, наблюдается начало *второго этапа* культур-центристской исследовательской программы в западной методологии, связанного с попыткой ее распространения на естествознание. Он характеризуется стремлением учесть значение культурных ресурсов, социальных факторов, деятельности людей, исторического опыта, индивидуальности ученого в естествознании (Фейерабенд, Малкей, Штарнбергская группа).

Этот поворот «датируется» появлением отрицательных социальных следствий научно-технической революции при

капитализме, порождающих неудовлетворенность выполнением наукой своих социальных функций. Социальные, мировоззренческие корни этого методологического поворота состоят в том, что культура, история уже не могут быть рассмотрены как «последнее убежище» капиталистической цивилизации, они сами несут ее пороки. Поэтому культур-центристская исследовательская программа в ее новом варианте несет следы пессимизма, неверия, методологически проявляющиеся в релятивизме.

Марксистский метод анализа социальных явлений коренным образом отличается от подхода, предлагаемого культур-центристской исследовательской программой. Марксистская научная программа преодолевает крайности натуралистической и культур-центристской программ. В концепции всемирной истории марксизм исходит из взгляда на историю как на *деятельность* людей (аспект, на котором спекулирует культур-центристская программа), но результат этой деятельности и законы этой деятельности позволяют говорить об истории как о естественноисторическом процессе (аспект, который в вульгарном, упрощенном виде фиксируется и абсолютизируется натуралистической исследовательской программой).

Введение понятия «исследовательская программа» в методологию социального познания и выделение двух основных программ — натуралистической, возникшей в XVII в. и весьма прочной по сей день, и культур-центристской, наиболее развитой в конце XIX в.,— позволяют найти методологический аналог социально-культурному противоречию буржуазного общества — сциентизм—антисциентизм, в котором движется методологическое знание на Западе. Попытки создания иных программ, как правило, характеризуются тяготением к одной из названных. Например, возможна ли психологическая программа? Психологический редукционизм, как и вообще редукционизм,— одна из черт современной буржуазной методологии. Но все дело в том, какие аспекты психологического знания и самой психики оказываются преобладающими при редукции. Если это психофизиологические (субстанциональные) или поведенческие (функциональные) аспекты, то психологизм выступает как проявление натуралистической исследовательской программы (Ж. Пиаже, З. Фрейд, бихевиоризм). Если психика интерпретируется в ее историческом, социальном, душевно-духовном аспекте, то тогда налицо поворот к культур-центристской программе. Так, Дильтей претендовал на создание психо-

логической программы, отделив науки о природе от наук о духе и исключив возможность социологии как науки. Но понимание, обоснованное им как метод постижения духовной реальности, есть вместе с тем метод соотнесения ценностей и смыслов одной исторической эпохи с другой, т. е. вписывается в культур-центристскую программу.

Попытки построить экономическую исследовательскую программу также характеризуются либо креном к натурализму, либо обращением к индивидуальным, исторически изменчивым экономическим мотивам, т. е. поворотом к культур-центризму.

Особенностью натурализма и культур-центризма как исследовательских программ является принципиальная возможность их приложений как к *естественным, так и к общественным наукам,* в то время как другие возможные программы носят частный характер и не имеют универсального применения. Эти программы и организуют знание об обществе в систему и выступают ее внутренним противоречием в западной методологии. Степень саморазвития науки относительна (большое влияние на развитие науки оказывает общество, в систему которого вписана наука) и определяется не в последнюю очередь названными противоречиями исследовательских программ.

§ 2. Методологический кризис. Поиски единой исследовательской программы

Как уже было отмечено, культур-центристская исследовательская программа не вызывала тревоги буржуазных методологов до тех пор, пока она отводила «богу — богово, а кесарю — кесарево», т. е. пока она делила сферы приложения своих и натуралистических принципов между общественными и естественными науками. Но экспансия культур-центристской исследовательской программы на область изучения природы сильно подорвала веру в последний оплот буржуазной цивилизации — естественные науки, которые в условиях осознания кризиса не только экономики, социальной сферы, но и культуры казались единственным основанием оптимистического мировоззрения. Кроме того, натуралистическая исследовательская программа обнаружила существенные слабости в методологии естествознания. Параллельная работа двух противостоящих друг другу исследовательских программ, применяемых для объяснения одних и тех же явлений, ха-

рактеризует состояние методологии буржуазного обществознания как кризисное[20].

Кризисное состояние методологии выразилось в появлении многообразия точек зрения на цели и задачи науки, множества представлений о ходе ее развития (Поппер, Кун, Лакатос, Тулмин, Фейерабенд и т. д.).

В этих условиях наметилась тенденция раскрыть новые перспективы в методологии естествознания посредством активного приложения к ней культур-центристской исследовательской программы, а методологию обществознания активизировать путем сциентизации, приложения к ней натуралистической программы.

В ряде случаев эти попытки позволяют увидеть прежде незамеченные или малозначащие факторы в развитии естественных и общественных наук. Например, уточнить роль социально-культурных факторов в развитии естествознания или совершенствовать логическую форму общественных наук[21].

Гуманитарное знание, специфически укорененное в обыденно-практических способах освоения действительности, всегда осознавало свою социальную обусловленность и зависимость культивируемых в нем форм рациональности от форм рациональности практики. Его наиболее традиционные отрасли (история, литература и др.) отделены от общенаучного потока недостаточной специализацией языка, большим объемом нарративного (описательного) материала, неясно прослеживаемой логической преемственностью научных построений, менее жесткими нормами теоретичности. Стремление к воссозданию рационального как общезначимого в сфере науки привело к поискам «рациональных» основ гуманитарных наук, разработке вопроса об их когнитивных структурах. Эту роль взяли на себя структурализм, аналитическая философия, частично критический рационализм. В качестве примера

---

[20] См., например, употребление термина «методологический кризис» в работе Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» (*Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291—436). Кризис в методологии психологической науки характеризуется, по мнению Л. С. Выготского, попытками объяснить сущность психического многообразными конкурирующими теориями, выдающими один из фрагментов психического за основу психики в целом. Подобная ситуация наблюдается ныне в буржуазной методологии обществознания в целом.

[21] См., напр.: *Opp K.-D.* Methodologie der Sozialwissenschaften: Einführung in Probleme ihrer Theoriebildung: Reinbeck bei Hamburg, 1970; *Schanz G. E.* Einführung in die Methodologie der Betriebwirtschaftslehre. Köln, 1975.

остановимся на попытках построения «рационального» литературоведения. Термин «рациональный» употреблен тут в том узком смысле, как эксплицируемость логической структуры, от которого методология естествознания, историцистски переориентированная, стремится отойти.

Рациональная наука, по С. Шмидту,— это «нормальная» наука [22]. Термин заимствован из концепции Т. Куна, который представляет развитие физического знания как переход от «нормальной», т. е. эволюционно развивающейся, науки к научной революции. Для формирования «нормального» литературоведения предлагается развернуть теорию аргументации [23]. Ей предшествуют вненаучные условия и факторы деятельности, которые сохраняют свой нерациональный статус. Авторы (С. Шмидт, У. Чарпа) придерживаются точки зрения О. Гелмера и Н. Решера [24] о том, что науки следует разделять не на науки о природе и науки об обществе, а на точные и неточные. Научность, следовательно, не равна точности. Она «равна» объективности, а объективность — это «интерсубъективная испытуемость высказываний». Там, где она есть, т. е. где есть логическая проверяемость высказываний, там наука является «нормальной», там литературоведение «поднялось» до уровня натуралистической исследовательской программы.

В стремлении отыскать единый канон научности для всего знания обнаруживается тенденция к своего рода гуманитаризации естественных наук и сциентизации гуманитарных наук. Легко заметить, как в этом встречном движении методологические концепции естественнонаучного и гуманитарного знания, ищущие единые нормы научности, драматически расходятся.

Было бы ошибкой приписывать отмеченные неудачи только методологическим слабостям буржуазной философии науки. Позитивная постановка проблемы рациональности всегда требует социальных условий, создающих возможность для рациональной деятельности. Буржуазное общество, деформировавшее возможности науки в соот-

---

[22] *Schmidt S. J.* Literaturwissenschaft als argumentlehrende Wissenschaft. München, 1975; *Charpa U.* Methodologie der Wissenschaft und Literaturwissenschaftliche Praxis: Zur Anwendungsproblematik von Theorien der wissenschaftlichen Method. Köln, 1979.

[23] *Schmidt S. J.* Op. cit. S 2.

[24] *Helmer O., Rescher N.* Exakt versus inexakt Sciences: A more instructive dichotomy // The Nature and Scope of Social Science. N. Y., 1969. P. 181—203.

ветствии с присущими ему социальными деформациями — господством прагматических ориентаций, не может воссоздать в методологии ту целостность науки и ту способность разума к универсальному и всестороннему, не только целе-, но и ценностно-рациональному, овладению условиями жизни, которых нет на деле.

Кроме приведенной, имеются и другие, тоже методологические, попытки преодоления крайностей натуралистической и культур-центристской исследовательских программ. Остановимся на одной из них.

Критический рационалист, т. е. представитель постпозитивистской философии и, казалось бы, «по определению» сторонник натуралистической исследовательской программы, Г. Альберт неожиданно выступил с критикой обеих программ в области социального знания. Он находит неудовлетворительным «разрыв» этими программами единого социального знания — «натурализм» одних, наук об обществе (социология) и «историзм» других, наук о культуре. Он полагает, что наличие противостоящих друг другу программ разрушает системное единство знания об обществе.

Альберт находит логическое противоречие в культур-центристской (он называет ее историцистской) и в какой-то мере также в натуралистической исследовательских программах.

Историцистская программа предполагает герменевтический метод (понимание) в качестве ведущего метода наук о культуре. Но если понимание — это метод, то возможна определенная «технология» понимания, повторяемость процедуры, а это возможно только в случае наличия закономерностей. Следовательно, культур-центристская (историцистская) исследовательская программа одновременно и отрицает общественные закономерности, и предполагает их, т. е. является противоречивой: «Тот, кто применит понимающий метод к определенной области, не может обойтись без признания закономерностей. Совершенствование этого метода и тем самым дальнейшее совершенствование герменевтики предполагает расширение *номологического* (курсив наш.— *Авт.*) знания об этой области» [25].

Противоречие в натуралистической исследовательской программе отмечается Альбертом для частного случая

---

[25] *Albert H.* Einheit der Sozialwissenschaften // Logik der Sozialwissenschaften. Königstein/Tg., 1980. S. 61.

экономической программы. Он указывает также на натуралистическую социологию, которая, с одной стороны, рассматривает общество как организм, образованный взаимодействием людей, а с другой — исходит из рассмотрения деятельности индивидов и проявляет методологический индивидуализм, свойственный историцистской исследовательской программе. В качестве выхода из противоречия он предлагает обратиться к случаям «интерференции» названных программ. Хотя указанные им противоречия как раз и свидетельствуют об уже имеющейся интерференции, речь идет о возможности более удачного, непротиворечивого совмещения этих программ, некоторого «исправления» натуралистической позиции историцистской (культур-центристской). Основную роль играет для Альберта натуралистическая программа. По его мнению, существует множество исследовательских программ: экономическая, структуралистская, историцистская, психоаналитическая, бихевиористская, феноменологическая, прагматическая, юридическая, марксистская (в которой Альберт видит попытку соединения натуралистической и историцистской). Они конституируются либо определенным философским направлением, либо ориентацией на одну из наук. В этом контексте натуралистическая программа может быть понята как позитивистская, а ее «исправление» — как эклектическое усвоение позитивизмом других исследовательских программ.

Альберт, будучи критическим рационалистом, находит две удачные попытки «синтеза» различных программ — в критическом рационализме и у Макса Вебера. М. Вебер действительно занимает в буржуазной методологии особое место. Сохраняя культур-центристские традиции «понимающей социологии», он ввел в методологию социальных наук представление об «идеальных типах», т. е. о теоретических конструктах, подобных тем, которые применяются в естествознании [26]. Через Вебера буржуазная

[26] Веберовское понимание процесса идеализации широко используется в западной литературе, но вместе с тем даже там вызывает справедливые нарекания ряда западных философов и социологов, придерживающихся как натуралистических, так и культур-центристских позиций. Критики отмечают, что идеальный тип у Вебера нередко оказывается обозначением некоторого эмпирического феномена и не приобретает ни категориального, ни теоретического значения. Создается видимость перехода на теоретический уровень, в то время как на деле историк или социолог, пользующийся веберовской методологией, находится в рамках эмпирического описания и лишь изменяет тер-

литература попыталась воспринять некоторые идеи марксизма, но в свободном от классовых, социальных ценностей виде. Все богатство марксистского подхода здесь изъято и упрощено до логико-методологической процедуры идеализации. Важно то, что идея «интерференции» исследовательских программ есть воспроизведение имеющегося между ними противоречия в рамках одного подхода, т. е. проблема не снимается, а усугубляется.

И сколь бы ни стремился Альберт быть объективистским, незаинтересованным исследователем, его мировоззренческое кредо тем не менее высказано вполне явно: «...альтернативный анализ против исторической предопределенности» [27].

Наряду с отмеченными попытками перенесения центра тяжести исследовательских программ с одних наук на другие и с идеей их интерференции путем взаимодополнения, в западной литературе высказывается возможность создания еще одной исследовательской программы — *экологической* [28]. Подобные идеи высказываются и советскими учеными [29]. При этом надо иметь в виду, что понятие исследовательской программы здесь обретает более общую направленность — ее включенность в марксистское понимание науки.

Экологическая программа выражает тенденцию развития знания. К ней предъявляются следующие требования: общественной организации науки, ориентации науки на ее соответствие социальным целям, согласования общественных и естественных закономерностей, возрастания значимости управления и социального контроля за ее применением. Одновременно такая ориентация должна способствовать синтезу общественных, естественных и технических наук. Экологическая программа требует превращения науки из универсальной производительной силы в универсальную социально-преобразующую силу.

мины. См.: *Lopreato J., Alston L.* Ideal Types and the Idealisation Strategy // American Sociological Review. 1970. Vol. 35. N 1. P. 88—96.

[27] *Albert H.* Möglichkeit der Wissenschaft und das Elend der Prophetie // Methodologische Problems der Sozialwissenschaften. Hrgs. V. K. Acham Darmstadt, 1978. S. 319.

[28] Starnberger Studien 1. Die Gesellschaftliche Orientierung des Wissenschaftlichen Fortschritts. Frankfurt a/M., 1978; Unweltforschungs — die gesteuerte Wissenschaft? Hrsg. V. V. Kupper: Frankfurt a/M., 1978.

[29] См. работы И. Т. Фролова, Э. М. Гирусова, В. М. Хотяковой, В. Лося и др.

Однако это требование, противоречащее утилитарным тенденциям буржуазного общества, проявленным также в отношении науки, может быть реализовано только при социализме.

Сказанное позволяет сделать вывод об обострении противоречий и трудностей буржуазной методологии обществознания, о ее кризисном состоянии. Особенностью названного кризиса является, во-первых, то, что противостоящие друг другу исследовательские программы — натурализм и культур-центризм перестали взаимодополнять друг друга, каждая из них стала претендовать на общенаучный статус и на способность объяснения всех явлений действительности; во-вторых, попытки выйти из этого противоречия посредством интерференции названных программ ведут к воспроизводству указанного противоречия; в-третьих, состояние буржуазной философии в настоящее время таково, что постклассические направления (позитивизм, экзистенциализм, неотомизм) утратили определенность своих границ, а новые тенденции отличаются эклектическим характером: нет методологически перспективного направления буржуазной философии, которое могло бы в настоящее время претендовать на создание новой исследовательской программы буржуазного обществознания; и, наконец, в-четвертых, в противоречиях натурализма и культур-центризма проявляется коренное противоречие духовной жизни буржуазного общества — сциентизм—антисциентизм, социальная почва которого — разрушение классического типа буржуазного духовного производства.

Характерной чертой методологического кризиса буржуазного обществознания является то, что он осознается западными методологами. Ныне трудно встретить в западной литературе прежнюю оптимистическую, самоуверенную интонацию. Пожалуй, дело обстоит сходным образом с тем методологическим кризисом, который описан в психологии 20-х годов Л. С. Выготским: дисциплины буржуазного обществознания «в развитии исследования, накоплении фактического материала, систематизации знания и формировании основных положений и законов дошли до некоторого поворотного пункта. Дальнейшее продвижение по прямой линии, простое продолжение все той же работы, постепенное накопление материала оказываются уже бесплодными или даже невозможными. Чтобы идти дальше, надо наметить путь» [30].

[30] *Выготский Л. С.* Указ. соч. С. 292.

РАЗДЕЛ III

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК ТЕОРИЯ И МЕТОД ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ЕЕ РОЛЬ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ ОБЩЕСТВА

Ранее была дана характеристика общественно-исторической практики в связи с ее гносеологической функцией. Тема данного раздела предполагает анализ общественно-исторической практики уже не в гносеологическом, а в онтологическом аспекте. Рассмотрение поворачивается, таким образом, из плоскости выяснения роли практики в познании общества и его законов в плоскость определения ее структуры и значения как материальной силы, изменяющей мир, а также выявления некоторых механизмов такого изменения.

§ 1. Структура общественно-исторической практики

Общественно-историческая практика, как и производственная, существует в единстве таких компонентов, как объект преобразования, средства деятельности и ее цель. Все они становятся элементами единой функционирующей системы лишь при наличии субъекта, осуществляющего практическую деятельность. Однако эти элементы в каждом из видов практики специфичны.

Так, объект производственной практики, связанной с изменением природы, выступает либо в непосредственной, либо в опосредованной предшествующим трудом форме.

Преобразование общества — это всегда изменение той сетки отношений, в которую включены люди и которая, будучи создана их собственной деятельностью, является вместе с тем регулятором этой деятельности. Поэтому объектом общественно-исторической практики выступают общественные отношения.

Характер общественных отношений зависит в конечном счете от экономического базиса, и прежде всего от форм собственности. В связи с этим общественно-истори-

ческая практика классов направлена всегда либо на утверждение и защиту, либо на ликвидацию господствующей формы собственности и связанной с ней системы экономических отношений как на свой *конечный* объект. Но поскольку эти отношения в классовом обществе связаны с отношениями политико-юридическими, охраняющими и защищающими их, постольку и общественно-историческая практика непосредственно направлена на охрану или уничтожение именно данных господствующих в обществе надстроечных форм, и в первую очередь политико-юридических отношений, которые вместе с закрепляющими их учреждениями и организациями и выступают в качестве *непосредственного* объекта общественно-исторической практики.

Конечный и непосредственный объекты общественно-исторической практики равно не следует ни смешивать, ни абсолютно противопоставлять друг другу. Смешение их ведет к отождествлению преобразований в надстроечной области с изменениями базисными, когда, например, политические и правовые акции, направленные на создание условий утверждения и победы социалистических производственных отношений, принимаются за сами эти отношения. Между тем, к примеру, правовой акт о национализации частной собственности не равносилен еще созданию общественной собственности. Для того чтобы последняя была не только провозглашена, закреплена юридически, но и стала реальностью общественной жизни, необходима фактическая перестройка всей сложившейся системы экономических отношений.

Не менее опасно и абсолютное противопоставление конечного и непосредственного объектов общественно-исторической практики. В этом случае закрывается путь к пониманию связи надстроечных отношений и базисных, появляется опасность истолкования общественного развития через некий автоматизм экономики.

В качестве средств труда в производстве выступают орудия, которые исторически меняются, совершенствуются и приводятся в действие то мускульной силой человека, то различными видами энергии — тепловой, электрической, атомной, солнечной и т. д.

В ходе общественно-исторической практики также используются «орудия». Но они весьма специфичны: это различные общественные учреждения, институты, организации. Вокруг них концентрируются усилия людей, они организуют массы, руководят их действиями, направляя

тем самым практику по определенному руслу, регулируя и контролируя ее ход и результаты. Средства общественно-исторической практики, как правило, строго функциональны. Поэтому использование тех или иных средств за пределами той области, для которой они созданы, следует допускать с большой осторожностью и осмотрительностью. В. И. Ленин, как известно, резко выступал против огосударствления профсоюзов, подмены деятельности государственных органов партийными. Это указание не потеряло своей актуальности и сейчас. В процессе общественной практики социализма порой обнаруживается стремление отдельных партийных работников решать все дела района или отрасли, не считаясь с компетенцией советских органов власти. Февральский (1984 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что «для партийных комитетов заниматься хозяйством — значит прежде всего заниматься людьми, ведущими хозяйство» [1].

Та же мысль о недопустимости смешения функций различных органов, учреждений и т. д. четко сформулирована в новой редакции Программы КПСС. «КПСС считает необходимым,— отмечается в ней,— тщательно учитывать специфику функций партийных, государственных и общественных органов, координировать их работу, не допускать дублирования...» [2].

Характеризуя организации и учреждения в качестве средств практики, мы одновременно называли их вместе с общественными отношениями объектами общественно-исторической практики. И в этом нет никакой ошибки, так как в одном отношении они, действительно, выступают как объект, а в другом — как средство. Общество, класс, партия направляют свою деятельность на улучшение или слом тех или иных организаций и общественных институтов. В этом случае они — объект практики. Но в то же время субъект использует необходимые организационные формы в процессе деятельности, выступающие тогда уже как орудия практики.

Следующим важным структурным элементом любого вида практики является цель. Практика обязательно целенаправленна, связана с целеполаганием субъекта. Но цель производственной практики — получение материальных благ путем воздействия на природу и преобразования

---

[1] Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС. 13 февраля 1984 года. М., 1984. С. 11.

[2] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 184.

ее. При этом надо иметь в виду, что результат этого вида практики не сводится к изменению природы и получению материального продукта. В процессе производственной практики создается и воспроизводится человек. Однако этот результат выпадает из целеполагания участников материального производства. Их цель — изменение природы в соответствии с потребностями общественного субъекта. Даже узкокорыстные цели эксплуататорских классов не могут быть удовлетворены иначе, как через воздействие на природу в ходе производственного процесса.

В отличие от производственной общественно-историческая практика нацелена на изменение общества. Участвуя в политической деятельности, добиваясь реформ или осуществляя революционные преобразования, субъект этого вида практики направляет свою деятельность на общественную жизнь. Природа тоже не выпадает абсолютно из его поля зрения (вспомним партию «зеленых» в ФРГ). Но в этом случае требования ее защиты и охраны выступают как момент борьбы за гуманизм, демократизацию общественных порядков, против угрозы войны и т. д.

Напомним, что, характеризуя объект общественно-исторической практики, мы разделили его на непосредственный и конечный. В этой связи представляется правильным выделить соответственно конечную (или опосредованную) и непосредственную цели этого вида практики. Общественно-историческая деятельность людей, протекающая в надстроечной области, нацеленная непосредственно на изменение политических, юридических и тому подобных отношений и учреждений, в конечном счете тормозит или способствует развитию новых производственных отношений. Поэтому сознательная деятельность людей в области надстройки в итоге связана с изменениями их общественного бытия, хотя сами они могут и не осознавать этой глубинной связи.

Цель общественно-исторической практики воплощается (как правило, далеко не однозначно) в ее результатах. Она объективируется в преобразованиях непосредственного объекта, т. е. идеологических, прежде всего политико-юридических, отношений и учреждений. Результат может иметь весьма разные диапазоны: от совершенствования и укрепления господствующей системы, которую класс, находящийся у власти, отстаивает и защищает в борьбе со своими противниками, и до крутой ломки старой надстройки в ходе революционной практики. Естественно, что, чем решительнее преобразования, тем значительнее

их влияние на конечный объект — экономические отношения.

Это обстоятельство особенно важно учитывать в практике социалистического строительства, органически связанного с сознательностью и планомерностью. Непродуманные волюнтаристские решения или просто ошибки, возможные в процессе практической деятельности, тоже воплощаются в результатах: хозяйственных механизмах, актах, регулирующих оплату труда, взаимоотношениях между отраслями производства, потребителем и заказчиком и т. п. А это, в свою очередь, оказывает соответствующее воздействие на экономические отношения, тормозит реализацию заложенных в них возможностей и преимуществ.

В условиях социализма резко возрастает роль науки в обосновании принимаемых решений и теоретическом анализе полученного результата. Одним из важных условий выполнения наукой этой своей функции является развитие демократических начал во всех звеньях общественной жизни. Общество тем жизнеспособнее, чем больше в нем возможностей для конструктивного критического анализа и самокритики. Наука всегда несет в себе критическое начало, по самой своей сути она призвана вскрывать противоречия, обнаруживать пути их решения. Социалистическое общество заинтересовано в развитии этого критического начала как необходимого и обязательного условия созидания нового общественного устройства и роста самой науки. В новой редакции Программы КПСС отмечается, что «партия поддерживает смелый поиск, соревнование идей и направлений в науке, плодотворные дискуссии» [3]. В ней обращено также внимание на всевозрастающую роль науки «в развитии производительных сил и совершенствовании общественных отношений, создании принципиально новых видов техники и технологии, в повышении производительности труда, освоении недр земли, океана, космоса, охране и облагораживании окружающей среды...» [4].

Специфический объект производственной и общественно-исторической практики связан и с особым субъектом того и другого вида деятельности. Если субъектом практики вообще выступает общество в целом, то субъектом каждого из видов практики выступает то же самое обще-

---

[3] Там же. С. 168.
[4] Там же. С. 167.

ство, но уже конкретизированное через совокупность тех общественных отношений, которые специфичны для каждого из видов практики. Субъектом производственной практики является общество, действующее в рамках конкретно-исторических производственных отношений, вооруженное навыками, знаниями, технологией, необходимыми для преобразования природы.

Субъектом общественно-исторической практики тоже является общество, но рассматриваемое со стороны тех форм идеологических отношений, которые ему свойственны на каждом конкретном историческом этапе его развития. Среди всех этих отношений в классовом обществе главными являются политические, поэтому субъект практики классового общества — это прежде всего политически организованный субъект.

Субъект общественно-исторической практики, как и субъект практики производственной, отличается конкретно-историческим характером (см. также гл. третью). Это проявляется в данном случае не только в изменяющихся от эпохи к эпохе общественных отношениях, разнообразии средств практики, уровне и характере знаний, но и в том, что в антагонистическом обществе нет единого субъекта общественно-исторической практики. Здесь субъект распадается на противоположности: он представлен классами-антагонистами, практика которых отражает непримиримость их интересов. Соответственно этому и организации, создаваемые этими субъектами, действуют в прямо противоположных по отношению к прогрессу направлениях.

Итак, родовое понятие «практика» конкретизируется в двух относительно самостоятельных, хотя и связанных между собой особых видах, каждый из которых характеризуется специфическими для него субъектом, объектом, целями, средствами и результатом.

§ 2. Естественноисторический характер общественного развития и общественно-историческая практика

Отметим прежде всего, что неразработанность категории общественно-исторической практики, о чем говорилось в главе седьмой в связи с рассмотрением гносеологической проблематики, отрицательно сказывается и при онтологическом анализе общества как саморазвивающейся системы, подчиненной объективным законам. Не включив

понятие практики в сетку категорий исторического материализма, невозможно понять действия объективных закономерностей естественноисторического характера общественного развития. Только практика способна вдохнуть жизнь в эти понятия, освободить их от немой логики и фатализма.

Каким же образом общественно-историческая практика связана с объективной исторической необходимостью? В литературе утвердилось положение о том, что при переходе от одной формации к другой новые производственные отношения складываются в недрах старой формации и уже только после этого политическая революция приводит надстройку в соответствие со сложившимся базисом.

Если отойти от хрестоматийной привычности этого положения, то мы обнаружим, что в нем далеко не все столь очевидно и безупречно, как кажется на первый взгляд. В самом деле, из приведенного выше положения следует, что общественно-историческая практика людей, протекающая в надстроечной области, никак не влияет на формирование и утверждение новых производственных отношений вплоть до осуществления социальной революции. И лишь революционная практика ломает старую надстройку и венчает новой политико-юридической системой готовый, уже сложившийся независимо от этой практики базис. Исключение обычно делается только при исследовании процесса возникновения социалистических производственных отношений. В этом случае всегда признается, что эти отношения вообще не могут возникнуть без сознательной общественно-исторической деятельности трудящихся, возглавляемых пролетариатом и его партией. Такая постановка вопроса, как нам кажется, объективно ведет (разумеется, независимо от желания того или иного автора), с одной стороны, к недооценке роли общественно-исторической практики антагонистических формаций, а с другой — к абсолютизации этой роли в процессе становления социалистического базиса, когда, например, те или иные политические или юридические акции отождествляются с объективным процессом становления новых экономических отношений.

Думается, что методологически целесообразно отличать вопрос о логике развития общественно-экономической формации как идеализированном объекте от следующей, более конкретной ступени исследования, приближающей нас к реальному историческому процессу. В первом случае выясняется закономерность возникнове-

ния новых производственных отношений, взятая, так сказать, в «чистом виде». Тогда мы имеем дело с объективной логикой взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Это дает возможность с естественнонаучной точностью раскрыть тенденции изменения производственных отношений, обусловленные развитием производительных сил.

Но одно дело тенденция, направленность, закономерность, а другое — ее реализация в реальном историческом процессе. Исторический материализм не берет, разумеется, этот процесс во всем его многообразии и неповторимой индивидуальности. Но, рассматривая вопрос о том, как осуществляется объективная необходимость, связанная с переходом от одного способа производства к другому, наука движется от уровня абстрактного к более конкретному. На этом-то более конкретном уровне и обнаруживается, что не только при социализме (при всем его качественном своеобразии, о чем мы скажем далее), но и в антагонистическом обществе общественно-историческая практика является той мощной силой, которая расчищает путь для новых производственных отношений. Она не только утверждает новую надстройку над уже сложившимся базисом, но и опосредует сам процесс становления этого базиса. Активная деятельность прогрессивных сил общества является обязательным условием осуществления той необходимости, которая порождена развитием производственной практики [5].

В. И. Ленин в полемике с народниками и легальными марксистами акцентировал внимание как раз на роли общественно-исторической практики, которая создавала необходимые условия для победы капитализма. Возражая Михайловскому, писавшему, что европейская жизнь «складывалась так же бессмысленно и безнравственно, как в природе течет река или растет дерево», что «разум и чувство... не присутствовали при возникновении современного экономического порядка в Европе», Ленин писал: «Что это за фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних «живых личностей» на «ход вещей» было «ничтожно»? Совсем напротив. Люди устраивали тогда, в здравом уме и твердой памяти, чрезвычайно искусные шлюзы и плотины, загонявшие непокорного крестьянина

---

[5] См. подробнее: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981. Т. 1. С. 188—218; *Арефьева Г. С.* Социальная активность: проблема субъекта и объекта в социальной практике и познании. М., 1974.

в русло капиталистической эксплуатации; они создавали чрезвычайно хитрые обводные каналы политических и и финансовых мероприятий, по которым (каналам) устремлялись капиталистическое накопление и капиталистическая экспроприация, не удовлетворявшиеся действием одних экономических законов» [6].

Роль политической и правовой практики в становлении капиталистических отношений блестяще раскрыта Марксом в связи с историей первоначального капиталистического накопления.

Разбирая генезис капиталистической земельной ренты, К. Маркс писал, «что при превращении земледельческих феодальных обществ в промышленные и при соответствующей промышленной борьбе наций на мировом рынке все зависит от ускоренного развития капитала, которое достигается не так называемым естественным путем, а при помощи принудительных средств» [7]. И далее, характеризуя систему меркантилизма, направленную как раз на создание благоприятных условий для становления национального промышленного капитала, Маркс замечает: «Поэтому национальный характер меркантилистской системы в устах ее защитников — не просто фраза» [8].

Подчеркивая роль общественно-исторической практики в становлении нового базиса, вместе с тем нельзя ее абсолютизировать. Историческая необходимость именно данного, а не какого-то иного типа производственных отношений зависит не от общественно-исторической практики, а от тех материальных условий, которые объективно формируются практикой иного вида — производственной. В первую очередь речь идет об изменениях, происходящих в производительных силах общества. Что же касается общественно-исторической практики, то она создает благоприятные или неблагоприятные условия для развития и утверждения новых общественно-экономических отношений. Она может надолго задержать этот процесс, обречь общество на загнивание, но она не в состоянии по произволу навязать истории то, что противоречит объективным законам. Полезно вспомнить в этой связи, что неоднократно повторявшиеся на протяжении XVI в. законодательные акты против огораживания оказались не

---

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 416.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 347.
[8] Там же.

в состоянии остановить процесс разрушения феодальных отношений.

Гигантски возрастает роль общественно-исторической практики в ходе социалистического строительства. Это определяется по крайней мере тремя обстоятельствами: во-первых, основой социалистического общества является общественная собственность, которая представлена прежде всего и главным образом государственной собственностью. Это открывает перед обществом в лице социалистического государства невиданные ранее возможности воздействия на экономику; во-вторых, общественная собственность требует планового руководства и создает для этого необходимые условия; в-третьих, социализм является тем обществом, где осуществляется переход к сознательному управлению на основе познанных экономических законов. Все это способно породить и порой порождает неверные и вредные иллюзии о безграничных возможностях общественно-исторической практики при социализме, что неизбежно ведет к недооценке объективных законов и волюнтаристическим ошибкам. В этой связи уместно поставить вопрос о необходимости более тщательной теоретической проработки довольно широко используемых в литературе понятий «механизм закона», «механизм действия закона». В ряде случаев в механизм действия законов при социализме авторы включают субъективный фактор (не в смысле человеческой деятельности, что бесспорно, а в смысле сознательной, организованной практики). Утверждается, что законы при социализме действуют лишь тогда, когда они познаны.

Нам представляется, что с такими положениями трудно согласиться; законы, как естественные, так и общественные, потому и объективны, что они действуют независимо от того, познаны они людьми или нет. И хотя законы общества в отличие от природных не существуют вне деятельности людей, но, будучи законами самой этой деятельности, они также объективны, т. е. независимы от сознания. Поэтому любая попытка включить сознание в механизм закона, а тем более рассматривать познание закона в качестве необходимого условия его реализации фактически ведет к недооценке главной характеристики общественного закона — его объективности. Опыт строительства социализма показал, что если люди в силу недостатка опыта, трудностей познания или других причин не считаются с требованиями законов, то последние дают о себе знать как стихийная сила, вызывающая деформа-

цию отдельных звеньев народного хозяйства. Так, например, экономическое требование опережающего роста производительности труда по отношению к его оплате давно обосновано экономической наукой как объективная потребность развития экономики. Однако в реальной практике оно в ряде случаев нарушается, что порождает негативные явления в хозяйственной жизни.

Негативные факты такого рода не следует абсолютизировать. Сложность созидания нового общества, отсутствие в предшествующей истории аналогичного опыта делают вполне объяснимыми отдельные ошибки и просчеты. Говоря о трудностях строительства нового общества, В. И. Ленин отмечал: «Вначале мы смотрели на эти трудности совершенно абстрактно, как революционеры, которые проповедовали, но совершенно не знали, как взяться за дело. Конечно, масса людей обвиняла нас... за то, что мы взялись за это дело, не зная, как довести его до конца. Но это — смешное обвинение людей мертвых. Как будто можно делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца! Как будто это знание почерпается из книг! Нет, только из опыта масс могло родиться наше решение» [9].

С учетом сказанного, что же может и чего не может сделать общество? Очень многое, но в определенных границах, заданных сложившимися условиями и соответствующими объективными закономерностями. Так, на каждом конкретном историческом этапе существует необходимость в определенных экономических отношениях, порождающих такие стимулы к труду, которые бы в наибольшей степени способствовали дальнейшему росту производства как необходимой основе расцвета общества и личности. Социальная практика призвана утвердить формы организации, которые открывали бы простор для реализации этой объективной тенденции. Такие формы могут более или менее адекватно выражать эту тенденцию, могут и отставать от изменившихся условий, соответствовать им в какой-то части и не соответствовать в другой. В зависимости от этого результаты, получаемые на практике, будут различными: люди могут проявлять бóльшую или меньшую активность, быть заинтересованными хозяевами в своем деле или, мягко говоря, отлынивать от него, проявлять инициативу или равнодушие, дисциплину или недисциплинированность. Строго говоря, «управлять» экономическими отношениями можно лишь в смысле

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 140—141.

создания в ходе общественно-исторической практики таких форм, которые бы наиболее адекватно соответствовали этим отношениям. Именно в этом случае социалистические производственные отношения проявляют все заложенные в них возможности. Рассмотрим в качестве примера одно из реальных противоречий, объективно присущих социализму. Оно состоит в том, что при господстве общественной собственности распределение в этом обществе осуществляется в зависимости от количества и качества труда индивида. Уничтожить это противоречие невозможно, так как и общественная собственность, и принцип распределения по труду присущи самой природе социализма. Но люди могут создать формы, которые способствуют или, напротив, мешают сближению интересов личности и общества. В последнем случае объективный характер противоречия сказывается в таких явлениях, которые тормозят наше движение вперед. Работник, заинтересованный в результатах своего труда, может выполнять и перевыполнять план по продукции, которая не нужна обществу. Какой-нибудь цех получает премию, когда предприятие в прорыве. Чтобы избежать этих «гримас», необходимо найти способы оплаты, обеспечивающие заинтересованность работника в конечном результате не просто его труда, но и предприятия, а в пределе — и общества в целом.

Недооценка роли общественно-исторической практики не менее вредная и опасная односторонность, чем ее абсолютизация. В ходе практики люди сознательно создают организационные формы и учреждения, которые обеспечивают благоприятные условия для осуществления объективной закономерности. И чем совершеннее будут эти формы, чем скорее они будут найдены и внедрены в жизнь, тем более стремительным окажется поступательное движение общества.

В современных условиях, когда партия выдвинула задачу всестороннего ускорения развития нашего общества, чрезвычайно актуальными становятся разработка и внедрение таких форм практики, которые соответствовали бы объективным законам социализма и способствовали активизации интересов людей, стимулируя тем самым их самодеятельность, творчество, инициативу. В производственной области это, во-первых, последовательное осуществление принципа оплаты по труду, «чтобы распределительный механизм служил надежной преградой нетрудовым доходам, уравниловке в оплате труда — всему, что

противоречит нормам и принципам социалистического общества»[10].

Во-вторых, это создание таких организационных форм, которые стимулировали бы активность производственных коллективов на основе повсеместного внедрения хозрасчета, повышения самостоятельности предприятий, расширения непосредственных производственных связей. И наконец, это приобщение членов любого трудового коллектива к управлению производством. Без этого человек не чувствует себя в полной мере хозяином производства, что не может не сказываться на его активности, дисциплине, борьбе за общее дело. Не случайно в новой редакции Программы КПСС подчеркивается: «КПСС будет последовательно проводить линию на **развитие творческой инициативы трудящихся и их все более полное вовлечение в процесс управления производством...»**[11].

§ 3. Теория и практика

В гносеологическом плане мы подчеркивали противоположность теории и практики как двух важнейших форм человеческой деятельности — духовной и материальной. В силу этого первая имеет своим непосредственным результатом отражение объективного мира и выработку идеальных планов его изменения, тогда как итог второй формы деятельности — практическое преобразование природы и общества.

Но на фиксации качественного различия этих двух видов практики нельзя ставить точку. Необходимо показать далее их взаимодействие.

Связь теории и практики носит двусторонний характер. Во-первых, практика, как производственная, так и общественно-историческая, органически входит в сам познавательный процесс, обусловливая в решающей степени как объект, так и результаты познания, отсеивая заблуждения от истины. Развивающаяся производственная практика втягивает в познавательный процесс все новые и новые объекты, задает ракурсы их исследования в соответствии с потребностями общества и его возможностями. Практика и теория функционируют, таким образом, не как два каких-то параллельных процесса; прак-

---

[10] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 147.
[11] Там же. С. 150.

тика органически включается в познавательную деятельность и именно поэтому входит в качестве неотъемлемого компонента в теорию познания марксизма.

Во-вторых, необходимо учитывать и онтологический аспект связи теории и практики, который выражается в том, что теория, сформированная под воздействием практики, опосредованная ею, сама включается в последующие циклы непрерывно функционирующей и развивающейся практики. При этом чем выше уровень развития общества, тем большее значение приобретает, так сказать, «теоретическая оснащенность» практики.

Цель практики может формироваться и воплощаться как на уровне обыденного сознания, так и быть обоснованной теоретически. Вплоть до зарождения капиталистического способа производства в производственной и в значительной степени общественно-исторической практике цели и способы их осуществления вырабатывались на основе эмпирического обобщения повседневного опыта. Общественно-историческая практика в докапиталистических формациях была связана главным образом с религией и обыденным сознанием. С зарождением же капитализма в обосновании целей, выборе средств, прогнозировании результатов общественно-исторической практики все бо́льшую роль начинают играть философия и общественные науки в целом.

Качественно новый этап общественно-исторической практики трудящихся связан с возникновением марксизма. С этого времени начался исторический процесс соединения научной идеологии пролетариата с его классовой борьбой. Научная разработка механизмов такого соединения, определения путей овладения массами революционными идеями дана в работах Маркса, Энгельса и Ленина. Но данная проблема имеет не только историческое, но и острое современное значение. Сейчас, когда в партийных документах, в марксистской литературе обобщаются закономерности нынешнего этапа социализма и намечаются перспективы дальнейшего общественного прогресса, чрезвычайно важно объединить вокруг партийных решений всех трудящихся, соединить теоретические положения с практикой масс и одновременно поднять теоретический уровень массового сознания.

Между тем «перевод» теории в практику — процесс достаточно сложный, предполагающий ряд промежуточных ступеней. И чем абстрактнее теория, тем больше таких ступеней. Положение это справедливо как для про-

изводственной, так и для общественно-исторической практики. В обществе можно зафиксировать как бы два полюса: с одной стороны, обыденное сознание масс, а с другой — научная теория, вырабатываемая идеологами. Оба эти «полюса» имеют свои особенности: теория «схватывает» сущность, а обыденное сознание скользит по внешней стороне бытия, не раскрывая глубинных причин происходящего; обыденное сознание само по себе не может перерасти в теорию, последняя же возникает не на его базе, а на основе обобщения практики и переработки прошлых научных достижений. И все же это полюса единого целого. Их объединяет уже то, что между ними живут и действуют люди, в сознании которых присутствуют, в той или иной мере переплетаются и взаимодействуют элементы как обыденного, так и теоретического знания.

Поскольку научная идеология выражает глубинный, сущностный интерес класса, а обыденное — тот же интерес, но на уровне явлений, постольку создается объективная возможность проникновения передовой идеологии в сознание масс и организации их практики на базе революционных, научно обоснованных идей. В. И. Ленин в своих работах употреблял понятие «инстинкт класса». Такой «инстинкт» как раз и есть не что иное, как эмпирически выработанное, тесно связанное с эмоциями осознание необходимости определенных практических действий для улучшения своего положения.

Можно согласиться с Г. Е. Глезерманом, писавшим, что масса народа, класса «в общем и целом... действует сообразно своим интересам, побуждаемые к этому, если не ясным классовым сознанием, то, по крайней мере, классовым инстинктом» [12]. Такой эмпирический уровень сознания революционных масс Ленин называл «смутной идеологией» [13]. Инстинкт класса четко срабатывает и в его отношении к идеологии, теоретически обосновывающей его интерес и задачи. На примере пролетариата Ленин показал, что рабочий класс тянется к социализму, поскольку теория научного социализма объективно соответствует его интересам. Поэтому задача состоит в том, чтобы, опираясь на собственный опыт масс, отраженный в их обыденном сознании, помочь им овладеть передовыми

---

[12] *Глезерман Г. Е.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973. С. 93.

[13] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 102; Т. 32. С. 277.

революционными идеями и поднять их практику на уровень сознательной политической классовой борьбы. Задача такого масштаба может быть решена только организацией класса — его политической партией. И хотя степень овладения теорией, как и творческие возможности членов партии, разумеется, весьма различны, тем не менее в целом партия — это всегда передовая, наиболее сознательная часть класса.

Деятельность партии по соединению теории с практикой, переводу теории в деятельность масс осуществляется через многие каналы. Это прежде всего выработка программ, долгосрочных, краткосрочных, максимум, минимум и т. д. Программа представляет собой, с одной стороны, важный теоретический документ, в котором на основе марксистско-ленинской методологии дается анализ конкретно-исторической эпохи или каких-то ее этапов, соотношения социальных сил в международном масштабе, в рамках страны или группы стран и т. д. С другой стороны, или, лучше сказать, вместе с тем, в программе обосновывается цель класса и партии, т. е. теоретический анализ переводится в задачи политической практики. Эти задачи конкретизируются затем в решениях партийных съездов, в долгосрочных и краткосрочных планах. Цели партии, выраженные в ее программных документах и решениях, через систему идеологической работы становятся затем достоянием масс. При этом уровень овладения теоретическими идеями и глубина осознания целей различны на разных исторических этапах (например, дореволюционная и послереволюционная Россия), в разных слоях населения (например, городского и сельского). Поэтому формы идеологической работы должны быть всегда очень дифференцированными и чутко реагировать на изменяющуюся ситуацию.

Грань между теоретическим и обыденным сознанием абсолютна только в теоретической модели. В реальной жизни она весьма подвижна. Обыденное сознание масс нельзя ни отбросить, ни третировать, так как в нем отражен их опыт. Поэтому научные идеи воспринимаются массами тогда, когда они либо глубже и совершеннее объясняют их практический опыт, либо обосновывают несостоятельность иллюзий, заблуждений, ограниченностей, присущих обыденному сознанию. Но во всех случаях необходима апелляция к обыденному сознанию, повседневной практике. Без этого идеи, выработанные теоретиками, не будут усвоены массами. «Мы можем

управлять только тогда,— писал Ленин,— когда правильно выражаем то, что народ сознает» [14].

Наконец, следует подчеркнуть, что процесс овладения массами научной идеологией никак нельзя свести к пропаганде, обучению, воспитанию, просвещению. Он неотделим от практической работы самих масс. Это положение, имеющее огромное значение на любых этапах рабочего движения, в полной мере сохраняет свою значимость и при социализме.

В развитии социалистического общества есть реальные трудности, которые своеобразно преломляются в сознании людей. Эти трудности могут быть результатом либо объективных, либо субъективных причин, но в любом случае. будучи реальным фактом бытия людей, они затрагивают их судьбы, отражаются в их сознании, проявляются в их практических действиях. В новой редакции Программы КПСС подчеркивается, что проявления чуждой идеологии и морали в сознании и поведении людей — это не только пережитки прошлого, но и прямое следствие наших собственных недоработок. Даже такие антиобщественные поступки, караемые законом, как спекуляция, взяточничество, нельзя объяснить только недостатками воспитания, влиянием прошлой или современной враждебной нам идеологии. Хотя все эти факторы, несомненно, оказывают свое воздействие, но проявляются они все же тогда, когда имеют место недоработки в области материального производства, снабжения, проведения в жизнь принципов социалистической демократии, предусматривающей широкую гласность, контроль со стороны масс, ответственность перед законом должностного лица любого ранга.

Из всего этого следует, что задача овладения массами научной идеологией — это не просветительская, а в первую очередь практическая задача. Она может быть решена только на основе вовлечения (в пределе) каждого гражданина общества в активную практику социалистического строительства, только путем открытой и последовательной критики наших недостатков, выявления причин, их породивших, и мобилизации масс на действительное, а не формально-словесное их преодоление. На это ориентируют нас решения XXVII съезда партии, а также предшествующих ему пленумов ЦК КПСС.

Практика «переводит» теорию в объективно реальное изменение мира и тем самым придает ей характер мате-

---

[14] Там же. Т. 45. С. 112.

риальной силы. Но при этом речь идет об организованной практике класса. Цель, даже научно обоснованная, но не подкрепленная организацией, идея, не опирающаяся на силу последней, могут вдохновить более или менее значительные массы и даже направить их энергию к достижению желаемого результата. Однако стихийная, неорганизованная сила всегда разбивается силой организации господствующего класса. Классики марксизма-ленинизма показали, а опыт нашей революции подтвердил, что этой силе угнетенные могут противопоставить только свою организацию — реальное орудие их практической борьбы за коммунистическое преобразование мира.

Но было бы неправильным стихийное и организованное движение абсолютно противопоставлять друг другу. Необходимо иметь в виду, что борьба угнетенных масс, будь то пролетариат Европы или трудящиеся, выступающие за национальное освобождение, зарождается всегда в форме стихийных практических действий. «Стихийность движения,— писал В. И. Ленин,— есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости, это несомненно» [15]. Настроения масс — чуткий барометр общественной жизни. Они медленно складываются и зреют, они подвержены влиянию господствующей идеологии. Но в конечном счете трудящиеся поднимаются до более или менее отчетливого понимания несовместимости своего интереса с политикой власть имущих. «Классы не ошибаются» [16],— писал в этом смысле В. И. Ленин. Настроение масс, их реальное, практическое сознание вступает в противоречие с лживой официальной идеологией. Возникновение и обострение такого противоречия — свидетельство неотвратимости общественных перемен. Но чтобы они осуществились, в общественно-исторической практике должны использоваться ее специфические средства — организация, учреждения, институты.

Выступления трудящихся классов докапиталистических формаций происходили всегда в более или менее ярко выраженной стихийной форме. Точно так же протекала первоначально и борьба пролетариата, направляющаяся эмпирически выработанным практическим сознанием.

Создание научной идеологии рабочего класса — первый рубеж, отделяющий общественно-историческую прак-

---

[15] Там же. Т. 34. С. 217.
[16] Там же. Т. 16. С. 347.

тику этого класса от всех до того известных истории выступлений трудящихся непролетарских масс; он кладет начало процессу превращения класса-в-себе в класс-для-себя. Второй рубеж, завершающий это формирование,— создание пролетарской партии. Опираясь на научный социализм и развивая его, партия придает общественно-исторической практике класса сознательный и организованный характер. Специально разрабатываются, апробируются и внедряются в жизнь организационные принципы партийного, государственного строительства, взаимодействия партии, государства с массовыми общественными организациями. Токи этого процесса идут не только от партии к массам, но и в обратном направлении, потому что инициатива и творчество народа способны открывать новые организационные формы, лучшие из которых надлежит поддерживать, внедрять, заменять ими формы устаревшие. Поэтому Ленин настойчиво требовал от членов партии не отрываться от народа, не только поднимать народные массы до уровня авангарда, но и постоянно учиться у них, чутко прислушиваться к голосу масс [17].

Современные ревизионисты, анархисты и идеологи многочисленных «левых» течений пытаются обосновать отказ от необходимости организации рабочего и вообще всякого общественного движения. Любую организацию они рассматривают как «институционализм», характеризующийся якобы наличием собственных, узкокорыстных интересов, отрывом от масс, появлением слоя руководителей-бюрократов. Разумеется, такого рода опасность всегда имеет место, о чем не раз писали классики марксизма-ленинизма. Однако эта опасность не фатальна, а ее абсолютизация ведет к разоружению рабочего класса.

Опыт нашей революции, строительства социализма в СССР и других социалистических странах показал, что пролетариат освобождает себя, организуясь, создавая партию, утверждая и используя государственную власть, сплачивая вокруг себя трудящихся, проводя партийное влияние через все общественные институты, государственные учреждения и массовые организации. Только на этой основе осуществляется практическое преобразование всей системы общественных отношений, а вместе с этим и самого человека.

---

[17] Там же. Т. 44. С. 497.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ЦЕЛЕОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

Целенаправленность является существенной особенностью социального действия любого масштаба, и поэтому представляется важным рассмотреть некоторые методологические вопросы общественного целеполагания и целеосуществления: объективную и субъективную стороны общественного целеполагания, взаимодействие общественных целей различного масштаба, факторы и условия общественного целеосуществления.

§ 1. Объективная и субъективная стороны общественного целеполагания и целеосуществления

Первый вопрос, который возникает, это вопрос об источниках формирования общественных целей, их генезисе и связи с объективным миром. Если сознательная цель является предваряющим идеальным образом будущего результата деятельности людей, которая начинается с целеполагания, то не есть ли она проявление свободной воли человека, независимой от внешнего мира и объективных законов его развития?

Конспектируя гегелевскую «Науку логики», В. И. Ленин сделал очень важные методологические замечания. Он подчеркнул, что материалистическая диалектика рассматривает объективный мир, природу в качестве основы целесообразной деятельности человека. «Цели человека,— писал В. И. Ленин,— порождены объективным миром и предполагают его,— находят его как данное, наличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы („свобода")» [1]. Следовательно, как и всякий идеальный образ, цель предстоящей деятельности является отражением внешнего объективного мира. Это отражение — продукт истории общественного развития человека, его потребностей и его текущей практической деятельности, оно — сложное по своей структуре и активное в силу активности самого субъекта социальной деятельности.

Целеполагание и следующее за ним целеосуществление — активный процесс, предполагающий относительную свободу выбора человеком из имеющихся в наличии

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 171.

независимых от него возможностей и средств решения поставленной задачи.

Правильная постановка цели, т. е. постановка не иллюзорной, а реальной, осуществимой в данных исторических условиях цели, соответствующей объективному историческому процессу, возможна только на основе более или менее адекватного отражения в обобщениях, идеях и теориях истории развития связанного с целеполаганием общественного явления, более или менее верного понимания тенденции общественного процесса.

Но это лишь одна — объективная сторона целеполагания, связанная с отражением объективных законов природы и общества. Постановка же цели и целеосуществление есть сложный и противоречивый процесс взаимодействия *объективного* и *субъективного* факторов общественного развития [2].

Основой формирования целей являются материальные и духовные потребности индивида, класса, общества в целом, т. е. то, ради чего и необходима целеполагающая и целеосуществляющая деятельность человека,— удовлетворение этих потребностей.

Все человеческие потребности имеют двойственную, противоречивую природу. С одной стороны, они объективны, поскольку люди как живые существа нуждаются в жизненно важном — пище, одежде, крове, т. е. в материальном обеспечении жизни. Материальные и духовные потребности человека формируются в соответствии с объективными процессами развития производства, достигнутым уровнем экономического и культурного развития общества.

С другой стороны, потребности субъективны, поскольку отражаются в индивидуальном и общественном сознании более или менее адекватно, ибо осознаются в форме личного, группового, классового или, при определенных исторических условиях, общественного интереса в целом. Осознанные интересы идеально мотивируют сознательные цели. Без соответствующего осознанного интереса цель

---

[2] А. П. Белик полагает, что «существенную особенность социального движения можно рассматривать двояко: как удвоение всякой деятельности, т. е. выделение в ней двух уровней — объективно-материального и субъективно-идеального (объективные условия и субъективный фактор), или как раздвоение на целеполагание и целеосуществление» (*Белик А. П.* Социальная форма движения: явление и сущность. М., 1982. С. 173—174). См. также: *Яценко А. И.* Целеполагание и идеалы. Киев, 1977; Общество и сознание: Пер. с нем. М., 1984.

не может возникнуть как факт индивидуального или общественного сознания, стать идеальным элементом социальной, системной по своей сущности причины практических действий людей.

§ 2. Взаимодействие общественных целей

Важным вопросом методологии общественного целеполагания и целеосуществления является классификация целей, на основе которой можно выявить взаимодействие, взаимообусловленность целеполагающих процессов и самих целей, их соподчиненность.

Ведущим методологическим принципом в вопросе с классификации общественных целей является марксистско-ленинский научный принцип классового подхода, выяснения классового интереса конкретного целеполагания. Используя этот принцип, можно дать следующую классификацию: цели исторически конкретного общества — общенародные цели, цели господствующих и подчиненных классов в антагонистическом обществе, цели дружественных классов в неантагонистическом обществе, цели социальных прослоек или групп, цели отдельных коллективов (трудовых, научных, спортивных обществ и т. д.), цели отдельных семей и цели индивидуальные.

При капитализме основные классы — буржуазия и пролетариат имеют антагонистически противоположные интересы и, следовательно, цели. Буржуазия ставит целью увековечить капиталистический общественный строй, эксплуатацию трудящихся масс и подчиняет этой основной цели все другие цели своей классовой деятельности. Рабочий класс, напротив, выдвигает целью окончательную ликвидацию эксплуатации человека человеком, построение бесклассового общества. В соответствии с ней им выдвигаются и все остальные цели его идеологической, политической и экономической борьбы с буржуазией, цели построения коммунистического общества.

Классовые интересы и цели, как правило, осознаются и обосновываются политическими партиями. Лидеры и идеологи буржуазных партий при этом всячески маскируют истинные интересы и цели своего класса, пытаясь идеологически обосновать их как якобы интересы общества в целом.

В противоположность буржуазным партиям марксистско-ленинские партии, выражая интересы народных масс, открыто провозглашают своей основной целью револю-

ционную борьбу за построение коммунистического общества. Они строят свою организационную и идеологическую работу на основе научного познания объективных законов развития общества и опираются на них в своей практической борьбе. Рабочему классу в буржуазном обществе незачем скрывать свои классовые интересы и цели, так как они в главном и основном совпадают с коренными интересами и целями всех трудящихся.

Неантагонистические классы социалистического общества имеют общие коренные интересы и цели — совершенствование всех общественных отношений, с тем чтобы окончательно исчезли классовые различия и установились коммунистические отношения во всех сферах жизни общества. Ведущим классом при социализме является рабочий класс, как самая передовая и организованная сила нового общества. Его основные интересы и цели выражают интересы и цели кооперированного крестьянства, народной интеллигенции и всех других слоев общества. Все это не означает, что между целями неантагонистических классов при социализме нет никаких различий. Различия интересов имеются, но они не затрагивают коренных целей сохранения и упрочения производственных отношений социализма.

Групповые цели формируются на основе группового, коллективного интереса, т. е. интереса круга единомышленников по отношению к какому-либо практическому или идеологическому вопросу. В антагонистическом обществе цели различных групп, как правило, концентрируются вокруг двух основных полюсов: целей групп, объединяющих в своих рядах представителей эксплуатируемых классов, и целей групп, имеющих в своем составе представителей эксплуататорских классов. Цели групп, представляющих крестьянство или интеллигенцию, неоднозначны и порой противоречивы, в чем выражается двойственное положение крестьянства и интеллигенции: положение труженика и положение собственника у рядового крестьянства и положение труженика и относительно привилегированное положение интеллигенции. Даже, казалось бы, нейтральное объединение людей в такую группу, как спортивное общество, при капитализме носит явно выраженный классовый характер. То же самое можно сказать о различных просветительских обществах и т. д.

При социализме групповые цели тоже выражают интересы классов, но классов неантагонистических, дружественных, коренные интересы которых совпадают.

Рабочий класс, являясь руководящей силой нового общества, выражает самые основные цели всех социальных групп общества. Это не исключает того или иного различия и даже противоположности интересов и целей общественных организаций и групп по отдельным вопросам, не носящим принципиального характера. В условиях совпадения коренных интересов, при правильном коллективном руководстве и соблюдении социалистической демократии расхождение основных целей групп и личностей и целей общества, как правило, не перерастает в конфликт. Это не значит, что при социализме конфликты между целями отдельных людей, входящих в группу, и целями группы и всего общества исключены. Они возникают тогда, когда цели члена группы антиобщественны и противоречат целям общественной организации либо цели группы ошибочно истолковываются ее лидерами, без учета необходимости разумного сочетания личного и общественного интересов, интересов ведомства и социалистического государства.

Семейные цели выражают интересы самой малой ячейки общественного организма — интересы продолжения рода, обеспечения материальных и других условий жизни семьи, ее хозяйственно-бытовой деятельности, воспитания детей. В ее целях в той или иной форме переплетаются классовые и личные интересы членов семьи, отражающие социальное положение ее членов в данном обществе.

Индивид как сформировавшаяся личность, активно участвующая в общественной жизни, включенная в различные сферы общественного материального и духовного производства, сочетает в себе и личные, и групповые, и классовые интересы. Ежедневно он ставит перед собой самые различные цели в процессе своей текущей и долговременной деятельности. Они могут быть простыми (бытовыми) и очень сложными (как, например, цель всего жизненного пути), низменными и возвышенными, преступными и добродетельными, эгоистическими и альтруистическими, могут быть целями познания истины и сокрытия ее, научными и обскурантистскими, утопическими и реальными и т. д. При этом на содержание целей личности большое влияние оказывает ее социальное положение.

Целеполагающая деятельность индивида зависит от материальных условий его жизни, воспитания и формирования, уровня образованности, нравственного самосозна-

ния, от политической культуры, мировоззрения, психологического склада и многих других личных особенностей. Короче говоря, на целеполагающую деятельность индивида оказывает влияние огромное, порой не поддающееся полному учету количество условий и факторов, как внутренних, так и внешних. Но личные цели человека во многом определяются и совпадают с целями той социальной группы и того класса, к которым он принадлежит, являясь выражением групповых и классовых интересов. В данном отношении классовые интересы и цели выступают по отношению к индивиду независимым от него фактором, имеющим объективную природу.

Сказанное не исключает того, что в антагонистическом обществе отдельный человек оказывается способным изменить свое классовое положение и мировоззрение, проникнуться интересами класса-антагониста, перейти на новые идеологические позиции, выдвигать цели, соответствующие новым классовым интересам. Так, бывший пролетарий или крестьянин может «выбиться в люди», стать капиталистом и проникнуться интересами и целями эксплуататорского класса. И наоборот, принадлежа к привилегированному классу, но осознав безнравственность и антигуманность, историческую обреченность эксплуататорского общества, вожди пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс прониклись интересами революционного класса пролетариата, состоящими в коренном переустройстве общества на коммунистических началах. Они теоретически обосновали неизбежность возникновения коммунистической формации, необходимость революционной ломки старого, эксплуататорского и построения нового, бесклассового общества. Целью всей их жизни стала подготовка социалистической революции, научное обоснование необходимости построения коммунизма.

Различие и даже антагонизм классовых интересов не исключают сплочения всего народа в экстремальных условиях, например, во время освободительной войны против иноземных захватчиков.

При социализме впервые в истории появилась возможность научного общественного целеполагания. Только классовый подход позволяет определить ведущие общественные цели, а также цели меньшего масштаба и значения, сделать определенные методологические выводы об их взаимодействии. Диалектика общественной жизни позволяет выявить определенную иерархию общественных целей в зависимости от их значения для развития всего

социалистического общества, его неантагонистических классов, социальных групп и отдельных людей. Интересы и цели всего общества — цели высшего ранга. К ним в первую очередь относятся цели сохранения мира во всем мире, предотвращения ядерной войны, грозящей гибелью всему человечеству. Эти цели близки и понятны подавляющему большинству людей на нашей планете как выражение их самых коренных интересов, их права на жизнь. Истинно гуманные цели социалистического общества все больше становятся целями трудящихся всех стран.

Общественные цели необходимо различать по признаку временного интервала их осуществимости, интервала, который «закладывается» в цель самой ее сущностью и содержанием. Несколько упрощая картину, остановимся на текущих, долговременных и постоянных целях. Даже такая упрощенная классификация может содействовать выяснению многих теоретических и практических вопросов целеполагания и целеосуществления. Один из них — прогностическая функция цели, поскольку идеальный образ цели как исходный для наших последующих действий должен предвосхищать результат осуществления цели в близком, отдаленном и весьма далеком будущем. Соответствие реализованной и исходной целей определяется только в момент реализации, когда можно действительно сравнить достигнутое с задуманным. Чем больше времени требуется для достижения цели, тем больше вероятность несоответствия исходной и реализованной целей. Это связано с тем, что при увеличении срока целеосуществления растет вероятность возникновения непредвиденных обстоятельств, бо́льшего числа случайных событий, препятствующих осуществлению цели в том виде и том объеме, в каких она была задумана. Это указывает на необходимость ответственного подхода к постановке общественных целей, выражающих интересы всех людей, требующих для своего осуществления длительного времени, учета возможных обстоятельств целеосуществления, выдвижения реальных целей, обоснованных достигнутым уровнем общественного развития.

Следует подчеркнуть очень важное для методологии общественного целеполагания и целеосуществления обстоятельство. При постановке цели, особенно большого общественного масштаба, нельзя не учитывать возможные негативные последствия данного целеосуществления для других интересов общества, государства и его регионов.

Например, осуществление недостаточно научно обоснованного проекта повышения уровня Каспийского моря путем перегораживания пролива в залив Кара-Богаз-Гол нанесло огромный ущерб ресурсам химического сырья, не дав положительного эффекта для самого Каспийского моря.

Текущие или актуальные цели — цели немедленного или весьма близкого по времени осуществления. Они ставятся для решения неотложных задач, когда имеются в наличии все необходимые условия и средства их осуществления и практически ничтожна возможность непредвиденных и случайных событий, которые могут нарушить процесс целеосуществления и деформировать его результат. Такие цели операциональны по своему характеру, очень конкретны и мало прогностичны в силу сиюминутности их реализации и могут быть оперативно уточнены в соответствии с формирующимся «буквально на глазах» результатом. Реализованная актуальная цель обычно имеет высокую степень адекватности исходной цели. Примером ее может служить постановка задачи начальником цеха завода на утреннем совещании о выполнении дневной программы, когда запасены заготовки, имеется необходимый задел деталей, подготовлены станки, приспособления и инструмент, явились на работу станочники и подсобные рабочие, разработана и апробирована технология и т. д. В этих условиях ставится конкретная цель выполнения сменной программы к концу рабочего дня. Здесь весьма велика вероятность того, что реализованная цель не будет отличаться от исходной. Видимо, в каждом отдельном случае имеется допустимый интервал времени для осуществления текущей цели, при котором ее соответствие реализованной цели максимально. В реальной практике значение и место текущей цели нередко переоцениваются.

Долговременные цели выражают широкомасштабные основные и длительные интересы личности, группы, класса и всего социалистического общества. Долговременные цели предполагают более или менее длительный процесс целеосуществления, множество этапов промежуточного текущего целеполагания и целеосуществления как условий и средств их реализации. При постановке долговременных целей приходится считаться с увеличением вероятности появления случайных помех в процессе целеосуществления, которые невозможно предусмотреть заранее, роста несоответствия содержания реализованной цели исходной. Поэтому при их постановке обязательно четкое

определение их сущности, основы ожидаемого результата. При постановке долговременных целей необходимо заранее учитывать возможность корректировки исходной цели в процессе целеосуществления.

Постоянные цели выражают непреходящие коренные интересы класса, общества. Это стратегические цели. Так, для всех общественных формаций непреходящей целью было, есть и будет производство материальных и духовных благ, без которых люди не могут существовать. Целью рабочего класса и всего социалистического общества является задача непрерывного совершенствования производительных сил и производственных отношений для создания материальных и духовных условий построения бесклассового общества.

Постоянные цели отличаются предельным обобщением фундаментальных интересов личности, класса, общества. При социализме они выражают сущность прогрессивного развития общества, будучи направлены на сохранение его принципов и приумножение его преимуществ как самого гуманного общественного строя в истории человечества. Отличие таких целей состоит в том, что они непрерывно реализуются через формирование и осуществление текущих и долговременных целей. В процессе такой реализации они воспроизводятся на новой, более совершенной и развитой основе, приобретают бóльшую конкретность, реальность новых общественных объективных законов.

Субординация текущей, долговременной и постоянной целей состоит в том, что текущая цель является моментом бытия долговременной цели, а долговременная — этапом движения к постоянной цели. Поэтому осуществление и одновременно воспроизводство постоянной цели через ряд долговременных, а осуществление долговременной цели через постановку и реализацию массы текущих целей является своеобразным переходом от отдельного к особенному, а от него к общему и обратно, переходом от предельно общего к конкретному. Это обстоятельство имеет очень важное методологическое значение при определении приоритета целей в любом акте целеосуществления в нашем обществе.

Приоритет в иерархии целей принадлежит постоянным целям, затем долговременным и текущим, которые всегда должны сообразовываться с целями более высокого ранга. Однако при чрезвычайных обстоятельствах возможны исключения. Так, например, после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз текущие цели ор-

ганизации обороны страны и отпора немецко-фашистским захватчикам потребовали от советского народа мобилизации всех сил на военные нужды, временно заставили значительно сократить усилия по реализации постоянной цели — мирного строительства коммунизма. Как только советский народ одержал победу, приоритет основной и постоянной цели проявился в полном объеме и страна, ликвидируя последствия войны, предприняла гигантские усилия для создания материально-технической и духовной базы дальнейшего совершенствования социалистического общества.

Следует сказать еще об одном виде иерархии целей. Общегосударственные, региональные и ведомственные цели в социалистическом обществе неразрывно связаны общей основой — интересами всего общества, которые лежат в основе особенных интересов союзных и автономных республик, областей, национальных округов, краев, а также ведомств, представляющих специфические интересы отраслей производства, культуры, образования, медицины, обороны и т. д. (т. е. иерархия организуется по территориально-отраслевому признаку).

Несомненно, что в этой массе интересов и выражающих их целей приоритет принадлежит общегосударственным целям. Но при этом следует подчеркнуть, что общегосударственные цели будут адекватны объективным законам развития социалистического общества при обязательном соблюдении особых интересов регионов и специфических интересов ведомств и их целей.

Из сказанного можно сделать вывод, что диалектическая связь, взаимодействие всех целей жизнедеятельности социалистического общества представляют собой сложнейшую картину взаимозависимости, взаимообусловленности и соподчинения целей различного ранга и различной общности. Эта взаимосвязь отражает объективные законы развития нашего общества.

§ 3. Условия и средства общественного целеосуществления

Сознательная цель человека, которой он должен подчинять свою волю, писал К. Маркс, «как закон определяет способ и характер его действий...» [3]. Сформулированная на основе научного анализа тенденций развития социали-

---

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189.

стического общества и своевременно поставленная цель требует для своего осуществления соответствующих ей материальных и идеологических средств.

Идеологические средства целеосуществления необходимы по той причине, что поскольку идеальный образ задачи всего общества не может спонтанно и одновременно возникнуть в сознании всех или большинства его членов, то общественная цель формируется первоначально как коллективная идея Коммунистической партии — руководящей силы социалистического общества, опирающейся в своей деятельности на достижения марксистского обществознания.

Научное планирование в условиях социализма становится основой целеполагания общества[4]. Но чтобы правильно поставленная цель осуществилась, требуются практические дела больших, сплоченных коллективов, всех трудящихся. Отсюда следует, что поставленная цель должна стать идейным достоянием многих, всего народа, убежденного в правомерности такой цели и в необходимости практических усилий для ее достижения. Общественная цель должна стать частью общественного сознания, прежде чем начнется процесс ее материализации в виде решенной задачи как результата практических действий масс.

Следует подчеркнуть принципиальное отличие идеологических средств целеосуществления при социализме по сравнению с таковыми при капитализме. Они научно обоснованы, служат прогрессу, правдивы и гуманны по своему характеру и назначению.

Идеологические средства необходимы не только на первом этапе общественного целеосуществления. Они играют важную роль на всех его ступенях при разъяснении и решении задач преодоления трудностей и уточнения цели в новых конкретных условиях.

В число материальных средств осуществления общественных целей входят материально-технический и экономический потенциал общества, трудовые и материальные ресурсы (естественные и произведенные), накопленный уровень научного и технического знания, производственный опыт, средства транспорта и связи и т. д.

В общественном целеосуществлении следует выделять основную цель этого процесса и производные от нее

---

[4] См.: *Плетников Ю. К.* Специфика законов развития социалистического общества // Вопр. философии. 1980. № 2.

цели создания необходимых средств ее достижения. Например, индустриализация нашей страны в годы первой пятилетки была средством построения основ социализма как первой фазы развития коммунистической формации. В общем плане социального развития нашей страны индустриализация не выступала как самоцель, она была материальным средством достижения цели более высокого общественного ранга — коренного переустройства общества на социалистических началах. Одновременно индустриализация была основной целью создания материально-технической базы социализма. В этой роли она выступала как самостоятельная и длительная цель экономического развития нашего общества на первых порах его становления.

Важнейшим методологическим вопросом целеосуществления вообще и общественного целеосуществления при социализме в особенности является проблема выбора средств достижения цели в соответствии с самой целью и социальной основой общества. Критерии выбора средств должны удовлетворять следующим условиям: приемлемому сроку достижения цели, максимальному приближению к задуманному результату при минимальных общественных издержках. Прежде всего должно быть обеспечено своевременное и наиболее полное осуществление намеченной общественной цели. При этом необходимо, чтобы выбранные средства были минимальными, но достаточными. Расточительство в средствах целеосуществления принципиально неприемлемо для социалистического общества. Далее, выбор средств не должен осуществляться в ущерб достижению других общественных целей, или в крайнем случае ущерб этот должен быть минимальным. И наконец, при социализме полностью исключается выбор средств незаконного, преступного характера. Выбранные средства должны быть такими же гуманными, как и сами общественные цели.

Эти условия практически не соблюдаются при выборе средств целеосуществления господствующими классами в антагонистическом обществе. Капиталистические классовые цели антигуманны и преступны в своей основе. Отсюда следует и преступный, антигуманный характер средств их осуществления, выражающийся в ужесточении эксплуатации трудящихся, усилении расового и национального угнетения вплоть до геноцида, милитаризации и захватнических войнах, хищническом расточительстве природных ресурсов, насаждении методов кровавой дик-

татуры и растлении сознания масс пропагандой ненависти к другим народам, к социализму и социалистическим государствам.

Завершение осуществления текущих и долговременных целей в социалистическом обществе необходимо сопровождать обобщением накопленного опыта практического решения задач и подготовительной теоретической работой по постановке новых задач, новых целей дальнейшего развития общества. Новые цели должны осознаваться и выдвигаться своевременно. Общественный прогресс совершается непрерывно, и отражение новых его тенденций, новых потребностей общества не должно от него отставать.

Своевременность постановки новых общественных целей, обеспечение непрерывности общественного целеполагания достигаются в теории и практике социалистического строительства сочетанием текущей и прогностической исследовательской работы, сочетанием практической деятельности по осуществлению ранее поставленных целей с выявлением новых общественных потребностей, определением тенденций их качественного и количественного роста, составлением наряду с действующими долговременных планов экономического и социального развития страны, более общих планов на отдаленную перспективу, охватывающую несколько десятилетий. При этом перспективные планы необходимы в качестве предварительного ориентира. В дальнейшем, в новых исторических условиях, они будут уточняться и совершенствоваться. Их служебная роль состоит в обеспечении непрерывности общественного целеполагающего процесса.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Становление и развитие коммунистической общественной формации, ее отдельных фаз — социализма и коммунизма — сложный, многогранный процесс, характеризующийся в каждой стране конкретным взаимодействием различных условий — внутренних и внешних (международных), объективных и субъективных, процесс, понимание кото-

рого требует знания диалектики общего, особенного и единичного, соотношения общего и отдельного. Ведь общие закономерности как перехода от капитализма к социализму, так и развития уже построенного социалистического общества, составляющие основное содержание этого процесса, реализуются в отдельных странах в неодинаковых конкретных формах, их использование в каждой стране осуществляется *особыми* путями и ознаменовано специфическими, *индивидуальными* чертами. Это один из важнейших, фундаментальных выводов марксистско-ленинской теории, полностью подтвержденный всей практикой строительства нового общества в странах мировой социалистической системы. Между тем и данный вывод, и подтверждающая его практика становления и развития реального социализма служат одним из излюбленных объектов нападок со стороны буржуазной и ревизионистской идеологии.

Ссылаясь и на реальную национальную специфику форм социализма, но еще больше упирая на встречающиеся извращения и деформации социализма, критики марксизма стараются доказать, что «социализмы» существенно отличаются между собой. Причем, по их мнению, похвалы заслуживает лишь тот из «социализмов», в котором больше «свободной игры экономических и политических сил», больше антисоветизма и меньше «ортодоксального марксизма-ленинизма». Короче говоря, по утверждениям буржуазных и ревизионистских теоретиков, сегодня и марксизм, и реальная социалистическая практика в различных странах «плюралистичны», а коммунисты, дескать, не желают считаться с этим теоретическим и практическим плюрализмом, по-прежнему пытаются всюду придать социализму единый облик, соответствующий «советскому образцу». Нет ничего более далекого от истинного положения как в современной марксистской теории, так и в практике социалистического строительства. Чтобы доказать это, рассмотрим проблему взаимодействия общего и особенного в теоретическом и практическом аспектах.

§ 1. Интернациональная теория освободительной борьбы и ее конкретное применение

Вооружив рабочий класс, трудящихся интернациональной теорией освободительной борьбы, К. Маркс и Ф. Энгельс, а позже В. И. Ленин неоднократно указывали на то, что применение общей теории в специфических условиях

каждой страны требует ее дальнейшей конкретизации, творческого развития с учетом обстановки. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное,— писал В. И. Ленин,— мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» [1].

Но не означает ли национальное применение интернациональной теории раздробления ее на многочисленные «измы», возникновения тех самых «национальных интерпретаций» марксизма, о которых говорят буржуазные идеологи? Нет, не означает, ибо действительное творческое развитие научного коммунизма сохраняет, как говорил Ленин, «твердые основания этой науки», ее «общие *руководящие* положения», составляющие ее суть.

В чем же состоят эти «твердые основания»? Вопрос о «твердых основаниях науки», остающихся незыблемыми при всей изменчивости действительности, не так уж прост. Ревизионисты, пересматривающие основные принципы революционной теории марксизма, и буржуазные идеологи, восхваляющие «национальные социализмы», обвиняют марксистов-ленинцев в «догматизме» за их приверженность «твердым основаниям науки», за их «непонимание» того, что «все движется, все изменяется», что незыблема лишь абстракция движения. Однако подобные упреки глубоко чужды диалектике, научной методологии познания. «Критики» марксизма-ленинизма не могут понять того, что действительность наряду с абсолютной изменчивостью имеет и относительную устойчивость, предопределяющую то, что до тех пор, пока сохраняется сумма определенных условий, сохраняются и обусловленные ими закономерности и принципы, а следовательно, сохраняют свою истинность и отражающие эти закономерности принципы и «твердые основания науки».

При всей изменчивости общественной жизни есть достаточно устойчивые закономерности возникновения и

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

функционирования общественно-экономических формаций. Поскольку коренные условия капитализма — господство капиталистической собственности, отношения эксплуатации, политическая власть буржуазии, антагонизм эксплуататоров и эксплуатируемых, борьба рабочего класса и других слоев трудящихся против своих угнетателей и т. п.— общие для всех капиталистических стран, постольку общими для них являются и такие закономерности освободительной борьбы, как совершение политической революции и утверждение власти рабочего класса, социалистическое преобразование промышленности и сельского хозяйства, развитие демократии для трудящихся и т. д. Эти и другие установленные марксизмом-ленинизмом общие истины и служат «твердыми основаниями», «общими руководящими положениями» научного коммунизма; они остаются незыблемыми там и тогда, где и когда есть названные условия, борьба за революционный переход от капитализма к социализму. В другой обстановке, при некапиталистическом развитии или при уже построенном социализме, действуют свои объективные закономерности. В соответствии с этим общие принципы борьбы за общественный прогресс, установленные или устанавливаемые наукой, оказываются именно для таких условий теми «твердыми основаниями» и «общими руководящими положениями», которые входят в общий арсенал единой марксистско-ленинской теории.

Формулировка подобных принципов и выводов — результат научного, марксистского обобщения фактов, опыта революционной борьбы; их правильность, степень достоверности, рамки применения проверяются общественной практикой. Конечно, при этом не следует забывать, как отмечал Ленин, что «критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления» [2]. Но следует помнить и то, что, как подчеркивал В. И. Ленин, «этот критерий... настолько „неопределенен“, чтобы не позволять знаниям человека превратиться в „абсолют“, и в то же время настолько определен, чтобы вести...борьбу» со всеми извращениями и фальсификациями общих положений единой интернациональной марксистской науки [3].

---

[2] Там же. Т. 18. С. 145—146.
[3] Там же. С. 146.

§ 2. Единая сущность реального социализма и общие закономерности его развития

Не только марксистско-ленинская теория, но и реальная практика социалистического строительства в различных странах показывает, что при всем многообразии форм воплощения и реализации социализм как определенный тип общественных отношений един для всех стран.

Определение интернациональной сущности социализма включает ряд задач: во-первых, выяснение того, как возник социализм в качестве научного идеала нового общественного строя и каково его содержание; во-вторых, установление главных черт, присущих реальному социализму, выделение тех, которые неизбежно повторяются во всех странах, а следовательно, имеют всеобщую интернациональную значимость; в-третьих, выявление органической связи черт, их взаимодействие в едином процессе развития.

Обращаясь к проблеме социализма как научного идеала нового общественного строя и его содержанию в качестве такого идеала, следует иметь в виду, что человеческое сознание не только отражает, но и творит мир.

Интернациональная сущность социализма состоит в том, что это общественный строй, революционным путем сменяющий капитализм и докапиталистические отношения, ликвидирующий частную и устанавливающий общественную собственность на средства производства, уничтожающий все формы эксплуатации и угнетения и утверждающий коллективистские начала во всех сферах общественных отношений. Социализм представляет собой систему производственных, социально-политических, идеологических отношений, обеспечивающих удовлетворение коренных интересов трудящихся, новое положение человека в обществе.

Однако определение сущности социализма было бы неполным, если бы оно содержало только то, что отличает его от капитализма, демонстрируя главные преимущества его общественных отношений по сравнению с капиталистическими, и является общим как для социализма, так и для коммунизма. Социализм — самостоятельная фаза коммунистической формации, поэтому его сущность с необходимостью включает наряду с общекоммунистическими и свои собственные, особенные, присущие ему как первой фазе этой формации черты и связи. И этот аспект сущности социализма так же интернационален, как и

первый, ибо коренные особенности социализма как фазы не случайны, они присущи всем странам, осуществившим социалистическую революцию и строящим новое общество. Ни одна страна, как бы высоко ни была она развита экономически, в какой бы период истории она ни вступила на путь революционных преобразований, не может перейти к коммунизму, минуя социализм или совместив его важнейшие социальные преобразования с преобразованиями переходного периода.

Раскрытие этого аспекта интернациональной сущности реального социализма предполагает выявление его наиболее существенных черт в важнейших сферах общественной жизни: экономической, социально-политической, сфере сознания.

В сфере экономики — это социалистический способ производства, базирующийся на: индустриально развитой материально-технической базе, уровень которой соответствует основным достижениям мирового научно-технического прогресса на данном историческом этапе его развития; двух формах общественной собственности — государственной и кооперативной; плановом руководстве хозяйственным развитием во всех его звеньях с использованием товарно-денежных отношений, механизма хозяйственного расчета, принципа личной материальной заинтересованности работников. Это способ производства, строящий распределительные отношения на основе принципа «От каждого — по способностям, каждому — по труду», дополняемого бесплатным распределением из общественных фондов потребления.

Определяя сущностные черты социалистического способа производства, было бы неверно рассматривать их как составные элементы общественной цели социализма. Это лишь средства достижения цели, а сама цель в другом, а именно в освобождении человека от эксплуатации и всех форм угнетения (социального, национального, нравственного и т. д.), а также в обеспечении таких материальных и культурных условий для развития человеческой личности, которые позволяли бы человеку подчинять свои способности и жизненные силы не только труду во имя «хлеба насущного», но и неуклонному развитию всех своих творческих задатков, своего интеллекта, т. е. в постепенном создании необходимых предпосылок для всестороннего и полного развития личности человека будущего коммунистического общества. При этом, имея в виду эту конечную цель развития коммунистической фор-

мации в целом, нельзя подменять ею цель социализма как первой фазы этой формации, которая, хотя и более скромна, но имеет самостоятельное значение, ибо без ее достижения невозможен и переход к высшей фазе.

В связи с анализом проблем социалистической собственности нередко встает вопрос о том, возможно ли возникновение социализма с одной — общенародной формой собственности. Актуальность этого вопроса обусловлена в теоретическом плане тем, что в соответствии с марксовой схемой нового общества оно мыслилось не только на высшей, но и на низшей фазе базирующимся на общем владении всеми средствами производства, а в практическом плане — тем, что ныне в ряде развитых капиталистических стран (США, Англия, ФРГ, Швеция и др.) отсутствует или почти отсутствует крестьянство.

Решая этот вопрос, во-первых, нельзя забывать о том, что кооперативная форма социалистической собственности возникает не обязательно лишь как результат объединения собственности трудящихся крестьян; она может возникнуть и в результате обобществления собственности других категорий мелких собственников, производство которых основано на личном труде (кустари, мелкие торговцы и т. д.). Во-вторых, нельзя не считаться и с тем, что капитализм нигде не существовал и не может существовать в «чистом виде». Это означает, что во всех странах, как бы высоко в них ни был развит капитализм, кооперирование мелких товаропроизводителей есть объективная необходимость. Нельзя исключать и того, что кооперативная форма собственности в отдельных странах может оказаться, как это считали Маркс и Энгельс, лишь «переходной формой» переходного периода, а в условиях уже построенного социализма общество будет развиваться на базе единой общенародной собственности.

В социально-политической сфере социализм характеризуется отсутствием классовых антагонизмов, хотя социально-классовое деление общества еще сохраняется. Классы социалистического общества имеют новую природу — это дружественные классы. Политическая власть в социалистическом обществе принадлежит трудящимся, руководимым рабочим классом и его марксистско-ленинской партией. По завершении переходного периода, когда окончательно решен вопрос «кто кого?» в пользу социализма, начинается процесс перерастания государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство, а партия пролетариата превращается

в партию всего народа. Сроки завершения этого процесса зависят от конкретных условий каждой страны, от степени зрелости ее социально-политических отношений на том или ином этапе собственно социалистического развития.

При выявлении интернациональных социально-политических черт социализма встает вопрос: возможно ли возникновение социализма (т. е. его утверждение сразу после переходного периода) как социально однородного общества, не делящегося на классы и другие социальные группы?

Опыт современного социализма не дает оснований для утвердительного ответа на этот вопрос. Однако, как уже говорилось, теоретически не исключена возможность слияния двух форм социалистической собственности еще в ходе становления социализма.

В сфере политической надстройки сущностные, интернациональные черты социализма проявляются в наличии социалистической государственности, ее постоянном развитии и совершенствовании, постепенном перерастании государства диктатуры пролетариата, утверждаемой в любой стране в самом начале социалистической революции, в общенародное социалистическое государство, неуклонное расширение социалистической демократии; в превращении «власти для трудящихся» «во власть через трудящихся»; в руководящей, направляющей и организующей роли правящей марксистско-ленинской партии рабочего класса, в ее постепенном превращении в партию всего народа; в развитии и совершенствовании действия принципа демократического централизма во всех звеньях партийного руководства общественным развитием; в обоснованном разграничении функций государственного и партийного руководства экономикой; в оптимальном сочетании административных и экономических методов управления народным хозяйством.

В сфере сознания интернациональные черты социализма состоят: в господстве марксистско-ленинской идеологии; в усвоении важнейших завоеваний мировой культуры и их дальнейшем обогащении; в утверждении духа коллективизма, взаимопомощи, высоких моральных идеалов.

Определение интернациональной сущности социализма было бы неполным, если бы перечисленные существенные его черты не были рассмотрены в их единстве, органической взаимосвязи, ибо социализм, как и всякий общест-

венный строй, есть единая система, все элементы которой находятся в постоянном взаимодействии и развитии.

В нашей литературе довольно продолжительное время господствовал взгляд на социализм как на некое «переходное состояние общества», как на механическое соединение черт незрелого коммунизма с «родимыми пятнами капитализма» [4]. К элементам незрелого коммунизма относили материально-техническую базу социализма, общенародную собственность на средства производства, непосредственно-общественный характер труда, планомерность и т. д. К «родимым пятнам капитализма» относили классовую структуру социалистического общества, существенные различия между городом и деревней, людьми умственного и физического труда, товарно-денежные отношения и действие закона стоимости в социалистическом хозяйстве, а некоторые исследователи сюда же относили и принцип распределения по труду, ссылаясь при этом на известное положение К. Маркса о сохранении на низшей фазе коммунизма остатков «буржуазного права» в распределении.

Эта теоретическая позиция опиралась на нетворческое понимание марксовой концепции нового общества, не учитывала всего богатства ленинского вклада в общую марксистскую теорию социализма, а также реальную практику социалистического строительства. Попытки ее практического воплощения в ходе строительства социализма как в Советском Союзе, так и в ряде других стран мировой социалистической системы, предпринимавшиеся в свое время, не принесли, как известно, желаемых результатов. Речь идет прежде всего о постановке задачи перехода к коммунизму сразу же по завершении переходного периода и об обусловленных ею мероприятиях по форсированному «слиянию» двух форм социалистической собственности, «свертыванию» личного подсобного хозяйства колхозников, сужению сферы товарно-денежных отношений и расширению отношений прямого продуктообмена и т. п. Все эти и подобные им волюнтаристские «забегания», попытки искусственного форсирования таких социально-экономических преобразований, для которых еще не созрели условия, не отвечали объективным законам социализма, противоречили требованиям реальной жизни.

---

[4] См., напр.: Методологические проблемы экономической теории. М., 1970. С. 29; Экономическое учение В. И. Ленина и современность. М., 1971. С. 39; и др.

Обобщение КПСС и другими братскими марксистско-ленинскими партиями практики социалистического строительства позволило сделать имеющий принципиальное значение вывод, что социализм — это не кратковременный симбиоз незрелого коммунизма с «родимыми пятнами» капитализма, а общественный строй, имеющий собственную природу и основу, характеризующийся едиными, органически присущими ему чертами, признаками и принципами. Это, разумеется, не исключает того, что социализм является не самостоятельной общественной формацией, а лишь первой фазой единой коммунистической формации, имеющей целый ряд общих с высшей фазой социально-экономических основ. Вместе с тем социализм существенно отличается от высшей фазы по своей социально-экономической структуре. Основой этой структуры являются собственно социалистические производственные отношения и управляющие ими специфические экономические законы. Социальная природа всех сущностных черт социализма не двойственна, а едина: социалистическими по своей природе являются как общенародная (государственная), так и кооперативная собственность; как принцип коллективизма и взаимопомощи, так и социально-классовая структура общества; как планомерное государственное руководство хозяйством, так и товарный характер социалистического производства, предполагающий использование в практике планирования системы стоимостных рычагов, экономических стимулов, метода хозрасчета и т. д. Все это означает, что социализм не только имеет собственную социально-экономическую природу, отличную от коммунистической, но и развивается на собственных основах, которые создаются в процессе преобразований переходного периода. При этом собственные основы социализма охватывают не только социально-экономическую сферу общественной жизни, но и сферу социально-политических отношений и сферу общественного сознания.

Признание наличия у социализма собственных основ нисколько не противоречит известному положению К. Маркса о том, что на низшей фазе «мы имеем... дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно

вышло»[5]. Дело в том, что для Маркса и Энгельса проблема определения собственных основ социализма как низшей фазы коммунистической формации вообще не стояла, да и стоять не могла, ибо для них были существенны не конкретные особенности, которые трудно или вообще невозможно было предвидеть, не те особенные черты и социально-экономические формы, которые это общество будет порождать и «сбрасывать» в процессе своего развития, на различных его этапах, а лишь общекоммунистические черты будущего общества, основанного «на началах коллективизма, на общем владении средствами производства...»[6]. Для основоположников научного коммунизма такое абстрагирование от конкретных форм и специфических особенностей развития нового общества было неизбежно в силу отсутствия реального исторического материала для обобщения и, следовательно, для прогнозирования.

Рассмотрим в качестве примера вопрос о товарном производстве, товарно-денежных отношениях при социализме с точки зрения правомерности отнесения этих отношений к собственной основе социализма. Основоположники марксизма считали товарное производство и товарно-денежные отношения несовместимыми с социальной организацией будущего общества, ибо им были известны лишь такие формы этого производства, которые базировались на частной, в том числе на частнокапиталистической, форме собственности на средства производства. У них не было, да и не могло быть, исторических оснований для предположения о возможности использования товарной формы в рамках производства ассоциированных производителей. Вместе с тем, отрицая возможность использования здесь стоимостной формы для измерения затраченного на производство продуктов труда и для вознаграждения за отданный обществу труд, К. Маркс гениально предвидел, что на первой фазе коммунистического общества будет, очевидно, господствовать тот же принцип, «который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились,— писал Маркс,— потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в соб-

---

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 18.
[6] Там же.

ственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления» [7].

Другими словами, К. Маркс предвидел необходимость использования на первой фазе коммунизма принципа эквивалентного обмена, но исходил из того, что этот принцип будет реализовываться не в товарной, а в какой-то иной форме, например с помощью трудовых квитанций, призванных заменить деньги. Когда же строительство социализма стало исторической реальностью, оказалось, что человечество не располагает более целесообразным и совершенным инструментом учета и распределения общественного, в том числе обобществленного в общенародном масштабе, труда, чем деньги. Однако использование в хозяйственном строительстве стоимостных инструментов отнюдь не означает, что социалистическое товарное производство есть то же товарное производство, которое базировалось на частной собственности, но лишь с другим названием. Сегодня вряд ли нужно доказывать, что и содержание и форма товарного производства при социализме в корне отличаются от частнокапиталистических.

Реальная практика социалистического строительства достаточно убедительно доказала, что товарно-денежные отношения, используемые в социалистическом хозяйстве, с одной стороны, в корне отличаются по своему социальному характеру от капиталистических, с другой — являются неотъемлемым органическим элементом системы социалистических производственных отношений, сущностной чертой социализма.

Ленинский вывод, согласно которому товарообмен, товарно-денежные отношения есть одна из важных сторон «хозяйственной базы социализма», получил свое творческое развитие в документах КПСС, других коммунистических и рабочих партий социалистических стран, всесторонне обосновавших тезис, что товарное производство, товарно-денежные отношения при социализме — это не буржуазные товарное производство и товарно-денежные отношения, перенесенные на новую почву, а имеют четко выраженную социалистическую природу, являясь органической частью социалистических производственных отношений.

КПСС предъявляет к общественным наукам требование не только более глубокого раскрытия сущностных черт социализма, но и объяснения причин существования

---

[7] Там же.

в жизни социалистического общества таких негативных явлений, которые в нашей научной и пропагандистской литературе долгое время трактовались исключительно как «пережитки капитализма» в сознании и поведении людей. Однако было бы неправильно видеть в уродливых явлениях общественной жизни, вызывающих беспокойство и справедливое возмущение трудящихся, одни лишь «пережитки прошлого» в сознании и поведении людей. Причины многих из этих «болячек» следует искать и в сегодняшней практике, в просчетах тех или иных работников, в реальных проблемах и трудностях нашего развития, в недостатках воспитательной деятельности. Поэтому для устранения негативных явлений нужны не только постоянные пропагандистские усилия, но и меры экономического, организационного и правового порядка.

Единая интернациональная сущность социализма порождает действие общих закономерностей этого общественного строя. Коммунистические и рабочие партии социалистических стран, решающие в настоящее время задачи строительства и совершенствования социализма, накопили богатый опыт раскрытия и использования его объективных закономерностей.

В новой редакции Программы КПСС в этой связи отмечается непреходящее «значение опыта, накопленного в социалистических странах. Прошедшие десятилетия обогатили практику социалистического строительства, наглядно выявили многообразие мира социализма. В то же время опыт этих десятилетий свидетельствует об огромном значении **общих закономерностей социализма** — таких, как: власть трудящихся при ведущей роли рабочего класса; руководство развитием общества со стороны коммунистической партии, вооруженной идеологией научного социализма; утверждение общественной собственности на основные средства производства и на этой базе — планомерный рост экономики в интересах народа; осуществление принципа „От каждого — по способностям, каждому — по труду"; развитие социалистической демократии; равноправие и дружба всех наций и народностей; защита революционных завоеваний от посягательств классовых врагов.

Использование общих закономерностей в конкретных условиях каждой из социалистических стран — основа их уверенного продвижения вперед, преодоления трудностей роста и своевременного разрешения возникающих противоречий, реальный вклад правящих коммунистиче-

ских партий в общий процесс социалистического развития»[8].

Всестороннее раскрытие существа объективных закономерностей, действующих в рамках социалистической фазы, определение их субординации и взаимодействия особенно важны по двум причинам: во-первых, учет действия этих закономерностей позволяет выявить ту основу, на которой может быть научно рассмотрена проблема общего и специфического в условиях социализма; во-вторых, в результате анализа действия этих закономерностей, постепенного исчерпания условий для их проявления можно правильно подойти к проблеме непосредственного перерастания социализма в коммунизм.

Чтобы раскрыть действие общих закономерностей строительства социализма в конкретной обстановке отдельных стран, необходимо рассмотреть как саму эту обстановку, так и обусловливаемую ею специфику проявления данных закономерностей, многообразие форм их реализации.

§ 3. Диалектика общего и специфического в строительстве социализма

Марксизмом-ленинизмом обоснован тезис, согласно которому как осуществление социалистической революции, так и закономерный процесс перехода от капитализма к социализму дают огромное разнообразие форм в различных странах. Еще В. И. Ленин писал, что «конкретные условия и формы этого перехода неизбежно являются и должны быть разнообразными в зависимости от тех условий, при которых начинается движение, направленное к созданию социализма. И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществлять тот или иной план — все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму...»[9]. Этот ленинский тезис был впоследствии использован и развит в Программе Коминтерна[10].

Практика развития социалистических стран служит убедительным подтверждением правильности диалектиче-

---

[8] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 128—129.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 152.

[10] См.: Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933. С. 29.

ского, ленинского подхода к взаимодействию общего и специфического в строительстве социализма. Это ленинское положение нашло отражение на XXVII съезде КПСС, где было подчеркнуто, что «сегодня особенно важно на основе развития — и не одной, а ряда стран — проанализировать характер социалистического образа жизни, осмыслить процессы совершенствования демократии, методов управления, кадровой политики. Бережное, уважительное отношение к опыту друг друга, применение его на практике — огромный резерв социалистического мира» [11].

Неодинаковость форм реализации общих закономерностей социализма в различных странах обусловлена разнообразием в них конкретных условий социалистического строительства, а также временем вступления страны в социалистическую фазу развития.

Можно назвать три группы условий, определяющих специфику социалистического развития в той или иной стране: а) исторические; б) международные; в) национально-государственные.

Исторические условия, или конкретный этап всемирно-исторического процесса, в рамках которого осуществляется развитие социализма, определяют уровень развития науки и техники, техническую и технологическую структуру производства, характер и уровень человеческих потребностей, ценностных ориентаций и т. д., что, в свою очередь, непосредственно сказывается на общезначимых критериях развитости социализма, прежде всего на его экономических критериях.

В числе международных условий можно назвать: соотношение сил на мировой арене, общее состояние международных отношений социализма, единство действий стран мировой социалистической системы в вопросах внешней политики и т. д. Влияние международных условий на специфику строительства социализма в той или иной стране отчетливо проявляется и в рамках содружества социалистических стран в связи с развитием процесса экономической интеграции стран—членов СЭВ. В интегрирующихся странах проблемы создания материально-технической базы социализма, определения структуры народнохозяйственного комплекса стоят в значительной мере по-другому в сравнении с тем, как они стояли бы в одной стране.

---

[11] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 72.

Разнообразие условий осуществления революции и строительства основ социализма в отдельных странах также порождает специфику его конкретных форм. Как показывают реальный опыт, практика, ни в одной из ныне существующих социалистических стран формы, методы, пути социалистической революции не были механическим повторением чужого опыта. ГДР или Польша, Венгрия или Куба, Монголия или Болгария — словом, все социалистические страны осуществили революции по-своему, в формах, которые диктовались соотношением классовых сил внутри каждой из этих стран, национальным укладом и внешней обстановкой. Победа социалистических революций в ряде стран Европы и Азии, а также на Кубе обогатила революционное движение многообразным опытом создания широких демократических союзов, сочетания борьбы за демократию с борьбой за социализм, движения за национальное освобождение с социалистической революцией. В ходе утверждения власти трудящихся использовались мирные, парламентские и вооруженные, внепарламентские методы борьбы. Создание новых государственных форм власти рабочего класса проходило в условиях однопартийных и многопартийных систем. Выдержали экзамен различные формы вовлечения трудящихся в управление делами предприятий, общества и государства. Есть богатый опыт сотрудничества коммунистов с партиями-союзниками, налаживания взаимоотношений коммунистической партии, социалистического государства и массовых общественных организаций.

Многонациональные социалистические государства добились демократического решения национального вопроса на путях федеративной организации.

Не менее разнообразен и опыт практической реализации общих закономерностей в экономической области. Это разнообразие касается как темпов социалистических преобразований в различных сферах и отраслях народного хозяйства, так и конкретных форм этих преобразований. Представляет, например, интерес опыт экономического развития социалистической Венгрии, в частности особенности социалистических преобразований в ее сельском хозяйстве. Внутренняя структура и организация венгерских кооперативов, развивающиеся формы агропромышленной интеграции служат мощным источником роста производства сельскохозяйственной продукции, позволившим не только полностью удовлетворить потребно-

сти страны в продовольствии, но и существенно расширить экспортные возможности этой отрасли. Идет интенсивный процесс апробирования различных форм совершенствования деятельности промышленных предприятий, предприятий сферы обслуживания и торговли.

Интересен и опыт рационализации производства в ГДР, направленный на резкое сокращение удельных расходов топлива и сырья в производстве как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции, что в условиях растущих во всем мире трудностей с топливно-энергетическими и сырьевыми ресурсами приобретает характер одного из важнейших факторов сохранения устойчивых темпов экономического роста.

В Болгарии и ряде других стран ведется апробация новых путей и форм совершенствования отношений социалистической собственности, всей системы производственных отношений, вносятся коррективы в хозяйственный механизм с целью сделать его более гибким, в большей мере отвечающим сегодняшним потребностям развития производительных сил.

В ряде братских стран умело сочетается государственное и кооперативное производство с использованием индивидуальной трудовой инициативы граждан, проверяются различные формы интеграции индивидуального и общественного труда, расширяется использование различных форм кооперативного движения, ведутся поиски, направленные на оптимизацию сочетания крупного и мелкого производства в различных звеньях народнохозяйственной структуры.

В связи с исследованием проблемы общего и специфического в строительстве и совершенствовании социализма неизбежно встает вопрос о значении советского опыта для других социалистических стран. Советский опыт важен не потому, что все его особенности и специфические черты, рожденные конкретной обстановкой, должны быть повторены в других странах. Эту мысль совершенно необоснованно приписывают нам наши идейные враги, стремящиеся любым путем дискредитировать завоевания социализма. В нашей стране впервые проявили себя, как это показал весь последующий исторический опыт, общие для всех стран закономерности, которые в своих специфических формах уже проявили и, несомненно, будут проявлять себя и в будущем в других странах. Это гениально предвидел еще В. И. Ленин, ког-

да подчеркивал, что поскольку «основные соотношения основных классов», имевшихся в России, характерны для всех капиталистических стран, то революция и революционные преобразования в России идут «по общей линии мирового развития». Потому-то отнюдь не все, а лишь основные черты советского развития определяют «историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас», того, что «некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение». При этом В. И. Ленин подчеркивал, что «было бы величайшей ошибкой преувеличить эту истину, распространить ее не только на некоторые из основных черт нашей революции» [12].

Объективные закономерности социализма, действующие в национально-специфических формах, реализуются не автоматически, сами по себе, а прокладывают себе дорогу в условиях существования противодействующих тенденций, противоречий, порождаемых как объективными, так и субъективными причинами. Причины наличия противоречий в конечном итоге обусловлены существующими экономическими обстоятельствами. Сами же эти обстоятельства в значительной мере обусловлены действующей в данный момент формой управления, конкретной формой хозяйственного механизма. Поэтому главные усилия в борьбе за разрешение социально-экономических противоречий и преодоление негативных явлений в социально-экономической и хозяйственной областях марксистско-ленинские партии социалистических стран, их руководящие государственные органы направляют на всемерное совершенствование хозяйственного механизма, на оптимизацию соотношения административных и экономических методов управления производством и социально-экономическим развитием в целом.

Поскольку совершенствование социализма — длительный процесс, охватывающий не одно десятилетие, необходимо учитывать, что закономерностями этого процесса являются именно закономерности социалистической фазы, а не закономерности непосредственного превращения социализма в коммунизм, иными словами, суть этого процесса заключается в том, что постепенно разрешаются внут-

---

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 3.

ренние противоречия социалистической фазы развития, а имманентно присущие социализму черты и свойства раскрываются все полнее, становясь более зрелыми. Всестороннее раскрытие существа объективных закономерностей, действующих в рамках социалистической фазы, определение их субординации позволяет правильно подойти к проблеме соотношения социализма и коммунизма как двух последовательных фаз единой коммунистической формации.

Утверждение социализма и его планомерное и всестороннее совершенствование — закономерный процесс продвижения к коммунизму. Поскольку между социализмом и коммунизмом нет резкой грани, постольку совершенствование социалистического общества, укрепление присущих ему общекоммунистических начал означает не что иное, как действительное, реальное движение общества к коммунизму. В связи с этим необходимо четкое осознание того факта, что сущность этого исторического движения определяется объективными законами развития общества, с которыми нельзя не считаться. В этом процессе, поэтому, недопустимы крайности субъективистского характера.

С одной стороны, неправомерно завышать требования к социализму, приписывая ему такие возможности, которыми он на самом деле не располагает.

Социализм, как и любое общество, продвигается вперед через разрешение присущих ему противоречий, через постепенное создание и накопление материальных и иных предпосылок для осуществления непосредственного перехода к коммунизму. Для создания материально-технической базы коммунизма, для широкого развития возможностей социалистических производственных отношений, для обеспечения социалистического, а не коммунистического уровня жизни трудящихся, для преодоления пережитков прошлого и негативных явлений в общественной жизни, для утверждения социалистического образа жизни предстоит сделать еще немало. Пока же не создана материально-техническая база коммунизма, пока совершенствование производственных, а вместе с ними и всех других общественных отношений социализма стимулирует развитие производительных сил, пока не раскрыты все возможности социалистической фазы, общество будет развиваться на основе социалистических принципов. В современных условиях всесторонний прогресс и поступательное движение

общества к коммунизму обеспечивается лишь на путях ускорения его социально-экономического развития.

С другой стороны, неверно трактовать цели современного этапа общественно-исторического развития как якобы «отодвигающие» задачи коммунистического строительства. Именно такой вывод сделали некоторые буржуазные и реформистские критики социализма. По их мнению, настаивание в нынешних условиях на последовательном осуществлении именно социалистических, а не коммунистических в узком смысле слова принципов будто бы «отодвигает» коммунистические перспективы. В действительности же «отодвигается» лишь волюнтаризм, необоснованные, а потому практически неосуществимые попытки перепрыгивания через необходимые этапы общественного развития. «Любые попытки забегания вперед, введения коммунистических прицинов без учета уровня материальной и духовной зрелости общества, как показывает опыт, обречены на неудачу, могут вызвать издержки как экономического, так и политического характера»[13].

Исторический опыт строительства социализма свидетельствует о том, что недооценка возможностей социализма, попытка искусственного насаждения «элементов» коммунизма без создания необходимых материально-технических, социально-экономических, политических, духовных предпосылок не ускоряют, а, наоборот, замедляют продвижение к коммунизму, ибо такие попытки означают игнорирование объективных условий и возможностей общественного развития, пренебрежение теми средствами общественного прогресса, которые являются единственно возможными на этой исторической ступени.

Будучи двумя фазами единой общественной формации, социализм и коммунизм имеют ряд общих существенных черт наряду с особыми специфическими чертами, присущими каждой из них.

В связи с этим переход от социализма к коммунизму предполагает следующее:

— сохранение и развитие черт социализма, которые являются общими и для социализма и для коммунизма. К ним относятся, в частности, общественная собственность на средства производства, черты непосредственно

---

[13] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 139.

общественного характера труда, плановое ведение народного хозяйства, направленное на удовлетворение потребностей трудящихся, коллективизм, развитие форм самоуправления;

— устранение черт, которые присущи социализму на современном этапе его развития. Это — различия двух форм социалистической собственности, социально-классовые различия, товарное производство и товарно-денежные отношения в целом, существенные различия между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда и т. п. Особо важное значение имеет также преодоление действительных пережитков капитализма (стяжательства, коррупции, мелкобуржуазных воззрений и привычек и т. д.), не вытекающих из природы социализма, но имеющих место в социалистическом обществе;

— создание таких элементов коммунизма, которые или вовсе не присущи социализму, или содержатся в нем в недостаточно развитом состоянии. Речь идет о труде как первой жизненной потребности здорового человека; новых формах учета труда и распределения предметов потребления («по потребностям»); новых формах быта и всего образа жизни в целом.

Некоторые из этих элементов зарождаются еще на начальных этапах продвижения к коммунизму (например, субботники коммунистического труда), их число нарастает в условиях уже построенного социализма, однако на протяжении всей социалистической фазы доминирующим остается сохранение как общих с коммунизмом, так и специфических черт социализма. И только по мере создания материально-технической базы коммунизма с неизбежностью должен развернуться интенсивный процесс отмирания тех черт, которые присущи только социализму, создания тех элементов, которые, приходя на смену первым, характерны только для высшей фазы — коммунизма.

Это неизбежно предполагает целый исторический этап качественных и комплексных изменений в общественной жизни, ибо его сутью будет превращение социалистических общественных отношений в коммунистические, а по своему общему содержанию это и будет процесс непосредственного перерастания социализма в коммунизм. Поэтому можно говорить о продвижении общества к коммунизму, начиная с момента осуществления социалистической революции и утверждения власти рабочего класса. Поэтому можно и нужно говорить о строительстве коммунизма

на протяжении всей социалистической фазы, поскольку здесь не только развиваются общие для социализма и коммунизма черты общественной жизни, но и готовятся объективные и субъективные предпосылки коммунизма. Однако, как подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, партия «не ставит целью предвосхитить в деталях черты полного коммунизма. По мере продвижения к нему, накопления опыта коммунистического строительства научные представления о высшей фазе нового общества будут обогащаться и конкретизироваться» [14].

---

[14] Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Утверждено к печати
Институтом философии АН СССР

Редактор Е. А. Жукова
Художник Л. А. Григорян
Художественный редактор С. А. Литвак
Технический редактор И. В. Бочарова
Корректоры Ю. Л. Косорыгин, И. А. Талалай

ИБ № 35781

Сдано в набор 16.06.86. Подписано к печати 18.08.86
Т-13843. Формат 84×108[1]/[32]
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр. отт. 15,12. Уч.-изд. л. 16,6
Тираж 3500 экз. Тип. зак. 2686
Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
(по материалам XVII Всемирного философского конгресса)

20 л. 2 р. 50 к.

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой обзор материалов XVII Всемирного философского конгресса (24—27 августа 1983 г., Монреаль). Дан анализ тенденций и направлений в исследовании таких проблем, как философия и культурно-исторический процесс, культура и личность, культура и научно-техническая революция, марксизм и современная буржуазная философия культуры; проблемы войны и мира и др. Раскрывается роль философии в борьбе идей, идеалов, целей и ценностей современного человечества.

Для интересующихся проблемами философии и культуры.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97;
370005 **Баку**, 5, Коммунистическая ул., 51;
690088 **Владивосток**, Океанский проспект, 140;
320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24;
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4;
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148;
343900 **Краматорск**, Донецкой области, ул. Марата, 1;
443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6;
450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10;
720000 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42;
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.

2 руб.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ